

В.И. Козлов

ЛЮДИ
ОСОБОГО
СКЛАДА

МОСКВА ГОССТАТИЗНАТ

Партизаны на приеме у И. В. Сталина.
Фрагмент с картины Ф. Модорова

Миле

В. И. КОЗЛОВ,
Герой Советского Союза

Люди
ОСОБОГО СКЛАДА

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВЛКСМ
„МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ“
1952

Литературная запись
Алексея КУЛАКОВСКОГО

Перевод с белорусского
Е. МОЗОЛЬКОВА

I

Перед самой войной я работал вторым секретарем Минского обкома партии. Это было время, когда в столице республики, в городах и районных центрах области шло особенно большое промышленное строительство. В Минске только что вступил в строй радиозавод имени Молотова, заканчивался монтаж мощной электростанции, значительно расширялись станкостроительные заводы.

До Октябрьской социалистической революции Борисов был небольшим городком, а перед войной он занимал почетное место в промышленности не только Минской области, но и всей республики. Там был построен большой спичечный комбинат, стеклозавод, фабрика по производству пианино и много других предприятий. В Слуцке и в других городах области, в селах и деревнях щедро разливали свой свет и давали энергию новые электростанции. Свыше десятка торфозаводов, много предприятий по выработке кирпича, черепицы и других строительных материалов работало в наших районах. Все машинно-тракторные станции области были оборудованы самой передовой техникой.

С такой же быстротой менялся облик и других областей Белоруссии. В каждом городе, в каждом районе совершались небывалые преобразования, вырастали корпуса новых фабрик, заводов, жилые дома.

Белоруссия становилась подлинно индустриальной республикой. У нас была уже своя крупная, основанная на передовой технике энергетическая, топливная, машиностроительная, станкостроительная промышленность. Были у нас различные отрасли деревообрабатывающей промышленности, текстильной, кожевенной, пищевой. С каждым днем росли ряды рабочего класса Белоруссии.

Все это было достигнуто благодаря тому, что о развитии нашей республики, о счастье нашего народа непрестанно заботились правительство Союза ССР, коммунистическая партия, дорогой и мудрый вожьд, наш отец товарищ Сталин. Белорусскому народу постоянно помогали все народы Советского Союза и особенно наш старший брат — великий русский народ.

Большими делами жила в это время столица Белорусской Советской Социалистической Республики. Академия наук, Государственный университет, десятки институтов, техникумов и средних школ, Театр оперы и балета, драматические театры, Дворец пионеров — все это было создано нашей партией после Великой Октябрьской социалистической революции. Бывшие рабочие, батраки, дети трудящихся крестьян, получив за годы советской власти высшее образование, уже сами руководили институтами, кафедрами, вместе со всем народом решали государственные дела. Сognи тысяч экземпляров газет, журналов, книг ежедневно расходились из столицы во все концы Белоруссии. Бессмертные творения Ленина и Сталина, лучшие художественные произведения русских классиков и советских писателей переводились на белорусский язык. Произведения народных поэтов республики Янки Купалы и Якуба Коласа, а также стихи, поэмы и романы младшего поколения поэтов и прозаиков печатались на русском языке в Москве.

Москва тепло и по-братски встречала в своих клубах, в пользующихся мировой известностью театрах выступления белорусских литераторов, артистов, новаторов промышленности и сельского хозяйства. Представители белорусского народа вместе с представите-

лями всех братских народов необъятного Советского Союза обсуждали и утверждали на Чрезвычайном VIII съезде Советов проект новой, Сталинской Конституции.

Везде и всюду под солнцем Сталинской Конституции — конституции подлинной свободы и счастья — богато и ярко расцветала жизнь. Великие преобразования совершались не только в городах. По указанию товарища Сталина в районах проводились мелиоративные работы, а незадолго до войны правительством Союза ССР и Центральным Комитетом Всесоюзной Коммунистической партии большевиков было вынесено историческое постановление об осушении и использовании белорусских болот. Колхозное крестьянство Советской Белоруссии встретило этот сталинский план с большим творческим подъемом и радостью. Весной 1941 года весь белорусский народ двинулся в наступление на вековечную трясиину. Мощные драги и экскаваторы день и ночь выпрямляли и углубляли русла полесских рек, тысячи тракторов поднимали жирную торфяную целину.

Родная большевистская партия и правительство все в большей степени обеспечивали сельское хозяйство тракторами, сложными молотилками, сеялками, автомашинами. Из Москвы и Харькова, из Сталинграда и с Урала шли в Белоруссию целые эшелоны с самыми сложными сельскохозяйственными машинами, с минеральным удобрением. И колхозники отвечали на эту заботу партии и правительства вдохновенным трудом.

Помню, в начале лета я выехал в полесские районы Минской области. Побывал в Слуцке, Любани, Старобине. Побывал в совхозе «Жалы» на Любанщине. Что такое «Жалы» в недалеком прошлом? Это непролазные болота, трясиина, комары. Здесь не ступала человеческая нога. А теперь это золотое дно. Колосистая пшеница стояла стеной, рожь — в рост человека. До революции здесь люди не имели куска хлеба, ходили в лаптях, страдали от повальных болезней и нищеты. Теперь же в совхозе «Жалы» и в соседних колхозах жизнь расцвела на диво. К кому ни зайдешь,

с кем ни поговоришь — все выражают свою душевную благодарность партии и товарищу Сталину. Живет человек в новом доме, всего у него вдоволь, дети учатся в семилетних и десятилетних школах. К услугам колхозника сельский клуб, изба-читальня, кино, лечебные учреждения. Сам он по одежде да и по разговору похож на горожанина. И куда девался прежний полешук, забитый, придавленный горем человек?!

Поехал на Червонное озеро. Здесь сходятся болотистые и лесистые границы трех районов. И деревни здесь называются по-особенному, — о прошлой жизни говорят эти названия: Забродье, Ужадь, Замошь, Подлозь, Мокрый Бор, Вязники.

Побывал я в этих деревнях и еще раз убедился, что давно уже устарели их названия, — не к лицу они нашим богатым, цветущим колхозам. Всюду грохочут тракторы, колхозники спешат как можно быстрее закончить осушку трясины. Подлозцы, забродцы, ужадцы стали передовыми в районе колхозниками, хозяевами плодородных земель, мастерами высоких урожаев.

Ехал я тогда в Минск и думал: какие чудесные перспективы таят в себе районы нашей области, какие здесь возможности для развития сельского хозяйства и промышленности! Что за люди-герои у нас в Полесье!

Новые планы вырисовывались передо мной. Хотелось работать день и ночь, укреплять и поднимать нашу республику.

Возвратился я в Минск часов в десять вечера. Вскоре началось бюро обкома. Мы стали обсуждать текущие вопросы строительства, полевых работ и поздно засиделись. Город проснулся, на улицах появились люди, а мы еще только собираемся на отдых.

Летом жил я за городом, километра за три от Минска. Приехав домой, прилег на кушетку, взял в руки газету да так незаметно и уснул.

Вдруг в квартире зазвонил телефон. Казалось, минуты не прошло, как я прилег: кто же мог звонить так рано?

Я взял трубку. Слышу, говорит товарищ Авхимович, секретарь ЦК КП(б)Б. Необходимо немедленно выезжать, — меня вызывают в Центральный Комитет.

Шофер тоже еще не успел раздеться, и когда я подошел к нему, он сразу поднялся.

— Поедем, товарищ Войтик, — полушопотом сказал я. — Иди заводи машину.

Потом, вернувшись к столу, взял свою папку и тихонько, чтобы не разбудить никого, вышел из квартиры.

Войтик дал газ, а я за этот короткий промежуток времени, пока мы ехали, все старался понять причину такого внезапного вызова. Что случилось, какие это необычайно срочные дела в ЦК? Почему же час тому назад, когда мы разъезжались, ничего не было известно?

Шофер, видимо, тоже был удивлен таким необычным случаем, хоть разное бывало за время его долгой службы в обкоме. Он изредка поглядывал на меня, должно быть надеясь услышать что-нибудь, но, ничего не дождавшись, заметил, когда мы подъезжали к центру города:

— Наверно, что-нибудь важное есть, очень срочное...

— Не знаю, Юзик, — откровенно признался я. — Ничего не знаю...

Подъехали к зданию ЦК. Я зашел в приемную товарища Пономаренко. Там уже были члены бюро ЦК, руководящие работники Совнаркома, обкома партии. Мне сразу бросилось в глаза то, что лица у многих сумрачно-суровые, озабоченные.

Выходит Пантелеймон Кондратьевич. Он здороваётся с нами, потом спокойным, ровным, как всегда, голосом, приглашает зайти в кабинет. Мы вошли и, как обычно, разместились по обеим сторонам стола. Пантелеймон Кондратьевич сел за свой стол, медленным движением перевернул листок бумаги, на мгновение задумался. Потом встал и твердо, не выказывая особой тревоги, начал говорить короткими, отрывистыми фразами:

— Получено официальное сообщение, товарищи. Фашистская Германия напала на нашу родину. Враг не объявлял войны. Он напал на нас по-воровски. Наши пограничники ведут тяжелые бои, мужественно стоят на своих рубежах. В бой вступают крупные войсковые соединения. Необходимо сейчас же....

Пантелеймон Кондратьевич не договорил, так как в этот момент послышались сигналы телефонного аппарата. Товарищ Пономаренко взял трубку.

— Слушаю, — вполголоса сказал он. Потом громче и взволнованней: — Слушаю вас, товарищ Сталин.

Мы все насторожились, у каждого сильнее забились сердце.

Товарищ Сталин! Мы не слышим его слов, но нам кажется, что они звучат в этой тихой комнате. Мы видим товарища Сталина, представляем себе его озабоченное, исполненное решимости лицо, его скупые, но выразительные жесты. О чем он говорит? Ясно, что о войне. Должно быть, интересуется положением в Белоруссии, дает указания. Помню, мне представилось тогда, что товарищ Сталин в своем обычном, так хорошо знакомом костюме защитного цвета стоит у своего стола в Кремле и дает, наверно, одну из первых директив военного времени. Хотелось в тот же момент получить эту директиву и немедленно, не теряя ни одной минуты, идти выполнять ее — защищать свою родину.

Внимательно выслушав Иосифа Виссарионовича, товарищ Пономаренко твердо и уверенно сказал:

— Товарищи! Нет большего счастья и чести, чем в этот ответственный для родины час выполнять указания нашего вождя и учителя, нашего Сталина. Необходимо сейчас же бросить все на помощь фронту. Враг близко. На нас возлагается великая, еще небывалая в истории задача...

Здесь же был принят специальный план помощи войсковым частям и соединениям. В пограничные области и районы были направлены члены бюро Центрального Комитета партии и члены правительства с ответственными и срочными поручениями. В респуб-

дикое вводилось военное положение. Были определены мероприятия по проведению мобилизации призывных контингентов. Перед партийными и советскими организациями ставилась задача—обеспечить бесперебойную работу транспорта, органов связи. Особое внимание было уделено вопросам защиты гражданского населения. Были приняты решения об укреплении службы противовоздушной обороны, оборудовании в городах бомбо- и газозубежищ, об усилении защиты промышленных объектов, транспортных узлов, средств связи. Партийной организации Минска, областным и районным организациям было рекомендовано провести в центрах собрания партийного актива, а на фабриках и заводах, в колхозах, совхозах, учреждениях—митинги.

Это было первое заседание бюро ЦК КП(б)Б и правительства нашей республики в условиях Великой Отечественной войны.

II

Предвидя впереди большую и напряженную работу, я воспользовался свободной минутой и позвонил домой. В трубке послышался тревожный голос жены. Видно, в семье уже знали о войне.

— Что ж это случилось? Когда ты приедешь? Что нам делать?

Никогда еще я не слышал такой взволнованности и тревоги в голосе дорогого человека. Война!.. Каждый из нас обычно знал, что ему следует делать сегодня, завтра, послезавтра. И вдруг такой вопрос. И так, видимо, в каждой семье! Черная фашистская орда, злодейски напавшая на нашу родину, нарушила мирную жизнь советских людей. А в эту минуту, сдерживая бешеный натиск вражеских танков, насмерть стояли наши пограничники у Бреста и Перемышля, на Нарове и Сане... Тысячи лучших сынов нашей родины самоотверженно защищают свою дорогую отчизну.

— Сегодня я, наверно, не смогу приехать, — стараясь казаться как можно более спокойным, ответил я. — Сама понимаешь, что началось... Сейчас мы выезжаем на фабрики и заводы...

Это был мой последний разговор с семьей в Минске...

Мирный созидательный труд советского народа был прерван. Настало тяжелое и суровое время. С первых дней войны вражеские самолеты уже появились над городом и его окрестностями, а в последующие дни целые тучи фашистских бомбардировщиков беспрерывно налетали на Минск, уничтожая мирное население, разрушая дома и заводы, культурные учреждения. Над городом шли большие воздушные бои. Защищая детей и стариков от бомбардировки, наши сталинские соколы проявляли чудеса героизма и отваги. Часто советские летчики бросались в бой один против пяти, а то и против десяти вражеских самолетов. Некоторые гибли в неравном бою, но и гитлеровцы несли большие потери: окрестности Минска были усеяны обгоревшими скелетами фашистских стервятников.

Исключительную отвагу и мужество проявил в боях под Минском летчик Василий Коккинаки, брат прославленного пилота, Героя Советского Союза Владимира Коккинаки. В течение нескольких дней он вместе со своими боевыми товарищами вел небывалую героическую борьбу с фашистскими бомбардировщиками, сбил около десятка вражеских самолетов. Машина Василия Коккинаки была повреждена в бою. Несмотря на это, отважный летчик проявлял чудеса мастерства и героически держался в воздухе, продолжая уничтожать врага метким огнем.

Погиб Василий Коккинаки мужественной смертью героя в охваченном пламенем самолете.

Трудно не только описать, но даже представить ту самоотверженность, с которой солдаты и офицеры Советской Армии защищали еще в первые дни войны подступы к Минску. Каждый день наши отважные бойцы уничтожали здесь по нескольку сотен вражеских танков, тысячи гитлеровцев нашли себе здесь могилу. Навсегда останутся в памяти белорусского народа мужество и героические подвиги бойцов краснорознаменной дивизии, которой командовал генерал Русиянов. При поддержке воинских частей и минского

ополчения эта дивизия несколько суток подряд сдерживала бешеный натиск полчищ Гудериана. В борьбе с танками воины этой дивизии впервые использовали бутылки с горючей жидкостью. Они ползли навстречу танкам и бросали под гусеницы связки гранат. В те дни Советское информбюро сообщило, что только за 27 июня на Минском направлении было уничтожено до трехсот танков 39-го танкового корпуса противника.

Перед коммунистами Минска и области встала ответственнейшая и сложнейшая задача. Надо было немедленно принять все возможные меры к тому, чтобы спасти людей и материальные ценности, надо было защищать и охранять город. Охранять его от многих опасностей: от воздушных налетов, от вражеских десантников, от разных шпионов и диверсантов, сигнальщиков и поджигателей. А главное — не допустить паники, неорганизованности, всюду возглавить патриотический подъем народа.

Большевики Минской области воодушевляли и вели за собой всех трудящихся.

Минчан не испугали ни ожесточенная бомбардировка, ни другие трудности и испытания. Рабочие не отходили от своих станков. Город попрежнему снабжался электроэнергией, водой. Железнодорожники вместе с нашими бойцами и командирами мужественно и самоотверженно поддерживали порядок на транспорте и обеспечивали бесперебойную подачу эшелонов фронту. Часто бывало так, что враг повредит пути, а через какой-нибудь час снова идут поезда.

Население города бесстрашно боролось с пожарами, дежурило на улицах, на крышах зданий, возводило укрепления на окраинах. Дружины самообороны несли боевую службу на подступах к городу. Трудящиеся Минска и районов области помогали родной Советской Армии всем, чем могли. Тысячи патриотов записывались добровольцами и шли на фронт.

Когда гитлеровские полчища стали угрожать Минску и некоторым сельским районам области, возникла необходимость эвакуации населения, главным образом

детей и стариков. Необходимо было своевременно вывести все материальные ценности: промышленное оборудование, запасы зерна, машинно-тракторные парки. Все это надо было сделать в тяжелых, прифронтовых условиях, — враг подходил уже к Минску.

Здесь минчане показали себя истинными патриотами своей родины, проявили неслыханное мужество и выдержку. Помню, в то время я побывал на одном станкостроительном заводе. Ужасная картина: все вокруг горит, цехи наполовину разрушены,—казалось, ни одной живой души здесь уже нет. А на самом деле почти весь заводской коллектив был на месте: люди работали. Трудно было поверить, что за какие-нибудь двое суток они смогли демонтировать почти все оборудование, упаковать его и большую часть отгрузить. Теперь заканчивалась работа в цехе точных приборов. Крыша в этом цехе была почти вся снесена, стояли только стены. Рабочие, измученные, почерневшие от усталости, разбирали и упаковывали сложные, дорогостоящие станки. Над заводом идет воздушный бой, а люди поглядывают на небо через разрушенную крышу и работают. Отогнали наши истребители фашистских бомбардировщиков, распрямылся один-другой, радостно помахал ключом в воздухе — и снова за работу. Работают и все время следят за воздухом. Налет — залягут в щели, а некоторые и во время налета стараются не прекращать работу. Научились безошибочно определять, где упадет бомба: если близко — залягут, подальше — продолжают работать. В мыслях одно: как можно скорее спасти завод, не оставить врагу. Казалось, люди забыли и об опасности, и о своей крайней усталости, даже о своих ранах. Здесь редко у кого не была перевязана рука или нога.

Я видел, как один пожилой мужчина взвалил себе на плечи такую тяжесть, что при обычных условиях он, пожалуй, не сдвинул бы ее с места. Я подошел к нему, стал помогать, но он замахал на меня свободной рукой и сам вытащил груз из цеха.

Позднее от секретаря партийной организации я узнал, что это был Иван Петрович Липницкий — на-

чальник кузнечного цеха. А кузнечный цех на заводе был передовым по выполнению производственного плана. Цех держал переходящее красное знамя завода.

Происходило все это на четвертый день войны. Враг, встретив под Минском серьезное сопротивление, начал обход города. Сообщения об этом были получены из штабов наших войсковых частей. Парторг и директор спешным порядком собрали коммунистов, передовых людей завода.

«Можно ли успеть все вывезти?» — вот главный вопрос, который стоял на этом коротком совещании.

Пришли к выводу, что поднять все не удастся, — транспорт не выдержит. Что же делать? Решили принять все необходимые меры к тому, чтобы полностью эвакуировать заводское оборудование, если же, в крайнем случае, часть оборудования останется, закопать его.

Я поддержал это решение коллектива.

Так поступали и на других предприятиях. То, что нельзя было вывезти, закапывали: только бы не оставалось врагу.

Минск пылал. Море огня бушевало на Советской улице. Уже не одни сутки все работали без сна и отдыха. Когда стало невозможно оставаться в центре города, мы переместились на окраину и оттуда продолжали руководить оперативными делами.

Заботились мы также и о районах области. Все время держали с ними самую тесную связь, старательно готовили там кадры для партийного подполья. На второй день войны бюро областного комитета КП(б)Б провело совещание секретарей райкомов.

Очень важно было своевременно подготовить партийные организации к переходу на нелегальное положение. Чтобы легче было все охватить, мы направили на места своих уполномоченных — членов бюро областного комитета партии, членов исполкома областного Совета. Секретарю обкома партии Иосифу Александровичу Бельскому было поручено обеспечить оперативное партийное руководство в городе Борисове—

втором после Минска промышленном центре области, переключить борисовскую промышленность для работы на оборону. Секретарь обкома партии Иван Денисович Варвашеня выехал в Старые Дороги и Слуцк. Прокурор области Алексей Георгиевич Бондарь был направлен в Смолевичский и Червенский районы. Роман Наумович Мачульский работал тогда первым секретарем Плещеничского райкома. Ему было поручено обеспечить руководство также и Логойским районом. Секретарю Руденского райкома Николаю Прокофьевичу Покровскому было поручено, кроме Руденского района, руководить и Пуховичским районом.

Не прерывалась наша связь и с остальными районами области. Везде подготавливались базы для партизанских отрядов, проводилась подготовка к созданию широкого партийно-комсомольского подполья. Я связался по телефону с Любанью, одним из самых отдаленных районов нашей области. Секретарь райкома партии товарищ Гулицкий уже был призван в Советскую Армию. К телефонному аппарату я вызвал председателя райисполкома, члена бюро райкома Луферова.

— Ну, как себя чувствуете, Андрей Степанович? — спросил я.

— Держимся, — ответил Луферов. — Организуем самооборону, возводим укрепления, всех в районе привели в боевую готовность.

— А со здоровьем как?

Нам было известно, что Андрей Степанович часто жаловался на свое здоровье. К тому же и годы его были уже немолодые.

— Испугалась моя болезнь войны, — шутливо ответил Андрей Степанович: — отскочила от меня к фашистам.

— Какие у вас планы на дальнейшее? — спросил я.

— Насчет чего?

— Насчет своего места в случае оккупации района?

— Я думаю, что этого не будет, — уверенно сказал Луферов.

— Все делается для того, — заметил я, — чтоб этого не было, но надо быть готовым ко всяким неожиданностям.

— Куда пошлют, там и буду, — твердо ответил Луферов.

— Готовьтесь к тому, чтобы в случае необходимости остаться на месте, — предупредил я. — Подберите проверенных, честных людей, самоотверженных и способных работать в сложных условиях. Определите явки на периферии. У вас найдутся надежные помощники?

— Есть такие, — не задумываясь, ответил Андрей Степанович.

Из этого я заключил, что в районе идет активная подготовка к подпольной работе.

Под вечер 26 июня в Минске уже мало кто оставался: все организации и учреждения выехали, мужчины, годные к военной службе, ушли на фронт, большинство же гражданского населения было направлено на восток по Московской и Могилевской магистралям. Все, что можно было вывезти за такое короткое время, было вывезено.

Областному комитету тоже надо было выезжать из города. Мы решили отъехать на несколько километров к востоку от Минска. На последнем заседании бюро было решено перевести обком в районный центр Червень, так как враг уже прорвался к северным окраинам столицы. Партийные организации Дзержинского, Заславского, Минского районов и города Минска в случае оккупации должны были перейти в подпольные условия работы. Ночью с 26 на 27 июня мы выехали в Червенский район.

Страшную картину представляла собой в это время наша столица. Вместо заводов — одни дымящиеся развалины. Советской улицы почти совсем не было. Мостовая сплошь завалена грудями кирпича, железными балками. Здесь нельзя было проехать. Во многих местах горели дома.

Однако я не мог даже представить, что, может быть, завтра-послезавтра проклятый враг будет ходить по нашим улицам, начнет здесь хозяйничать... В глу-

бине души жила уверенность, что этого никогда не будет. У меня уже давно созрел план — никуда не выезжать из своей области. Было у нас, у членов обкома, немало разговоров об этом. Все мы готовились остаться в тылу врага. Через некоторое время мы получили подробные указания Центрального Комитета о порядке работы подпольной организации Минской области.

Мои спутники направлялись в Червень, а мне надо было заехать в Замчище, чтобы узнать, что там теперь с семьей, забрать ее, если застану, и отправить на восток. С того времени, как меня вызвали в ЦК, я несколько дней не имел возможности заглянуть домой.

Когда я вошел в свою квартиру, никого из семьи уже не было дома. Какой-то жутью веяло из всех уголков пустых, осиротевших комнат.

Где же семья? И спросить не у кого. Шофер заглянул в соседние квартиры и тоже никого нигде не нашел. Каждая минута дорога, долго здесь задерживаться нельзя: грохот битвы перемещался уже в самый город. Мы решили ехать немедленно.

И вот при выезде из поселка нам встретился старый человек, местный житель. Он, должно быть, только один тут и остался. Мы обрадовались: хоть что-нибудь можно будет узнать у этого деда. Вылезли из машины, набросились на старика с расспросами, а он хоть бы слово. Наконец показывает на уши и на язык: мол, ничего не слышу и не говорю — глухой.

— Он слышит, — шепчет мне на ухо шофер, — и говорит, я его знаю, не раз видел здесь. Это он нарочно прикинулся перед нами глухонемым.

И только тогда, когда шофер все же убедил старика, что мы свои люди, он начал говорить.

— Я ночью очень плохо вижу, а голосов ваших не знаю. Поэтому и подумал — подальше от греха: лучше ничего не говорить.

От старика мы узнали, что мои домашние вчера куда-то ушли, а куда — он не видел.

— Кажется, все пошли в сторону Червенского

тракта, — сочувственно объяснял старик. — Там, может, и она, семья ваша, подалась туда. Они, может, еще и не ушли бы из дому пока что, но тут пошли слухи, что фашистские парашютисты недалеко спустились. И в самом деле так было: вон в той квартире оставались две семьи, так враги расстреляли их ни за что, ни про что.

— Я должен вам сказать, Василий Иванович, — обратился ко мне старик, — мне приходилось с немцами встречаться в империалистическую войну. Я в то время бил их неплохо, а теперь за свою советскую родину буду бить еще лучше. Я буду все делать здесь для родины. Если понадобится и вы будете в этих краях, заходите ко мне.

Поблагодарив старика, мы простились с ним и поехали в Червень, туда, где, как мы договорились, должен был разместиться обком партии.

III

Огромные толпы людей тянулись по обеим сторонам шоссе в сторону Могилева, а по направлению к Минску на машинах двигались военные. У бойцов и командиров был решительный и взволнованный вид, гражданское же население было хмурым и молчаливым. Люди время от времени оборачивались, с болью в душе смотрели на видневшийся вдали Минск и молча шли дальше. Да и мы до самого Червеня часто оглядывались в сторону пылающей столицы.

В районном центре нас встретил второй секретарь райкома товарищ Чесский и провел в условленное место в ближайшем лесу. Там уже были сотрудники райкома и некоторые работники обкома партии.

Прошелся я по лесу, посмотрел, а потом и говорю своим:

— Неплохое место для работы подпольного обкома. Давайте здесь устраиваться и продолжать наши дела.

Наступал новый период партийной работы. Кроме дальнейшей эвакуации населения и имущества, пора было серьезно подумать об организации активного со-

противления в тылу врага, о развертывании подпольной работы. Ряд наших районов — Дзержинский, Заславский, Минский, Руденский — уже был оккупирован, и районные партийные организации оказались в очень сложных условиях. Из тех сообщений, которые мы получали от уполномоченных обкома и связанных этих районов, нам было известно, что оккупанты при вступлении в наши города и деревни расстреливали гражданское население. Все эти фашистские зверства имели целью запугать население, ослабить его волю к борьбе против захватчиков. Бюро обкома обсудило полученные сообщения и обратилось с призывом ко всем жителям городов и сел — не склонять голову, не отчаиваться, а вести решительную борьбу с оккупантами.

Отдельные областные работники, которых предполагалось оставить для работы в подполье, в частности Свинцов и Бастун, были недовольны местом, выбранным нами для Минского подпольного обкома. Свинцов взглянул на меня не совсем доверчиво и пренебрежительно заметил:

— Что это за лес, здесь и зайцу негде спрятаться!

— Так мы же не зайцы, — иронически откликнулся Варвашеня. — Нам прятаться здесь и не очень нужно: сегодня в одном месте, завтра в другом.

— Окружат, — опасливо сказал Свинцов, — тогда попробуй выбраться в свой тыл.

— А зачем выбираться? — спокойно промолвил Бельский. — Будем бороться в тылу врага.

Свинцов нервно заморгал.

Наверно, мы и остались бы на Червенщине, но вскоре пришло распоряжение ЦК КП(б)Б: обкому и облисполкому переменить свое местонахождение, а секретарям обкома срочно выехать в район Могилева. Надо было немедленно пробираться в назначенное место, хоть это было и нелегко.

По дороге в Могилев мне удалось найти свою семью.

Вражеские самолеты почти непрерывно бомбили шоссе, по которому шли машины. Мы свернули на минуту в лесок. Пока шоферы подливали воду в радиа-

торы, а мы наспех приводили в порядок свои пожитки, вокруг машины собралась целая группа мужчин.

Были здесь молодые, призывного возраста, были и пожилые, которых в армию уже не могли взять.

— Вы случайно не из военкомата? — обратился загорелый худощавый мужчина с седыми висками к Бельскому, который был в военной, немного поношенной форме, без знаков различия.

— Нет, — ответил Бельский, — мы из обкома партии.

— А вы не знаете, где найти военкомат? — продолжал человек. — Из западной области идем, в своем районе не успели призваться.

— А какого вы района?

— Несвижского. Хотелось бы стать бойцами да с этой фашистской нечистью повоевать.

— Да вы уж не так молоды, — сказал Бельский, — вас в армию не возьмут.

Человеку и в самом деле было уже лет под пятьдесят, но, услышав от Бельского такие слова, он не на шутку обиделся.

— А если я добровольцем хочу записаться? — приняв боевую позу, настаивал он. — Почему меня не возьмут? Разве меня обучать надо: раз, два, три?.. Обучен в империалистическую и гражданскую... Оружие в руки — и марш! А нашу русскую трехлинейную винтовку я хорошо знаю. Когда-то меня считали снайпером.

— Таких возьмут, — поддержал его кто-то из толпы. — Вот мы тоже в годах, но еще в силе.

Мужчины тем временем все подходили и подходили.

— Покажите ваши документы, — попросил Бельский у человека, который первый заговорил с ним.

Затем Иосиф Александрович написал адрес одного из ближайших военкоматов и подал листок своему собеседнику. Тот сердечно поблагодарил и двинулся в указанном направлении. За ним пошла почти целая колонна.

Приехав в район Могилева, я надолго разлучился со своей семьей. Кто не знает этих тяжелых минут расставанья, кто не пережил их во время войны?..

В Могилеве шла деятельная подготовка к решительному отпору врагу. Город на глазах обрастал различными оборонными сооружениями и превращался в крепость. Происходила перегруппировка войсковых частей, формировалось народное ополчение. Маршал Советского Союза Климент Ефремович Ворошилов, выполняя задание нашего любимого вождя товарища Сталина, организовывал борьбу на фронте. Сдерживая и обессиливая гитлеровские войска, наши части под руководством Климента Ефремовича наносили врагу сильные контрудары. Фашистские захватчики, ворвавшиеся в Жлобин и Рогачев, были выбиты оттуда и отброшены на запад.

Здесь же в Могилеве развернул работу Центральный Комитет коммунистической партии большевиков Белоруссии, который при непосредственном участии товарища Ворошилова проводил формирование и инструктаж партизанских отрядов и диверсионных групп для отправки в тыл противника. Подбирались организаторы партизанского движения.

Минскому обкому было приказано выехать в район Березино, а меня направили в Быхов со специальным заданием. В Березино я прибыл почти на неделю позже, чем остальные члены обкома. Здесь уже шли бои, наши части попрежнему самоотверженно сдерживали врага. Непоколебимо стояли отряды, сформированные из работников МГБ. Командовал этими отрядами товарищ Василевский — ответственный работник Минского областного управления МГБ. Товарищ Богданов возглавлял боевую группу пограничников. Здесь же находились наши артиллерийские и танковые части. Эти боевые группы ценою больших жертв задержали врага под Березино и дали возможность нашим основным силам переправиться через реку.

Я не сразу нашел своих минчан. Кроме секретарей обкома и работников аппарата, здесь уже были многие служащие облисполкома и других организаций. Мы включились в обычную военную работу: строили укрепления, организовывали самооборону, обеспечивали войска транспортом, боеприпасами, продуктами.

Утро 3 июля останется в моей памяти на всю жизнь. Наши части переправлялись через реку и поспешно сооружали оборону на левом берегу. Вражеская авиация беспрерывно налетала на переправы, на земле, казалось, живого места не было. Все вокруг гудело, дрожало от взрывов.

И вот в эту минуту в городском поселке Березино, из пробитого пулей рупора, висевшего на телеграфном столбе, послышался голос. И каждый, кто был поблизости, притих. Ведь это был голос всем знакомый и дорогой, голос любимого вождя! Услышать его было великой, невыразимой радостью. Но как могло заговорить радио? Местных жителей как будто нигде не было видно, а кому-нибудь из бойцов вряд ли позволяли условия настроить аппаратуру радиоузла. И все-таки чья-то заботливая рука сделала это. Человек, наверно, жизнью своей рисковал. В поселке не было такого места, где бы не разрывались вражеские бомбы и снаряды. Радиоузел был на главной улице, здесь снаряды ложились один возле другого. Но тот, кто наладил работу радиоузла, видимо, не обращал внимания на разрывы снарядов, на приближение врага. Ему хотелось, чтоб здесь, на этом ответственной участке фронта, хоть на минуту, хоть на мгновение раздался голос родного Сталина. Душой и сердцем он чувствовал, что будет значить этот голос для наших воинов, для всех, кто здесь был.

Постепенно вокруг рупора стали собираться люди. Здесь были и военные и штатские. Подходили, быстро ложились где-нибудь под деревом, возле стены здания и, сняв шапки, старательно вслушивались. Люди жадно ловили каждое слово. Ничто на свете не могло заглушить этих слов. Над головой время от времени гудели бомбардировщики, истребители, пикируя на переправу. На берегу реки и в воде часто разрывались снаряды, поднимая темные столбы песка и воды. Но люди слышали только голос вождя; никто не обращал внимания на смертоносный грохот.

Через несколько минут фашистам удалось взорвать основную переправу. Наши части были уже

на том берегу. Враг нажимал, а люди не отходили от рупора. Еще слово, еще... Что дальше будет сказано?..

Я прилег у бугорка, заросшего густой травой. Над головой изредка посвистывали пули — враг был совсем недалеко. Я не мог покинуть это место, пока из рупора доносился голос величайшего в мире человека — голос товарища Сталина.

Через минуту я начал подползать ближе к рупору и встретился глазами с незнакомым мне худощавым человеком. Он теплым, понимающим взглядом посмотрел на меня и продолжал слушать, приподняв голову. Видно было, что он не очень хорошо слышал и потому напрягал слух. Глаза его светились непоколебимой решимостью, весь он, казалось, был проникнут только одним желанием — услышать и до единого слова запечатлеть в памяти все то, о чем говорил вождь. Не раз, наверно, слышал этот человек голос Сталина, не раз прочитывал то, что писал Иосиф Виссарионович. И привык верить он своему вождю, верить и всем сердцем принимать каждое его слово. Вот и теперь он жадно ловил звуки дорогого, знакомого голоса, вдумывался в каждое слово.

— Что, что? — вдруг повернулся он ко мне. — Партизанские отряды, конные и пешие?

— Да, — подтвердил я.

— Так ведь тут мы все... — горячо прошептал он мне на ухо, — и старые, и малые...

Справа и слева от нас уже стремительно перебежали бойцы последней заставы. Они с разгона припадали к земле, куда-нибудь в борозду или в густую зелень давно не полотых огородов и, передохнув минуту, бежали дальше, ближе к реке. Оглушенные непрерывным грохотом взрывов и диким ревом пикировщиков, некоторые из солдат не сразу могли услышать слова, доносившиеся из рупора, но, услышав, хоть на полминуты, хоть на одно мгновение останавливались, затаив дыхание.

— Танки фашистские, — сказал один стрелок, прилегший рядом с нами. — Надо скорей переправляться.

Его слова почему-то не вызвали страха ни у меня, ни у моего соседа. Только сознание суровой необходимости заставило нас покинуть свои места. Оставалась, возможно, последняя минута, надо было спешить.

— Все силы народа — на разгром врага! — донеслись слова из рупора.

Вслед за солдатом мы добежали до прибрежного лозняка.

Человек, который вместе со мной слушал речь вождя, раздвинул молодую поросль, ступил на песок. Солдат уже собирался броситься в воду.

— Пойдемте со мной! — тоном приказания сказал человек и посмотрел сначала на солдата, потом на меня. — Нечего лезть в воду с винтовкой да с патронами, тут у меня где-то лодчонка должна быть. Правда, в мирное время она на одного человека была рассчитана, ну, а в такое время переедете и вдвоём. Переправитесь, наша река добрая и ласковая для своих людей.

— А вы разве не с нами? — удивленно спросил боец.

— Я-то, известно, с вами, — горько усмехнувшись, ответил человек, — но пока что останусь здесь. Останусь, погляжу на него, проклятого, посмотрю, насколько он изменился с восемнадцатого года и какой величины дубина нужна, чтобы бить его.

Я крепко пожал руку моему случайному соседу и на прощанье сказал:

— Поверьте моему слову: мы тоже далеко отсюда не уйдем, мы будем с вами!

IV

В первой половине июля 1941 года оставались частично неоккупированными Старобинский, Любанский, Стародорожский районы Минской области.

Через несколько дней, согласно решению ЦК КП(б)Б, мы направились в Мозырь, а потом — в полесскую часть своей области, откуда должны были осуществлять руководство районами.

Из Мозыря, в последнюю минуту перед выездом, мне удалось связаться по телефону с товарищем Пономаренко. Пантелеймон Кондратьевич был тогда в Гомеле. Он подробно расспросил, как мы подготовлены к работе в условиях подполья, как чувствуем себя, и, насколько позволяли условия, подтвердил данные мне ранее указания.

— Желаю вам счастья и успехов, — сказал на прощанье Пантелеймон Кондратьевич. — Центральный Комитет коммунистической партии поручает вам выполнение очень ответственной задачи. Эта задача поставлена товарищем Сталиным. Имейте в виду, что каждый ваш шаг должен быть всесторонне и глубоко продуман.

Кроме секретарей обкома, с нами поехали секретарь Плещеничского райкома КП(б)Б товарищ Мачульский, областной прокурор товарищ Бондарь и секретарь Слуцкого райкома партии Александра Игнатьевна Степанова. Мы решили, пока будет возможно, ехать на машинах, а потом пробираться пешком. Все стремились скорее прибыть на место, чтобы немедленно начать выполнять поставленные задачи. Обстановка менялась с каждой минутой. Там, где сегодня не было врага, завтра он мог быть. В долгой дороге могли встретиться большие препятствия и неожиданности. Мы не могли и не имели права медлить: чем быстрее начнем подпольную работу, тем больше шансов на успех.

Взяли направление на Калинковичи. Дальше предполагали пробираться через Азаричи в Октябрьский и Любанский районы. Пробираться теми глухими проселками, которые еще не заняты врагом. Если надо будет сделать круг — давать круг, если можно будет двигаться напрямик — идти напрямик. На машинах — так на машинах, пешком — так пешком.

Навстречу нам двигалось много войск, техники; проехать было нелегко. Но Войтик, должно быть предчувствуя, что скоро придется расстаться и с машиной и со своей шоферской профессией, проявлял чудеса мастерства: он петлял между встречными машинами и подводами с быстротой ласточки. В одной ма-

шине со мной ехали Мачульский, Бондарь и Степанова.

— Ты, я вижу, без войны переломашь нам кости, — шутя сказал я шоферу.

— Машина должна выдержать, — громко ответил он, — а за себя ручаюсь.

Другая машина не отставала от нас. В ней были Варвашеня, Брагин, Бельский, Бастун и Свинцов.

На окраинной улице в Калининчиках решили остановиться, чтобы разузнать о дальнейшей дороге. Загнали машины в вишняк, сами вышли, прилегли на траве, закурили. Я рассчитывал найти кого-нибудь из районных работников, посоветоваться с ним, может быть взять провожатого, если самим трудно будет пробираться.

На низком пеньке недавно спиленной вишни сидел старик и хмуρο поглядывал на большак. С виду ему было лет под семьдесят. Из-под рыжей, выгоревшей на солнце кепки свисали на тонкую жилистую шею пряди седых волос. Глаза у него были маленькие и прищуренные.

Почувяв дымок от наших папирос, старик придвинулся к нам, подсел ближе, вынул трубку, а потом поздоровался. Вид у него был совсем спокойный, даже как будто безразличный. Можно было подумать, что его не очень интересовало, кто мы такие, откуда и куда едем. Вишняк был во многих местах поломан, трава примята, — видно, не проходило и часу без того, чтобы здесь не останавливались машины.

— Нет ли у вас огонька, товарищи начальники? — ровным, независимым голосом спросил старик. Слово «начальники» он, вероятно намеренно, произнес с особым ударением.

Бондарь вынул спички, придвинулся ближе к старику, чтобы дать ему прикурить, и увидел, что в трубке нет табака. Это его рассмешило; забавно было то, что старик так по-ребячьи схитрил.

— Что ж ты, отец, пустую трубку подсовываешь? — сквозь смех спросил Алексей Георгиевич.

— А я эти дни и не ношу с собой табака, — беззаботно ответил старик. — Все ваш брат угощает, идет

тут и идет, днем и ночью... Мой вишняк, а ваша ма-
хорка...

Бондарь насыпал старику в трубку табаку, дал ему
закурить, и тот с нескрываемым удовольствием заты-
нулся, а потом закашлялся.

— Ничего себе, крепкая, — похвалил он. — Эга,
пожалуй, будет крепче той, что я давеча курил, дава-
ли мне тут одни... Те пешком шли, рядовые, видно.

Старик помолчал с минуту, еще раз затынулся, а
потом, пуская из-под усов дым, промолвил:

— Едете, значит, пробираетесь?

— Ага, едем, — в тон старику ответил я.

— И значки уже, выходит, повыковыривали...

— У нас не было значков, мы не военные.

Старик поднял на меня остренькую, с загнутым
вверх концом бородку.

— Не военные. А какие же вы?

— Мы люди здешние, — сказал я.

— Здешние?.. — как бы про себя повторил он. Че-
рез некоторое время произнес еще раз: — Здешние... —
И вдруг, волнуясь, с нескрываемой обидой в голосе,
сказал: — А подаетесь, небось, туда, — он показал ру-
кой на восток. — Туда, куда и все... некоторые...

— Нет, мы едем туда, — заметил я и показал на
запад.

Старик был озадачен.

— Куда это туда, к фашистам? Там же фашисты!

— Мы знаем, что там фашисты, — сказал Мачуль-
ский. — Вот и хотим бить врага в спину, зайдя ему
в тыл.

Старик улыбнулся, удовлетворенный нашим отве-
том. Я подумал, что такое известие вызовет у него
уважение к незнакомым собеседникам. Однако вскоре
лед снова начал не без ехидства посмеиваться и как-
то особенно, по-стариковски, подтрунивать над нами.

— В тыл, значит?.. — не спеша оглядывая всех
нас, говорил он. — Знаю, что такое тыл у врага, испы-
тал когда-то. Еще вместе с Талашом воевали... Знаете
его? Только ходили мы тогда пешком, автомобиля
у нас не было. Вот я и думаю, в тыл врага едете, ду-
маете партизанить на машине. А мне кажется: чем

скорее бросите машину, тем скорее станете партизанами.

Он показал на блестящие сапоги Свинцова.

— Может получиться, что машинка засядет в болоте, так неприятно будет вылезать.

Мачульский усмехнулся:

— Как кому, дедуля. Нам ничего не страшно.

Мы смеялись, слушая старика, но каждый из нас понимал, что в его словах много правды, что нам надо сделать соответствующий вывод из метких замечаний бывшего партизана. И в самом деле, что у нас за одежда? Я был в полувоенном, защитного цвета костюме, подпоясанный широким ремнем. В чем работал в обкоме, в том и поехал. Приблизительно так же были одеты и мои товарищи. Такая одежда, во-первых, сразу показывала всем, что мы руководящие работники, а во-вторых, она была неудобна в условиях подполья.

На наше счастье, в Калинковичах мы встретили знакомого директора леспромхоза. У него на складе оказалось несколько комплектов спецовок для лесорубов. Часть одежды он отдал нам. Вскоре в обеих машинах сидели уже не руководящие областные работники, а обыкновенные лесорубы.

Надо было немедленно пробираться вперед. Конечно, в этом было немало риска.

Подробно расспросив, как лучше проехать, двинулись в Октябрьский район. Ехали с большой осторожностью. Жители придорожных деревень все чаще ругались только за свою деревню и редко за соседнюю. Немецких войск, может быть, и не было близко, но люди были в какой-то мере сбиты с толку вражескими парашютистами.

Вскоре нам сообщили, что в центр Октябрьского района, в Карпиловку, вчера наведывались вражеские мотоциклисты. Это означало, что враг где-то близко, что надо быть еще более осторожными. Решили остановиться в одной, расположенной возле самого леса деревне, чтобы подробно узнать обстановку в районном центре. Пошли к людям, начали расспрашивать. Известия были разные. Одни говорили, что

фашисты уже в Карпиловке, другие — что только разведка туда заглядывала, а третьи — что никто там фашиста еще и в глаза не видел.

Надо было нащупывать дорогу самим. Мне хотелось сделать это как можно скорее, медлить в такое время было бы преступно. Все согласились со мной, только Свинцов да Бастун заняли какую-то двусмысленную, уклончивую позицию. Видно было, что они боятся ехать дальше, только не могут сказать об этом открыто. Они начали рассуждать об излишней рискованности и нереальности наших планов.

— Вы боитесь? — сказал я напрямик.

Свинцов изменился в лице, руки у него задрожали. Некоторое время он молчал, потом, переглянувшись с Бастуном, заявил:

— Хоть и не боюсь, а дальше не поеду. Останусь здесь, осмотрюсь, все разузнаю, а тогда решу, что делать.

Я напомнил им о партийной дисциплине, об обязанности коммуниста и руководящего работника. Я доказывал, что поступок Свинцова и Бастуна равносильны дезертирству. Видя, что в дальнейшем они будут не только мешать, но и вредить партизанскому движению, мы решили исключить их из нашей подпольной группы.

Когда я сказал им о нашем решении, их оно не очень взволновало. И тогда мы еще раз убедились, что поступили правильно.

Это напомнило нам, что в условиях подполья мы должны особенно внимательно приглядываться к людям, лучше подбирать и воспитывать кадры.

Мы были уверены, что как только доберемся до своих районов, найдем там людей хороших, честных, настоящих патриотов, которые будут самоотверженно бороться с фашистскими захватчиками.

В Карпиловку мы поехали без Свинцова и Бастуна.

В районном центре гитлеровцев не было. Поблизости, на железнодорожной ветке стояли бронепоезда и сдерживали вражескую группировку, которая пыталась прорваться на Домановичи. Здесь же вели бои наши пехотные части. Положение бойцов было тяже-

лым. Силы были неравные, кончались боеприпасы, но люди боролись до последнего патрона.

Я зашел в райком. Здесь никого не было, кроме уполномоченного Полесского обкома партии, второго секретаря обкома товарища Языковича. Увидев меня, он удивился и очень обрадовался.

— Как ты сюда попал? — тормоша меня за плечи, спрашивал он. — В чем дело, кто тебя послал сюда?

— А ты зачем здесь? — перебил я его встречным вопросом.

Языкович коротко поведал о своих военных делах. Приехал он сюда по заданию обкома. Возводил укрепления, организовывал самооборону, а теперь вот занялся ранеными и не может оставить их, хотя вот уже два дня как получил распоряжение вернуться в Мозырь.

— А где же Тихон Бумажков? — спросил я.

— Где-то там, — ответил Языкович и показал в ту сторону, откуда доносились частые, сотрясавшие землю разрывы. — Его уже давно здесь нет. Как закрыл свой кабинет в дни приближения врага, так с тех пор и не показывается. Командует истребительным батальоном. Вчера вместе с заместителем председателя райисполкома Павловским сжег пятнадцать вражеских танков.

Тихона Бумажкова, первого секретаря Октябрьского райкома партии, я знал давно. На встречу с ним я рассчитывал и возлагал на нее определенные надежды. Бумажков, как местный житель, безусловно помог бы нам, но раз секретарь включился в дело, отрывать его не было смысла. В душе мы только порадовались, что наши истребительные отряды, уже теперь партизанские, так героически борются с лютым врагом.

Я попросил Языковича дать нам провожатого. Поскольку Глусск был уже занят врагом, необходимо было пробираться на Любань самыми глухими дорогами. Языкович рекомендовал нам в качестве провожатого заведующего столовой райпотребсоюза, который был из тех мест, куда мы ехали. Наш провожатый не только подробно обрисовал нам обстановку, но еще и накормил всех горячим обедом. Войтик так остался

доволен этим, что готов был целые сутки возить тако-го провожатого.

Так мы добрались до деревни Заболотье Октябрьского района. На этот раз нам часто приходилось вылезать из машины, потому что фашистский истребитель как насел на нас в начале дороги, так и не давал нам покоя до самой деревни.

V

Уже вечерело, когда мы въезжали в Заболотье. Деревня большая — центр сельсовета: не видно было конца ровной, довольно широкой улицы. Возле заборов кустами поднялась зелень. Сразу было заметно, что теперь ничто не мешает расти на улице горчику и всякому пустозелью: люди не ездят, скотина не ходит. Каким-то печальным запустением веяло с улицы, и это было так необычно. Бывало, когда заедешь в нашу белорусскую деревню в эту пору, сердце радуется. Конец летнего трудового дня всегда сопровождался веселыми песнями девчат, бодрым разговором и шутками идущих с работы колхозников. И все это в одну минуту вводило тебя в живой, светлый, родной мир, кажется, и прижился бы здесь и считал бы великим счастьем завтра чуть свет выйти вместе с этими людьми на работу в поле.

А теперь тихо и безлюдно на деревенской улице. Даже легкая пыль не поднялась из-под колес машины. Прямые колесами стебли горчица запахла горько и приторно: будто въехали мы на пустынный, давно высохший и всеми заброшенный лужок. Прошло несколько минут, и вот на улице показался мальчик лет десяти. Он долго раздумывал, пока отважился подойти к машинам, но любопытство взяло верх.

— Подойди, сынок, не бойся,—сказала Степанова.

И мальчик, видно, сразу почувствовал материнскую ласку в ее голосе. Нечто вроде улыбки засветилось в его живых голубых глазах, и он смело подошел к нам.

— Как же тебя зовут, братец? — спросил Бондарь.

— Лексей, — потянув носом, ответил мальчик.

— А, тетка, — засмеялся Алексей Георгиевич. — Будем знакомы, меня тоже зовут Алексеем. А сколько тебе лет?

— На Троицу пошел одиннадцатый, — спокойным, доверчивым голосом ответил мальчик.

— В школу ходишь?

— Ходил, а теперь говорят, что нашу школу закроют, потому что везде фашисты.

Выйдя из машин, мы сели на скамейку у забора и подозвали к себе мальчика.

— А скажи, Алексей, — продолжал я разговор, — у вас фашисты были уже или нет?

— Вчера были, — ответил мальчик. — На мотоциклах приезжали. Крутились по улице часа два, кур ловили, искали чего-то. Один как оборвался, упал с чердака, голову разбил. Забрали кур и опять куда-то уехали.

— А отец твой дома?

— Нет, нету, пошел в Красную Армию.

— Кто же у вас дома?

— Дед, я и мать.

— Ну сходи, позови сюда своего деда, скажи, что из Мозыря дядьки приехали, хотят с ним поговорить.

— А что, в Мозыре тоже фашисты?

— Нет, там наши части.

— А кто вы такие? Дед, может, меня спросит, какие это дядьки, потому что теперь очень трудно узнать: дядьки это или враги.

Мы ответили и тут кстати вспомнили, что в машине у нас оставались конфеты. Шофер дал несколько штук мальчику, и он побежал. Через минуту возле машины появилось несколько его товарищей. Дали гостинцев и им. Было ясно, что вслед за детвойрой придут старшие, что мальчишки служили своего рода разведкой для взрослых. В это тревожное время люди старались по вечерам не показываться на улице: сидели по хатам, прислушивались, совещались между собой, обсуждали создавшееся положение. И, конечно, теперь скорее могли появиться в деревне оккупанты, чем кто-нибудь из своих. Тем более на легковых машинах.

Все-таки после того, как мальчишки разбежались по хатам, несколько стариков и женщин подошли к нам. Они сразу почувствовали, что люди мы свои, и начали разговаривать с нами более или менее доверчиво. О посещении деревни гитлеровцами они рассказывали совсем не так, как маленький Алексей. По словам Алексея мотоциклисты только покрутились по улице, кое-где полазили, а на самом деле они жестоко допрашивали крестьян, угрожали им расстрелом, если они не назовут коммунистов, сельских активистов и попавших в окружение красноармейцев, которые, может быть, прячутся в деревне. Ничего не узнав, гитлеровцы забрали с фермы всех кур и уехали.

Мы попросили позвать председателя сельсовета или кого-нибудь из местного актива. Несколько замямвшись, крестьяне сказали, что председатель сельсовета действительно есть у них, только где он теперь, они не знают и не могут знать. Относительно остальных руководителей им тоже ничего не известно. Вот разве только доктор. Он инвалид, воевать идти не может, от врага не прячется, сидит, как и раньше, в больнице; говорит, что никогда он своих больных не бросит.

Одна из женщин согласилась позвать его сюда, к нам, и через несколько минут врач действительно явился. Это был еще не старый, высокого роста худощавый человек. Подойдя, он поздоровался с нами и назвал свою фамилию — Крук. В разговор вступил охотно, но только после того, как узнал, кто мы такие. На наши вопросы отвечал с достоинством, уверенно, без растерянности. Сразу было видно, что человек он деловой и знает себе цену. Ему можно было довериться. Из разговора выяснилось, что родом он из Руденского района и теперь беспокоится за судьбу своих близких, которые там остались.

Мы поручили ему собрать коммунистов, комсомольцев и деревенский актив. Вскоре пришли председатель сельсовета Русаков, председатель колхоза Пакуш, ветеринарный врач Левкович. Пока подошли остальные, мы завязали с ними разговор. Интересно было знать, что люди думают, какие у них соображения

и планы на будущее. Я прямо поставил вопрос перед ними:

— Как думаете организовать борьбу с врагом?

И, к нашему удивлению, выяснилось, что люди не сидят сложа руки. Оказалось, что в Заболотье уже есть партизанская группа из семи человек под командованием Русакова и Пакуша. Группа готова к действию, только оружия еще маловато, нехватает ясности и конкретности в планах. Кто знает, с чего начинать, за что прежде всего ухватиться?

Один за другим подходили люди. Когда собралось человек сорок, мы рассказали о выступлении товарища Сталина 3 июля, о решении ЦК КП(б)Б о развертывании партизанского движения в Белоруссии. Это вызвало огромный интерес. Мы передали содержание речи довольно подробно, но сразу увидели, что этого недостаточно, что люди еще чего-то ждут.

— Может, у вас эта газета есть? — слышался из толпы взволнованный голос.

— Есть, — ответил я, — да темновато уже, нельзя прочитать.

— Так хоть так покажите нам.

Я вынул «Правду», развернул ее и протянул людям. Несколько рук бережно подхватили ее, все задвигались, еще плотнее сгрудились вокруг нас и почему-то начали говорить шопотом.

— Сталин!.. — вырвалось у кого-то из груди.

— Портрет Сталина!.. — взволнованно прошептала одна из женщин.

— Покажи, дай сюда... Прочитать бы хоть слово!..

И вдруг кто-то громко сказал:

— Сталин! Чего тут шептаться! Громко говорите: Сталин! Пошли в сельсовет, зажжем огонь и читаем!

И мы увидели, как в руках говорившего белым облачком мелькнула газета, он зашагал по улице, а за ним двинулись все.

Пошли в сельсовет и мы. У ворот остановились: пусть люди зажгут огонь, разместятся.

Вдруг из ближайшего двора один за другим выскочили четыре человека и направились к помещению

сельсовета. Все они были вооружены. Трудно было точно определить в темноте, что за оружие у них было, во всяком случае, что-то наподобие винтовок держали они в руках. Двое стали возле сельсовета на улице, а двое пропали где-то в вишняке с другой стороны дома.

Когда мы входили в сельсовет, вооруженный человек, стоявший ближе к нам, вытянулся, как по команде «смирно».

— Ночная охрана, — объяснил он Мачульскому, когда тот подошел к нему поближе и на мгновение остановился.

— Это хорошо, — ответил Роман Наумович, — только незачем стоять вам на виду.

В помещении вокруг лампы столпились люди.

— Дай сюда, дай сюда, — протиснулся к столу тот самый старик, который пришел к нам первый, должно быть дед Алексея. — Пусти сюда меня... — Он на ходу достал из-за пазухи старенькие, в тонкой железной оправе очки.

— Подвинься немножко... — Старик подышал на очки, протер их. Затем, надев их, он долго разглядывал портрет товарища Сталина и буквы в заглавии речи. Радостная улыбка ширилась на его лице.

Решили читать речь Иосифа Виссарионовича. Газета снова очутилась в руках сельского учителя Анатолия Жулеги, члена партии.

Он обратился ко мне:

— Можно, товарищ?

— Читайте, — ответил я.

И учитель начал читать.

Люди уселись на скамьях, стульях, некоторые даже на полу. Установилась полная тишина, только голос учителя, немного напоминающий голос московского диктора, ровно и выразительно звучал в помещении.

Я сидел возле окна и слышал, как кто-то осторожно прошел по песку у стены. В нижней части окна что-то промелькнуло, и снова все стало тихо. Я кивнул Русакову, и он сразу же вышел. Минуты через две председатель вернулся и, подойдя ко мне, шопотом объяснил, в чем дело. Оказывается, шофер Войтик,

который уже читал речь Сталина, согласился временно заменить одного из часовых, а тот подошел к окну, чтобы послушать чтение. Потом мы узнали, что так же и другие часовые по очереди слушали речь товарища Сталина.

Прочитав все до последней строки, учитель обвел горящим взглядом присутствующих и стал осторожно свертывать газету вчетверо. Было похоже на то, что он совсем не собирается возвращать этот номер «Правды».

— Подожди, подожди маленько, — снова заговорил дед Алексея. Теперь мы уже знали его имя. Это был Апанас Морозов, колхозный садовод и огородник, не по годам подвижный и неутомимый в работе. Он, должно быть, позабыл, что у него на носу, теперь уже без надобности, сидят очки.

— Подожди складывать, прочитай еще раз, как там про партизан сказано, а главное—про хлеб и разное добро... Ни грамма хлеба врагу, ни капли горючего... Так, кажется?

Жулега развернул газету, пробежал глазами по строчкам, а потом, должно быть, разыскав нужные слова, утвердительно кивнул головой:

— В основном так.

— Правильно! — заключил старик.

Председатель сельсовета весь светился от радости

— Ведь это и есть наша программа! — обдавал он меня горячим шопотом. — Теперь ясно, за что братья, к чему руки приложить.

Через полчаса Жулега поехал разведывать для нас дорогу по направлению к совхозу «Жалы» и районному центру Любань, а Русаков, Крук, Пакуш и несколько комсомольцев здесь же при свете лампы принялись переписывать речь товарища Сталина. С нашего разрешения они разрезали текст на несколько частей и разделили между переписчиками. Коммунисты правильно решили, что распространение и популяризация сталинского призыва самый верный шаг к вертыванию партизанского движения.

В тысячах мест Белоруссии люди вот так же читали речь товарища Сталина. По инициативе коммуни-

стов, беспартийных передовых рабочих, колхозников, представителей советской интеллигенции повсюду создавались подпольные патриотические группы. Они принимали речь товарища Сталина по радио, переписывали ее в десятках экземпляров и распространяли среди населения.

Приведу один пример. В первые дни войны заведующий Задомлянской начальной школой Смолевичского района Александр Мрочик организовал в своей деревне подпольную патриотическую группу. В заброшенном колодце он установил радиоприемник и каждый день слушал Москву, принимал сообщения с фронта. Речь товарища Сталина он записал слово в слово и с помощью своей группы, размножил ее в ученических тетрадях. Тетради эти ходили по рукам, их читали люди на собраниях, передавали из деревни в деревню. Группа регулярно принимала и распространяла в народе сводки Советского информбюро, важнейшие новости из столицы.

В начале августа сорок первого года какой-то провокатор донес гитлеровцам о деятельности Мрочика. Ночью гестаповцы схватили его. Допрос шел больше недели. Мрочика пытали, угрожали смертью жены, детей, всех родственников.

Ни слова не сказал фашистам мужественный советский человек, даже не признался, что у него есть радиоприемник. Гитлеровские разбойники расстреляли Александра Мрочика в деревне Рудня Прилепского сельсовета Смолевичского района.

В ответ на зверства фашистов в Прилепском сельсовете было организовано более десятка патриотических групп, была создана подпольная комсомольская организация, которой руководила комсомолка Олимпиада Бондарчук.

Таких примеров можно привести множество.

В ту ночь мы не поехали из Заболотья в Любань, а дождались возвращения Жулеги. Он подъехал к сельсовету перед рассветом. Добрый колхозный конь был весь в пене. Спешившись у крыльца, Жулега рассказал, что он проехал не только до границы Любанского района, а до самой деревни Загалье. Дорога свободна.

Мы вышли на улицу. У ворот стоял тот же часовой, что и вчера. У него в руках была хорошо вычищенная винтовка.

— Что ж ты не сменил парня? — спросил Мачульский у Русакова.

— Ничего, — усмехаясь, ответил председатель, — этот вытянет и не подведет.

— Что, в армии был?

— Нет, он допризывник, не успел мобилизоваться. Ну, да теперь и ему дело найдется.

Даже жалко было оставлять таких славных людей. Если бы не стояла перед нами задача организации широкого партийного подполья в каждом районе, был бы полный смысл остаться в Заболотье и на базе этой деревни начинать развертывание партизанского движения.

В Загалье надо было ехать обязательно. На нашем пути это была одна из первых крупных деревень Любанского района и главное — там у меня были хорошо мне известные и надежные люди: председатель сельсовета Степан Корнеев и председатель колхоза Григорий Плышевский.

Мне хотелось узнать, дома ли они, и если дома, то наладить с ними связь, оставить им необходимые задания.

Плышевского мы не застали дома, а Корнеева случайно встретил на улице Мачульский. Я был в это время недалеко и слышал их разговор, похожий на какую-то странную игру.

— Фашисты были у вас? — спрашивал Мачульский.

— Кто-то был, — с простоватым, безразличным видом ответил Корнеев.

— И вы не разобрали кто?

— Не разобрал, ей-богу. На гумне как раз был... Проехали по улице в железных шлемах, а кто — не узнал, — пусть себе едут.

— Вот здорово! — засмеялся Мачульский. — Вам, значит, все равно, кто поехал — наши или чужие. Тут что-то не то... Видно, притворяешься ты, человек.

Вместо ответа Корнеев тоже засмеялся, и нельзя было понять, согласен ли он с Мачульским, или у него какие-то свои мысли.

— А где же здесь ваш двор? — как бы желая переменить тему разговора, спросил Роман Наумович.

— Далеко отсюда, — махнул Корнеев рукой. — Почти в самом конце деревни. Вон, видите, — молодая березка стоит. Она в моем огороде растет.

— Колхозник?

— А как же. Пастух колхозный. Овечек пас, а теперь вот так, без дела слоняюсь. Овечек за Птичь люди погнажи.

— Почему же не вы?

— Нашлось много охотников.

— Ну, а вам в армию надо было итти, — окинув «пастуха» оценивающим взглядом, сказал Мачульский.

— Что вы това... гражданин, что вы говорите про армию. Я ж белобилетник. Рука у меня больная и правый глаз почти совсем не видит, испорчен с малолетства... Вот отойдете вы на пять шагов, я уже и не узнаю... По вечерам с палкой хожу, хоть и молодой еще.

Я видел, что Корнеев маскируется, проверяет себя в роли подпольщика, но все выходило у него до того нескладно и примитивно, что белые нитки так и торчали отовсюду. Мне надоело быть свидетелем этих неудачных упражнений, и, не дождавшись, пока Мачульский сам разберет председателя по косточкам, я вышел со двора и подошел к мужчинам.

— Здорово, Корнеев, — протянув руку, поздоровался я. — Конспирация не такое легкое дело, как тебе кажется... Молодую березку в конце деревни видишь, а уверяешь, что человека за пять шагов не можешь узнать.

Корнеев смутился, а я подумал, что если бы теперь так же пришлось придумывать мне, может быть, еще хуже получилось бы. Не привыкли мы говорить неправду, это несвойственно нашей натуре. У нас, например, были клички, но если бы попробовали любого из нас назвать кличкой, — не отозвался бы ни один.

— Добрый день, товарищ Козлов, — все еще растерянно заговорил Корнеев. — Значит, это вы приехали на машине. А я услышал и решил пойти посмотреть, что за люди, откуда они... Такое время теперь, что не знаешь, кого и ожидать: не успели наши выехать с одного конца улицы, фашисты въехали с другого. Фашисты уехали, снова откуда-то наши приехали. А может, и не наши, кто их тут разберет.

— Ну, это наш, — показал я на Мачульского. — Можешь от него не прятаться.

Мы отошли в более укромное место.

— Оружие есть? — спросил я.

Корнеев озабоченно покачал головой.

— Есть, да не то, что надо: двустволки, берданки...

— Так надо искать, добывать.

— Ищем, — энергично подхватил Корнеев. — Вчера возле самого Слуцка побывали. Недавно мы тут подбитый грузовик подобрали на дороге. Повозились с ним, отремонтировали, теперь ездим куда надо. Осмотрели мастерские под Уречьем, кое-что привезли... Двенадцать винтовок, кое-какие части от пулемета. Думаем здесь, в своей кузнице, ремонтировать, что можно, отчищать. Как раз и специалисты есть у нас.

— А машину надо было сдать нашим, — посоветовал я. — На фронте она больше пригодилась бы.

— Хотели сдать, — продолжал Корнеев, — да выходит так, что и здесь ей работы хватает. Вот ездили за оружием, а то недавно ночью двенадцать наших командиров из окружения вывезли. Напрямик махнули, под самые Копаткевичи. Раненых бойцов тоже вывезли. Я говорил Плышевскому: давай сядем и сами проскочим к своим. Хоть мы не строевые оба, но, может, возьмут... Кто его знает, где теперь наше место и где мы больше нужны.

— Здесь, — твердо ответил я. — Оставайтесь, и будем действовать вместе. Теперь нельзя тратить зря ни одной минуты, организуйте народ на борьбу с врагом.

Мы провели беседу с активом, прочли речь товарища Сталина и вскоре двинулись дальше в совхоз «Жалы». Это было сравнительно удобное место

для более длительной остановки, а главное — здесь была наша временная явка.

Вот и «Жалы»! Еще совсем недавно я был здесь, ходил по урожайным полям, говорил с рабочими. Люди радовались своим успехам, а мне весело было смотреть на них. Кто мог подумать тогда, что через какие-нибудь две недели я снова приеду сюда, но уже совсем при других обстоятельствах!

Теперь в совхозе все изменилось. На полях стояла высокая, колосистая рожь, но она уже никого не радовала. Опустевшие постройки утратили свой жилой, привлекательный вид, казались ненужными. Куда ни глянь — уныние, запустение, как будто и солнце здесь перестало светить.

Все это сжимало сердце тоской и болью, особенно когда приходило на ум, что и в других местах так, и в Старобине, и во всех тех деревнях возле Червоного озера, откуда я недавно уезжал с таким хорошим настроением и новыми планами.

Но при встрече с людьми на душе сразу становилось легче, и росла уверенность, что наш народ не согнется, что он не смирится и упорной борьбой вернет свое счастье.

Под вечер местная разведка донесла, что из Яменска на «Жалы» идет вражеская танковая часть. Пришлось на время загнать машины в болото, а самим спрятаться в ближайших зарослях.

VI

С этого времени и начинается наша партизанская жизнь в Полесье. Гитлеровцы нахлынули в совхоз «Жалы». Дотемна пришлось нам оставаться в болотных зарослях, и только ночью мы вышли на островок. Мокрые все, усталые. Хоть и теплая ночь, но в мокрой одежде все-таки неудобно. Хорошо было бы разложить хоть небольшой костер, да под боком гитлеровцы: время от времени с ветерком доносился до нас их резкий, отрывисто-лающий говор.

Надо было устраиваться на ночь. Мы выбрали место поудобней, наносили туда сена, сухих листьев, мху,

воткнули в землю несколько палок, прикрыли сверху ветками и получился скороспелый, но довольно уютный шалаш. Мачульский залез в него и сладко, с наслаждением зевнул: и сухо, и тепло, и пахнет хорошо, как когда-то на сенокосе.

А ночь выдалась такая, что жалко было расставаться с ней. Так и сидел бы до восхода солнца, так и любовался бы серебряными разливами спокойного месяца, слушал бы эти чарующие, немного таинственные ночные шорохи и звуки. То, что днем проходит мимо человеческого слуха, тонет в шуме жизни, ночью звучит с особой силой и царит в зыбкой, настроженной тишине. Обычный выстрел ночью в лесу громовым ударом разносится на многие километры.

Я назначил часовых. В первую смену пошли Бондарь, Войтик и Степанова. Александру Игнатьевну мы хотели освободить от этой обязанности, но она решительно запротестовала и заявила, что никаких послаблений не принимает.

Охрана надежная, можно отдохнуть. Я прилег на сухие березовые ветки в шалаше и в ту же минуту уснул.

Не прошло и часа, как меня разбудил Войтик.

— В чем дело?

— Какой-то человек! Неизвестный!

Войтик показал рукой в темноту и снова побежал на свое место. Из-за деревьев показался Алексей Георгиевич, а рядом с ним незнакомый человек в милицейской форме. Свет месяца падал на лицо незнакомца. Одежда на нем была новенькая, чистая, сапоги блестящие. Некоторое время я смотрел на этого подтянутого миллионера и не мог понять, кто он такой. Алексей Георгиевич хотел что-то сказать, но незнакомец опередил его: бойко козырнул, ступил шаг вперед и отрапортовал:

— Начальник Любанской районной милиции Ермакович, а теперь — командир партизанского отряда.

Мы поздоровались. Я попросил Ермаковича присесть на кочку возле нашего шалаша, а Бондарь снова пошел на пост. Позже он, посмеиваясь, рассказал нам,

как в эту ночь «взял в плен» начальника Любанской милиции. Узнав, что в совхозе «Жалы» появлялись какие-то незнакомые люди, Ермакович решил ночью выследить нас. Если это в самом деле областные работники, как утверждали многие, то познакомиться с нами, установить связь, а если шпионы, диверсанты — окружить и уничтожить. С собой он взял человек десять, вооруженных винтовками и пистолетами.

Разведав место нашей «дислокации», они неслышно окружили нас, и тогда Ермакович с двумя бойцами пошел прямо на шалаш. Здесь они и наткнулись на наш пост.

— Кто идет? — тихо, но решительно, спросил Бондарь.

Ермакович, видно, не ожидал, что здесь будут посты и, отскочив в сторону, подал своим команду ложиться.

Бондарь и Войтик также залегли.

— Вы кто такие? — послышался неровный голос.

— А вы кто такие? — спросил Бондарь.

— Я начальник Любанской районной милиции, приказываю...

— Фамилия? — перебил его Бондарь.

— Приказываю бросить оружие...

— Фамилия?! — уже тоном приказания повторил Алексей Георгиевич.

— Ермакович, — послышалось из-под корча. — А вы кто?

Бондарь весело ответил:

— Я прокурор Минской области Бондарь. Сдавайтесь, товарищ Ермакович. Мы вас ждем.

Эта встреча на глухом болотистом острове принесла большую пользу. Ермакович помог нам сразу же войти в курс дела, рассказал о многих, очень важных обстоятельствах. От него первого мы узнали, что коммунисты Любанского района честно выполнили указание ЦК и Минского обкома партии и остались в тылу врага. Ермакович рассказал, что на территории района находится председатель райисполкома Андрей Степанович Луферов, начальник районного отделения МГБ Евстрат Горбачев и другие.

Мы проговорили с Ермаковичем до самого рассвета. Через некоторое время пришли наши часовые, так как охрану лагеря взяли на себя бойцы отряда. Приятно было знать, что в районе уже есть надежная партизанская группа.

В районе Постолов находится слущкая группа под командованием работника районного отделения МГБ Пашуна. Больше недели тому назад в Любанский район пришла группа партийных и советских работников, направленная Центральным Комитетом КП(б)Б. Их было шестнадцать человек. Возглавлял группу Александр Иванович Далидович. Сам он здешний и хорошо знает местность.

Позже, когда мы встретились с Александром Ивановичем, я узнал историю этой группы, а теперь, в беседе с Ермаковичем, хотелось как можно лучше познакомиться с Любанским районом, получить сведения о местных людях.

* * *

Маленький болотный островок, на котором мы собирались только переночевать, стал нашим временным лагерем. Он неплохо приютил нас днем, а когда наступила ночь, стал свидетелем довольно значительных событий. В эту ночь к нам стали собираться люди. Ермакович по нашему поручению известил всех коммунистов партизанских групп, а также и отдельных коммунистов в деревнях и в районном центре, что подпольный обком вызывает их на совещание.

С вечера нависли над болотом тучи и стало темно. Фашисты ушли из совхоза, и мы получили возможность развести маленький костер. Люди, попав на островок, по огоньку легко находили наш шалаш. Шагов за сто от места собрания их встречали часовые, проверяли пароль и провожали к нам. Эту часть дела обеспечил нам Ермакович, который явился на остров почти со всей своей группой.

Первым подошел к огоньку директор совхоза «Жалы» Александр Колганов, очень беспокойный и даже немного суетливый человек, но с определенными за-

датками организатора и хорошего хозяина. Он еще днем наведывался к нам, хотя это было очень рискованно. Ему хотелось доложить обкому, что все наиболее важное и ценное в совхозе спасено. Что успели, отправили в тыл, а несколько сот голов скота под надежным присмотром находится на болотных островах, спрятаны также десятки тонн зерна. Большинство рабочих совхоза эвакуировано, а те, что остались, готовы хоть сегодня идти в партизаны. Теперь Колганов расположился у шалаша свободно и непринужденно, как в своем собственном саду, и поджидал остальных. Привыкнув считать островок чуть ли не приусадебным участком совхоза, он, должно быть, забыл, что теперь это только временное место явки, и все подбрасывал и подбрасывал в костер сухие веточки. Видно было, что временами он чувствовал себя здесь, как в ночном, а не как участник конспиративного совещания.

В густой темноте справа от нас послышались шаги и приглушенный голос. Ермакович встал, бесшумно нырнул в темноту и, скоро вернувшись, сказал:

— Свои.

К костру один за другим подошли пять человек. Все они были в обычной гражданской и уже сильно поношенной одежде. Но все, что на них было, от головного убора до обуви, было старательно подогнано под военную походную форму. Новые условия жизни требовали этого. Военная форма тем и ценна, что она наиболее удобна на войне.

— А-а, ты уже здесь?— обратился один из пришедших к Колганову, который лежал у самого огня и был лучше виден, чем мы. — Да тебе тут рукой подать, в своей, можно сказать, усадьбе.

Потом, увидев нас, он подошел ближе, поздоровался со всеми и представился:

— Командир группы, присланной ЦК КП(б)Б в Любанский район, Далидович. — И после этого познакомил нас с остальными:

— Боровик Александр Александрович, — представил он светловолосого, круглолицего мужчину среднего роста. И когда тот шагнул ближе к нам, назвал осталь-

ных: — Логун Михаил Маркович, Буглак Михаил Иосифович, Трескунов Михаил Алексеевич.

Я попросил их присесть на длинное замшелое бревно.

Мы постепенно обживались на своем островке. Днем подправили, укрепили шалаш. Брагин с Мачульским нашли где-то и притащили сюда это бревно, Колганов наделил нас добрым солдатским котелком и кое-чем из продуктов.

Далидович сел рядом со мной. Постепенно мы разговорились, хотя по всему было видно, что Далидович человек не очень разговорчивый.

Он рассказал нам, что многие коммунисты Кривичского района Молодечненской области по заданию ЦК КП(б)Б были оставлены в тылу врага для подпольной работы и партизанской борьбы, а потом направлены в Любанский район. Многим членам группы, в том числе и Далидовичу, были хорошо знакомы лесные и болотистые просторы Любанщины: одни родились здесь и выросли, другие раньше работали в этом районе.

С первого же дня группа нашла большую поддержку у местных жителей. К ней присоединились директор совхоза Колганов, председатель колхоза Сытько Михаил, инструктор райкома Сытько Иван и другие. Позднее в группу Далидовича влились и загальские партизаны во главе с Корнеевым и Плышевским.

Явился Пашун в сопровождении двух бойцов. Мне показалось необычным, что этот, по существу, военный человек, был одет не по-военному: черная полусуконная гимнастерка, обычные «штатские» брюки, заправленные в сапоги с высокими голенищами. Приземистый, немного сутуловатый, он своим видом напоминал охотника. Невольно напрашивался вывод: гражданский человек, взявшись за оружие, старается во всем походить на военного, а военный в подполье не против отдать предпочтение всему гражданскому.

Правда, в Пашуне нетрудно было узнать военного человека, если хоть немного приглядеться к нему.

Подойдя к костру, он остановился, вытянулся и козырнул по всем правилам, как обычно козыряют кадровики. Пояс и кобура сидели на нем так ловко, что приятно было смотреть.

Поздоровавшись с Бондарем, Ермаковичем и со мной, он легко и приветливо поклонился остальным. По всему было видно, что он доволен своим нынешним положением и не скрывает чувства гордости и некоторой исключительности.

— Я долго не раздумывал, — говорил Пашун Бондарю, рассказывая о своей партизанской деятельности. — Приказали мне остаться в тылу врага, — остался и вот командую, а приказали бы итти на фронт, — пожалуйста, козырнул бы — и шагом марш. В Слуцком районе мало кто остался. Райком партии до последних дней был на месте, а теперь неизвестно где. Степанова, говорят, была где-то здесь, только я, признаться, не верю этому. Думаю, что она уже далеко.

— Степанова в распоряжении ЦК, — ответил Бондарь и, чуть приметно улыбнувшись, посмотрел на нас.

— А я думаю, что она уехала в тыл, — возразил Пашун и, хлопнув ладонью по колену, добавил: — Я уверен, что уехала. И след простыл...

В это время Александра Игнатьевна вышла на свет с охапкой сухого хвороста.

— Ну, что это вы, зачем это?.. — засуетился у огня Колганов. — Я и сам принес бы... Да тут есть дрова, пожалуй, на все совещание хватит.

Пашун удивленно раскрыл глаза:

— Это вы?..

А Степанова, как бы не замечая нового человека, хозяйским тоном ответила Колганову:

— Еще ночь впереди, пригодится. Оно и хорошо, что я отошла, товарищ Пашун за это время хоть и говорил вдоволь.

— Я не знал, что вы здесь, — виновато проговорил Пашун и смущенно посмотрел на Бондаря, а потом на нас.

— Чего не знают, о том не говорят, — сдержанно заметила Степанова. И на этом неприятный эпизод кончился, только Колганов, поняв, в чем дело, еще долго иронически поглядывал на смущенного Пашуна.

Пора было начинать совещание. Напомнив еще раз об указаниях товарища Сталина, я ознакомил присутствующих с директивами ЦК КП(б)Б и Минского обкома о развертывании партизанского движения в Белоруссии; затем мы определили район действия для каждой группы и поставили перед командованием конкретные боевые задачи.

На следующий день гитлеровцы снова пришли в совхоз «Жалы». Оставаться долгое время под носом у врага не было надобности, и мы решили перебраться в другое место, ближе к совхозу «Сосны». Здесь в дремучем, с трех сторон заболоченном лесу состоялось у нас первое расширенное заседание бюро подпольного обкома партии. Кроме командиров отрядов и руководителей подпольных групп, на заседании присутствовали Луферов и Горбачев.

Подпольный обком решил созвать всех коммунистов Любанского района. Определили место собрания, договорились о пароле, и в тот же день все разошлись по деревням.

* * *

21 июля 1941 года на небольшой лесной поляне, недалеко от совхоза «Сосны», начали собираться коммунисты. Наши связные встречали их в условленном месте, километра за четыре от поляны. Каждый коммунист знал пароль. Все это очень напоминало исторические маевки. История революционной борьбы нашей партии с первого дня освещала нам путь, помогала найти правильные формы борьбы в любых условиях.

Не совсем удобно проводить собрания под открытым небом, но другого выхода у нас не было. От всяких лесных сторожек и других лесных прибежищ мы решили отказаться. Во-первых, потому, что почти все они известны местным жителям, а во-вторых, мы ожидали не пять и не десять человек.

Посредине полянки стоял почерневший дубовый пенёк. Возле него Варвашеня вбил в землю четыре столбика, нашел где-то кусок доски и положил сверху. Вышел столик и кресло для секретаря: Луферов, как член бюро Любанского райкома партии и исполняющий обязанности секретаря, требовал, чтобы непременно велся протокол собрания. Предполагалось, что люди будут размещаться полукругом. Хвойный лес густой. В тихую погоду скажи слово — летит на полкилометра. Надо было говорить тихо и чтобы все слышали.

Пашун примчался на собрание взволнованный, веселый, как будто в этот день были его именины. С ним пришли человек пять партизан, которые должны были нести охрану нашей полянки. Они тоже выглядели орлами, весело посмеивались: видно было, что им не терпелось рассказать всем какую-то очень важную новость. Кроме пистолетов, у каждого из них были немецкие автоматы.

Рассказывать начал их командир. Встретившись глазами со Степановой, он по-мальчишески подмигнул ей и с напускной важностью провел рукой по усам. «Мы уже действуем, — говорило выражение его лица, — а что там выйдет у вас, еще неизвестно».

Партизаны безусловно заслужили похвалы. Возвращаясь накануне вечером с боевого задания, группа Пашуна заметила отряд вражеских автоматчиков, которые шли из совхоза имени БВО в направлении Любани. Недолго думая, партизаны приняли боевой порядок, залегли и ударили. Это было очень смело и рискованно. Фашисты рассыпались, не приняв боя, пятеро из них были убиты.

Луферов радовался как никогда. Он жал Пашуну руку, тряс за плечи партизан, заглядывал каждому в глаза, расспрашивал о подробностях боя.

— А это ваши трофеи? — спрашивал он, показывая на автоматы. — Хорошо, хорошо... Ты уж, товарищ Пашун, и мне что-нибудь такое, скорострельное, достань.

И, обращая ко мне, сказал:

— Выходит, не только Тихону Бумажкову да Пав-

ловскому это под силу. И у нас есть отважные люди, — вот они!

По деревням Любанщины уже давно шла слава о выдающихся партизанских руководителях Бумажкове и Павловском. После смелых боев с вражескими танками они напали недавно на пехотное вражеское подразделение. Среди бела дня партизаны подкрались к гитлеровцам. Группа под командованием Павловского зашла с левого фланга, а Бумажков с остальными партизанами — с правого. Притаившись в кустах и огородах хутора Заречье, партизаны выбрали подходящий момент и бросились на врага прямо врукопашную. Бросились тогда, когда фрицы, в то время еще незнакомые с партизанами, спокойно разлеглись на зеленом берегу, а большинство из них начали купаться. Обезумевшие от страха, раздетые оккупанты бросились наутек. Почти все вражеское подразделение было уничтожено. Убежавшим не удалось спастись: голый далеко не уйдешь. Жители окружающих деревень устроили облаву. Вооружившись топорами, вилами, а то и просто крепкими дубинками, они обыскали свои огороды, сараи, гумна и прибрежные заросли и переловили всю эту нечисть.

Молва о подвигах октябрьских партизан разошлась не только по Полесью, но и по многим другим районам Белоруссии.

И Луферову было немного завидно: его соседи Бумажков и Павловский до войны иной раз отставали от любанцев в разных хозяйственных делах, а теперь они так прославились. Хотелось, чтобы и в Любани были герои.

Пашун немного порадовал председателя, а когда на поляне появился Ермакович, Луферов совсем просиял. Теперь он уже не считал свой район отстающим и мог бы смело смотреть в глаза Бумажкову и Павловскому. Ермакович доложил, что прошлой ночью он со своей группой устроил засаду на дороге между Любанию и Бобруйском. Результаты хорошие: разгромлен обоз, семь гитлеровцев убито, взято много боеприпасов, продуктов, одежды и два воза винтовок. Это всех нас ободрило. Было похоже на доб-

рое довоенное время: люди приходили на районное партийное собрание с конкретными показателями своей работы.

У края полянки под молодым развесистым ольшаником разместились в круг человек десять. Среди них заметно выделяется старик с белой бородой. Это Андрей Трутиков, председатель колхоза деревни Озерное. Он весело щурит глаза, внимательно разглядывая немного заржавевший ручной пулемет. Григорий Плышевский, председатель Загальского колхоза, явился на собрание с собственным пулеметом. Это, конечно, не могло не вызвать любопытства. Достать винтовку в то время было нелегким делом, а тут у человека совсем исправный ручной пулемет Дегтярева. Можно подумать, что пулемет счастливая находка, но на самом деле это не так.

Вот Плышевский и рассказывает, как он раздобыл себе пулемет. Каждое его слово сопровождается добродушным смешком.

— С самого речного дна эта трубочка поднята, — поглаживая широкой шершавой ладонью ствол, говорит Плышевский. — Лежать бы ей там и ржаветь весь свой век, если бы не наши ребята. Пошли ловить раков, да и подцепили.

— А это откуда? — спрашивает Трутиков, показывая на раму.

Плышевский опускает ладонь ниже.

— Это? — повернув голову к Трутикову, переспрашивает он. — Эту нехитрую вещь нашел наш кузнец и, как человек жадный на всякий кусок железа, принес в свою кузницу.

— А затвор?

— Затвор, — продолжает объяснять председатель, — нашел я под самым Слуцком. Недавно мы ездили туда. Теперь спросите про ложе? Ну, тут дело простое. С деревом легче, чем с железом. Все деревянные части вставили сами... Только вот не покрасили еще, лаку не нашли, а то бы не хуже фабричного. Даже масленку ввернули, видите? — И Плышевский потрогал почерневшими пальцами винтовую шапочку масленки.

— Небольшая штука, правда? — не без гордости спрашивает председатель, подкидывая пулемет в руках. — А работы было много. Любую сложную молотилку легче отремонтировать, чем эту машинку. Не очень-то знали, что здесь к чему. Многих частей совсем не хватало. Дней пять возились в кузнице, пока все сделали, привели в надлежащий порядок. Заго оружие вышло хоть куда, как с завода.

— С колхозного завода, — заметил кто-то из окружающих.

— С Загальского, — откликнулся веселый голос Ермаковича, который тоже подошел к кружку. — Дай мне, Григорий, твою находку, я попробую, как она покажет себя, если пустить ее в работу. Может, здесь разговоры только одни, а машинка стрелять не захочет.

Ермакович взял пулемет, точным движением профессионала оттянул пружину, нажал на спуск, потом снова оттянул ее и, повернув пулемет стволом к себе, посмотрел в канал ствола.

— Пожалуй, не откажет! — одобрительно отметил он. — Можно поставить на вооружение. А тут на ложе надо было написать: «Загальская фабрика-кузница». И марку надо уточнить: писать не ДП, а ДПП, чтобы видно было, что тут не только Дегтярев, а и товарищ Плышевский приложил свое мастерство.

Постепенно людей подходило все больше и больше. Полянка наша заметно веселела, принимала обжитой вид. Часа в три дня Луферов, окинув внимательным взглядом всех присутствующих, решительно сказал:

— Пора, вряд ли кто еще придет.

Ему, как исполняющему обязанности секретаря райкома, мы и поручили открыть собрание. Андрей Степанович строго постучал карандашом по импровизированному столу. На полянке сразу установилась тишина. Товарищи подошли ближе, и все разместились полукругом на траве.

Луферов кашлянул, приложив к губам кулак, переступил с ноги на ногу и начал говорить:

— Никто не думал, не гадал, товарищи, что нам придется проводить свое районное партийное собрание

на этой глухой полянке. Когда-то сюда ни один наш охотник, наверно, не заходил... Ну что ж, суровое время настало, суровые условия... Но и в этих условиях, и даже во сто крат более тяжелых, мы не должны сгибаться.

Здесь у нас присутствует подпольный обком партии, все областное партийное руководство; собралось, как видите, несколько десятков коммунистов. Я думаю, что в каждом районе соберется не меньше. Значит, мы живем, товарищи, несмотря ни на какие зверства врага, и мы будем жить, дорогие товарищи, не только жить, но и бороться до последней капли крови.

Луферов снова кашлянул, на минуточку о чем-то задумался, а потом твердо произнес:

— А теперь, товарищи, прежде чем открыть наше собрание, прошу всех показать свои партийные билеты.

И люди задвигались начали распарывать подкладки, выворачивать шапки, иные даже разуваться, чтобы достать партбилет из сапога. Над головами, поблескивая на солнце, начали подниматься красные книжечки. И на полянке как будто посветлело.

Андрей Степанович, стоя за столом, долго не спускал внимательного и немного торжественного взгляда с поднятых над головами людей партийных билетов.

— Александр, — вдруг обратился Луферов к одному из присутствующих, и голос его сразу поглубел.

Человек поспешно встал.

— Садись, — не скрывая своего недовольства, сказал Луферов. — За тобой других не видно. Ты почему не показываешь нам свой партийный билет? Что, потерял или, может, отдал на хранение? Говори правду.

Человек растерянно моргал, краснел, мялся, но некоторое время молчал, должно быть не осмеливаясь сказать правду. Он с уважением поглядывал на партийные билеты своих соседей и чем дальше, тем все больше и больше начинал волноваться.

— Нет, товарищ Луферов, — сказал он наконец, — я не потерял свой партийный документ, а я его закопал в землю.

— Ага! — Луферов кивнул в его сторону головой. — Подожди немного, сейчас разберемся, тут еще одно дело у меня. — И он обратился к молодой темно-волосой девушке, которая сидела справа от стола и тоже держала в руке билет.

— Товарищ Кононова, а ты когда успела вступить в партию?

— Это у меня комсомольский билет, — звонко и взволнованно ответила девушка. — Я прошу разрешить мне присутствовать на этом собрании.

Луферов обратился к собранию:

— Как, товарищи, разрешим?

— Конечно, разрешим, — слышались голоса.

— Хорошо, Кононова, оставайся. Прошу, товарищи, спрятать ваши партийные билеты. По поводу членских взносов будет особое указание подпольной организации. А с тобой, Александр, мы хотим поговорить серьезно. Где твой партийный документ? Кто знает, закопал ты его или, может, уничтожил? Как ты мог решиться прийти на это партийное собрание без документа?

Луферов заметно волновался. Ему обидно было, что человек, которого он давно знал, которого сам рекомендовал в партию, пришел на собрание без партийного билета. Что можно подумать о таком человеке? Тут могли быть и трусость, и растерянность, и, может быть, даже преступные намерения.

Тот, которого Луферов назвал Александром, должно быть, хорошо чувствовал это и поэтому не старался смягчить свою вину, а только просил на этот раз простить ему ошибку и разрешить присутствовать на собрании.

— Собрание проси, а не меня! — гневно повышая голос, сказал Луферов. — Если поверят люди, что ты не потерял свой документ, не дал его в руки врагу, может быть, и разрешат тебе остаться.

— Фашисты в деревню нахлынули, боялся как бы не поймали да не стали обыскивать. — Александр неуверенно перевел взгляд с Луферова на присутствующих, пробежал взглядом по лицам знакомых коммунистов. Сколько раз приходилось ему встречать-

ся с этими людьми на районных конференциях и собраниях. Всякое бывало на работе. Были случаи, когда его резко критиковали, пробирали в райкоме, райисполкоме, но чтобы ему не доверяли, этого еще никогда не случалось. Теперь же он видел в глазах некоторых своих соседей чуть заметное выражение сомнения и подозрительности. Тяжело было перенести это, минуту назад он даже и не представлял, что допустил такую серьезную ошибку.

— Ты что же думаешь, если закопаешь свой билет, так враги не узнают, что ты коммунист, поглядят тебя по головке, приголубят?

Александр быстро встал. Лицо его покраснело, глаза блеснули от слез.

— Товарищи! — сказал он дрожащим от волнения голосом. — Товарищи, дайте мне два часа, всего только два часа, и я принесу свой партийный билет.

— Не успеешь за два часа, — заметил Луферов.

— Успею, я здесь в колхозе коня возьму...

Выбрали президиум. Секретарь собрания взялся вести протокол по всем правилам. Мы обсудили наиболее важные вопросы партийной работы в связи с выступлением товарища Сталина по радио 3 июля 1941 года. Необходимо было прежде всего помочь парторганизациям перейти к новым, еще почти неизведанным методам работы в суровых условиях подполья. Мало кто из любанских коммунистов был знаком с такими методами. Люди все больше молодые. Правда, некоторые из них вступили в партию после гражданской войны, но большинство — в годы сталинских пятилеток. Откуда им знать, что такое партийное подполье на практике, да еще в таких необычных, тяжелых условиях? Теорию знал каждый, а когда пришлось взяться за дело практически, чувствовалась неуверенность, были случаи, когда отдельные люди делали много ошибок.

Необходимо было ориентировать партийную организацию на развертывание массового партизанского движения. Мы не могли ограничиться отдельными группами. Надо было, чтобы с первых же дней

партизанское движение приобрело всенародный характер.

И наконец — охрана социалистической собственности.

Положение с колхозным добром было очень сложное и серьезное. Побывав в деревнях, мы убедились, что многие колхозы не успели вывезти материальные ценности и угнать скот. Кое-где остались фермы, полные амбары зерна, машины, инвентарь. Кроме того, пришло время жатвы. Урожай был хороший, крупные колосья кланялись людям, просились на гумно. А люди не всегда знали, что делать, как управиться с хлебом. И часто старались делать по-старому, как привыкли в колхозе: жали, вязали рожь в снопы, складывали в скирды.

Было ясно, что враг не преминет воспользоваться готовым добром. Он уже и пользовался. Немало было случаев, когда немецкие солдаты заезжали на фермы и забирали свиней, коров, пригоняли к амбарам машины и дочиста выгребали зерно.

Надо было немедленно найти правильное и действенное решение, противопоставить грабительской политике оккупантов свои решительные меры: надежно укрыть колхозную собственность и зерно, все, что нельзя спрятать — раздать колхозникам, хлеб убрать, обмолотить и тоже спрятать. Что не удастся убрать — сжечь на корню, не удастся обмолотить — сжечь в скирдах. Ни одного килограмма не должно достаться врагу.

Обо всем этом я сказал в своем докладе.

Любанские коммунисты тщательно обсуждали каждый вопрос, глубоко все продумывали. Их предложения были действенными и конкретными. Все хорошо понимали, что решение собрания станет программой действий не только для одного Любанского района.

Собрание выделило ответственных за проведение намеченных мероприятий. На них была возложена задача организации на местах подпольных партийных групп. Коммунисту Адаму Майстренко и нижинской учительнице Фене Кононовой собрание поручило орга-

низацию в районе комсомольских подпольных групп. Выбрали подпольный райком партии, в который вошли: Луферов, Ермакович, Горбачев, Далидович, Трескунов и другие. Бюро областного подпольного комитета КП(б)Б утвердило избранный состав бюро районного подпольного комитета.

Тут же мы все поклялись, что в тяжелых условиях подполья не запятнаем высокого звания члена партии. Все встали, тихо, вполголоса пропели «Интернационал».

До сумерек основные вопросы были решены. Люди уже собрались расходиться, когда из зарослей ольшаника вышел Александр. Он не мог выговорить ни слова. Отвернув полу пиджака, Александр вынул из-за подкладки свой партийный билет.

— Вот мой документ! — немного отдышавшись, сказал он.

Вслед за всеми вскоре разошлись и мы. Варвашеня и Брагин остались на Любанщине, Степанова пошла на Случчину, а мы вчетвером — Бондарь, Мачульский, Бельский и я — направились в Старобинский, Краснослободский, Копыльский и Гресский районы. Перед всеми нами стояла задача — немедленно наладить связь с подпольными группами и отдельными коммунистами области, объединить их, возглавить патриотическое движение масс, развернуть всенародную партизанскую борьбу.

VII

В Старобинском районе, согласно решению бюро обкома, оставались для подпольной работы некоторые члены бюро райкома, часть районных и сельских работников-коммунистов. Еще на областном совещании в Минске мы договорились, что при необходимости одна из наших подпольных явок на Старобинщине будет в деревне Долгое, что председатель Долговского сельсовета, партизан гражданской войны Гаврила Стешиц, коммунист Антон Дрезголович, председатель скавшинского колхоза Дмитрий Хомицевич останутся в своем районе. В деревне Долгое Стешиц должен был

подготовить две-три секретные базы для подпольного обкома.

К Скавшину мы подошли ночью. Один из дозорных, встретивших нас у крайней хаты, узнал меня и, подойдя близко, незаметно для других поздоровался.

— Я Кривальцевич, — тихо сказал он, — Яковом зовут.

— А Гордей Кривальцевич и Дмитрий здесь? — спросил я.

— Здесь, — быстро ответил Яков.

Вскоре выяснилось, что у Дмитрия Хомицевича тоже есть партизанская группа. Сначала, кроме самого Хомицевича, в ней были: Янович Александр и Черняк Иван, а потом к группе присоединились и другие местные колхозники, и она выросла до двадцати двух человек.

При встрече с нами Хомицевич рассказал про свой первый бой с оккупантами, который произошел в начале июля. Разведка донесла, что с Ананчиц на Домановичи идет крупная фашистская часть. Хомицевич собрал партизан и дал приказ встретить врага огнем. К этому времени в группе был уже ручной пулемет, четырнадцать винтовок, пять автоматов, пистолеты. Бойцы разделились на три группы и залегли у дороги, недалеко от разрушенного моста. По обеим сторонам дороги тянулись густые заросли, местами заболоченные. Войти в этот лес сразу фашисты не решились и выслали разведку. Разведчиков было немного, их надо было пропустить и ударить по основной силе, но Хомицевич, который еще не имел боевого опыта, не решился на это. Партизаны открыли огонь по разведчикам и двоих убили. Пока велась перестрелка, часть развернулась, начался неравный бой, — гитлеровцы пустили в ход даже артиллерию.

Маленький отряд, конечно, не мог выстоять против такой силы, пришлось отойти в глубь леса. Оккупанты почти весь день обстреливали из минометов заросли и все не осмеливались подойти к Домановичам. Они были уверены, что здесь действует регулярная часть Советской Армии.

По настоянию местных коммунистов мы временно остановились в деревне Скавшин, так как здесь было меньше дорог и гитлеровцы наезжали не так часто. Надо было немедленно установить непосредственную связь с подпольным центром района. На Старобинщине должны были остаться председатель райисполкома Василий Меркуль, редактор районной газеты Иван Жевнов, уполномоченный Комитета заготовок Никита Бондаровец и ряд других местных работников.

Мы послали для связи с ними Якова Кривальцевича. Он вернулся на другой день и передал мне небольшой пакетик, старательно завернутый в кусок материи.

— От Гаврилы, — объяснил он коротко, с довольной улыбкой.

— Из деревни Долгое? — спросил я.

— Оттуда.

Да, это в самом деле радостная весть. Коммунист Гаврила Стешиц был партизаном в гражданскую войну, его опыт мог принести нам большую пользу.

В записке, вложенной в пакетик, Гаврила сообщал, что группа районных работников находится теперь вблизи деревни Красный Берег (бывший «Гнойный рак»), что в ближайшие дни он сам организует встречу подпольного обкома со старобинцами. В пакетике были и листовки. Мы развернули их и удивились: совсем свежие листовки, еще даже краской пахнут.

Но Хомицевич несколько не удивился. Он положил листовки себе за пазуху и благодарно сказал:

— Вот хорошо, это уже четвертая. Отдам своим ребятам, они ее живо расклеят...

И в связи с этой листовкой Хомицевич рассказал несколько фактов из работы членов бюро Старобинского райкома партии в самые первые дни войны.

Еще до оккупации районного центра старобинские коммунисты стали усиленно готовиться к подпольной работе. На второй день войны Жевнов был направлен в Слуцк, чтобы достать там текст выступления товарища Молотова по радио. Гитлеровцы усиленно

бомбили город, почти все улицы были охвачены пожаром, но Жевнову все-таки удалось связаться с местной редакцией.

Вернувшись домой, Жевнов вызвал наборщицу Ольгу Мелешко и Женю Воробей.

— Идите в типографию, — сказал он, — будем продолжать работу.

Девушки на миг растерялись:

— Фашисты совсем близко.

— Ничего, — успокоил их Жевнов. — Окна снаружи забьем досками, оставим только одно небольшое окошко со ставнями, что выходит к реке. Работать будем по ночам.

И девушки пошли набирать. Скоро было напечатано выступление Вячеслава Михайловича Молотова, а Жевнов, Меркуль и Бондаровец разослали его по сельсоветам.

В первые дни оккупации старобинские подпольщики находились в своем же городском поселке, собирали оружие, боеприпасы и одну за другой выпускали листовки. 3 июля они записали по радио речь товарища Сталина и в тот же день выпустили ее большим тиражом. Листовка с речью Иосифа Виссарионовича была разослана во все сельсоветы и колхозы района.

В первой декаде июля, когда оставаться в городе стало уже невозможно, старобинские коммунисты разрушили типографию, а весь шрифт, рулоны бумаги и запасную печатную машину вывезли в лес.

В Скавшине мы пробыли недолго. Гитлеровцы после стычки с группой Хомицевича начали старательно выслеживать партизан и вскоре напали на наш след. Однажды поздней ночью прибежал к нам Яков Кривальцевич и объявил:

— В Домановичи наехало много гитлеровцев, они собираются окружить Скавшин.

Надо было немедленно уходить. Вместе с домановичскими коммунистами мы определили новую явку и решили пробираться в деревню Драчава. Послали разведку, и оказалось, что Кривальцевич был прав, — все выходы из Скавшина были уже блокированы. Дело осложнялось еще тем, что Иосифу Александровичу

Бельскому в это время нездоровилось и он не мог уйти с нами. Местные патриоты помогли ему спрятаться в надежном месте, а мы выползли огородом за деревню.

Спустя несколько дней Яков Кривальцевич привез в Драчаву Бельского, и вскоре после этого пришел к нам связной от Меркуля и Жевнова.

Деревня Красный Берег расположена километрах в пяти от Драчавы. Место подходящее для остановки: вокруг лес, болота, больших дорог поблизости нет. Здесь мы и встретились со старобинской группой. Кроме Меркуля, Жевнова, Бондаровца, в деревне были некоторые районные работники: Мурашка, Ширин, Хинич, Садовский, Хомич, председатели колхозов Бородич, Дрезголович. Группа держала тесную связь с сельсоветами и местными коммунистами. Здесь шла фронтовая, наполненная боевыми делами жизнь. Каждый день старобинские партизаны выходили на задание: подрывали мосты, портили дороги, сжигали склады. Даже тогда, когда не было у них еще ни тола, ни подрывных мин, ни клиньев, они уже пустили под откос большой вражеский эшелон. Послали группу партизан в Житковичский район. Послали с ломами, крючьями, и те просто поразворачивали рельсы. Еще не имея необходимого оружия, они вместе с группой Гаврилы Стешица обстреляли из засад моторизованную дивизию и на несколько дней задержали ее продвижение. Это было большой заслугой старобинцев. Василий Меркуль, человек не очень многословный, рассказывал об этом охотно и с гордостью.

Оккупанты должны были идти из Старобина на Ленино — Житковичи — Петриков — Мозырь. Первым узнал об этом Гаврила Стешиц через своих связных в Старобине. Узнал и известил Меркуля. Когда же проверили факты, то дополнительно выяснилось, что дивизия направляется на один из важнейших участков фронта.

Меркуль отдал приказ выступить. Построились партизаны, — командир обошел строй: мало бойцов, очень мало. Там дивизия, а здесь каких-нибудь два десятка человек.

И все-таки решили дать бой оккупантам, использовать группы Стешица и Хомицевича, мобилизовать все резервы. Не удастся нанести врагу серьезный удар, так хоть попытаются задержать дивизию.

Вышли на дорогу возле деревни Долгое и, тщательно взвесив все обстоятельства, расставили засады.

Впереди фашистской дивизии шел отряд мотоциклистов. Крайняя засада подпустила его на определенное расстояние и открыла огонь. Гитлеровцы ринулись вперед, а там их встретила другая засада. Несколько мотоциклистов было убито, а остальные побросали машины и рассыпались в кустах.

Для расчистки дороги штаб дивизии выслал целую роту солдат, но партизаны встретили огнем и ее. Завязался бой. Вражеская разведка вынуждена была залечь и вызвать подкрепление. Бой тянулся долго, а к концу дня гитлеровское командование выслало еще одну роту с заданием окружить партизан и взять живыми.

Но ничего из этого не вышло. Заняв удобные позиции, народные мстители продолжали обстреливать врага и наносить ему потери. Настала ночь. Гитлеровские штабисты решили, что против них действуют очень крупные силы и рано утром выслали полк с заданием прочесать лес. Прочесывали они весь день, но партизаны были уже в другом месте. Когда дивизия решилась, наконец, двинуться вперед, партизанские пули вновь посыпались на нее. Под Домановичами гитлеровцев еще раз «угостили», под Червоным озером — еще.

Таким образом, крупная оперативная часть немецкого центрального фронта шла по старобинским дорогам около недели.

О боевых делах старобинских партизан с удивлением и восхищением говорили в народе.

Один из таких славных эпизодов связан был с именем Николая Шатного, отважного партизана из отряда Меркуля. Получив разрешение идти на задание, он взял с собой двух партизан и отправился на большак. Что ему хотелось сделать? Шатному не давала покоя мысль захватить немецкую легковую машину,

тем более, что по специальности он был автомеханик.

Дело не легкое. Подорвать автомобиль, подбить — проще, но на испорченной машине не поедешь. Важно было раздобыть машину на ходу, и не какую-нибудь, а комфортабельную, лучшей марки.

Вытащили партизаны поперечную доску из одного небольшого мостика, а сами залегли поблизости в кустах. Полдня лежали, пока дождалась подходящего случая. Наконец нужная машина подошла. Лакированная, с блестящими полосками по обеим сторонам кузова. Шатный как посмотрел, так даже задрожал от нетерпения.

Шофер въехал на мост и, увидав широкую щель, остановился. Вылез из-за руля и тут же упал, скошенный снайперской пулей Шатного. Остальные гитлеровцы, один из них офицер, даже не успели схватиться за оружие.

Ехать бы теперь в лагерь, — трофеи были на редкость богатые, но Шатный не мог этим удовлетвориться. У него тут же возникла мысль проехать на трофейной машине по полицейским гарнизонам, посмотреть, что там теперь делается, какие собираются силы? Отведя машину в лес, он быстро натянул на себя комбинезон убитого шофера, а своим товарищам велел — одному переодеться в форму немецкого обера, а другому быть переводчиком. Что бы «пан офицер» или шофер ни сказали, переводчик должен точно передать «полицаям». И не запинаться, а говорить гладко и грозным голосом.

Побывали в Домановичах, в Долгом, в Махновичах. Полицейские в струнку вытягиваются, честь отдают. Решили поехать в местечко Погост. Там был большой гарнизон. Часовые пропустили их. Проехал Шатный по одной улице, по другой, и вдруг у него возникла новая идея: захватить погостского бургомистра со всеми его бумагами. Такую задачу Меркуль поставил перед партизанами уже давно.

Догнав на улице одного «полицая», «офицер» приказал ему показать, где живет пан бургомистр. «Полицай» угодливо сел в машину. Бургомистра дома не

оказалось, но тот же «полицай» быстро разыскал его.

На пороге бургомистр снял шапку, сначала низко поклонился, показав «гостям» потную лысину, а потом браво выпрямился.

«Офицер» буркнул что-то нечленораздельное, замахал руками, а переводчик закричал на весь дом:

— Где шляешься в служебное время, горбатый дурень?! Разве не знаешь, что пан городской комендант изволил приехать сегодня?

— Не знал, паны, не знал! — дрожащим голосом оправдывался бургомистр.

— Собирайся, поедешь с нами, — было приказано ему. — Бери с собой все документы.

Шатный имел намерение привезти бургомистра и сдать своему командованию, но, заехав в лес, не выдержал, остановил машину и начал сам допрашивать фашистского прислужника.

— Давай сюда бумаги! — приказал Шатный уже без переводчика.

Бургомистр побелел.

Просмотрел Шатный одну бумажку, другую и отложил в сторону. Потом достал из папки длинный лист, и на лице его появились суровые складки.

— Чья работа? — угрожающе спросил Шатный.

— Это мне прислали, — старался оправдаться бургомистр, — подневольный я человек.

— Врешь! — крикнул Шатный. — Сам ты вынюхал, выследил... Хочешь выслужиться перед Гитлером?

В руках недавнего «немецкого шофера» был список старобинских партизан. Бургомистр составил его, чтобы угодить своему начальству, а вышло совсем иначе. Список попал в руки партизан, и вот Шатный теперь читает его. Чем дальше читает, тем сильнее дрожат от гнева его губы, мрачнеет лицо. В начале списка стоит Меркуль, потом Жевнов, Бондаровец, Бородич, Ширин и другие.

— Смотри, — говорит Шатный своему «офицеру» и показывает ему список. — Птички стоят против каждой фамилии, а в скобках черные кресты.

— А вот и ты, — замечает «офицер», заглянув в конец списка.

Шатный быстро переворачивает лист: и в самом деле, там записана его фамилия, и против нее — крест.

— Что это означает?! — кричит Шатный и подносит бумагу к близоруким глазам бургомистра.

Тот одурело крутит головой:

— Не знаю, ничего не знаю...

— А, не знаешь! — еще больше свирепеет Шатный и выталкивает бургомистра из машины. — Так я тебе растолкую...

Позже Меркуль сделал выговор Шатному и хотел даже сурово наказать за самовольство. Никто не разрешал Шатному расстреливать бургомистра, хотя тот и заслуживал этого.

— Не выдержал, товарищ командир, — откровенно признался Шатный, — как увидел черный крест против своей фамилии, закипело в груди. Не выдержал...

На следующий день, после встречи со старобинской группой, в Красном Береге состоялось заседание бюро обкома. Первым обсуждался вопрос о связи с другими районами. У нас коммунисты остались в Краснослободском, Копыльском, Гресском районах, в Бобруйске, Слуцке, Борисове. Для связи с ними были назначены уполномоченные обкома. В качестве непосредственного руководителя партизанской борьбой на Старобинщине было утверждено бюро районного комитета КП(б)Б. В него вошли: Меркуль, Жевнов, Дрезголович, Ширин и Бондаровец.

На этом заседании возник один неожиданный вопрос. Когда зашла речь о политико-воспитательной работе среди населения, один из старобинских коммунистов бросил реплику:

— Надо гитлеровцев бить, а не ходить по деревням.

Некоторые его поддержали, пытаясь доказать, что теперь будто бы не до собраний, что надо сосредоточить внимание на одном, главном — на боевых операциях.

Явная недооценка политико-воспитательной работы среди населения в первые дни оккупации таила в себе большую опасность. Бюро обкома решительно осудило такие настроения. Товарищи не понимали, что теперь как никогда нужно людям правдивое большевистское слово. Были намечены мероприятия по массовому выпуску листовок, распространению речи товарища Сталина. В сельсоветы и колхозы были направлены уполномоченные райкома. На них возлагалась задача прочитать и разъяснить повсюду речь товарища Сталина, довести до сведения широких масс решения ЦК КП(б)Б и Минского обкома о развертывании партизанского движения. Каждый партизан должен быть неутомимым агитатором, — такая установка была взята обкомом с первых дней подполья.

Только мы собрались расходиться, как в избу вошел связной из Доманович, от Хомицевича. Он принес нам тяжелое известие: вчера эсесовцы расстреляли Якова Кривальцевича. Ничем не поживившись во время налета на деревню Скавшин, фашисты ринулись на Осово, на Домановичи. Хомицевичу с группой удалось проскользнуть, а Яков попал в руки оккупантов.

Фашистская нечисть ликовала. В вышестоящий штаб был послан хвастливый рапорт о том, что разгромлен крупный центр большевистского подполья, что в ближайшие один-два дня все подпольщики в Полесье будут выловлены и уничтожены. Самонадеянным фрицам, которые привыкли на Западе к легким победам, и в голову не могло прийти, что на Востоке будет иначе. Они думали, что если попал в руки один, то скоро попадут и остальные. Своя, мол, рубашка ближе к телу: пообещай человеку жизнь, он все расскажет.

Уверенные, что так поступит и Яков Кривальцевич, в штабе дивизии ему предложили сигарету и лист бумаги.

— Пиши, — сказали ему, — старайся припомнить всех.

И офицер с переводчиком вышли, в комнате осталось только часовая.

Через некоторое время офицер вернулся. Сигарета лежала перед Яковом на прежнем месте, на листе бумаги не было ни одной буквы. «Рус неграмотный», — решил офицер и приказал переводчику записать все, что скажет арестованный.

Переводчик сел напротив Кривальцевича.

— Что, только крестики ставить умеешь? — насмешливо спросил он. — Говори, я сам запишу.

— Запиши на своей шкуре, — спокойно ответил Кривальцевич, — что мы не те, за кого вы нас принимаете.

Офицер вопросительно взглянул на переводчика, тот криво усмехнулся и процедил:

— Герой в лаптях, здесь это в моде.

— Скажи «герою», — небрежно бросил фашист, — что мы не любим медлить. Если ему трудно вспомнить то, что нам нужно, мы можем помочь.

Он постучал пальцем по кобуре, подошел ближе к столу и внезапно крикнул:

— Слушай, морда!

— Слушаю, господин, — подобострастно пролепетал переводчик и сразу как-то сгорбился и заморгал глазами.

Офицер заявил:

— Не спеши, — и снова взглянул на кобурю. — Скажи, что немецкие власти не остаются в долгу перед теми, кто оказывает им хорошие услуги. Рус может получить деньги, может получить кусок земли, который у него большевики, вероятно, отобрали.

Переводчик старался быть оригинальным:

— Земля у тебя была? — спросил он у Кривальцевича.

Яков молчал, в глазах его светились ненависть и отвращение.

— Конечно, была, — зашепшил переводчик. — Только, наверно, маловато. Ну, при новой власти ты можешь получить больше... Тэ-эк... — переводчик оттопырил нижнюю губу, оскалил зубы, — и, считай что задарма, так себе, за какие-то пустячки...

— Собака! — с ненавистью проговорил Кривальцевич. — Выродок! И как тебя земля носит, поганого!

В тот день допрашивали Кривальцевича несколько раз. Сначала старались обмануть его, подкупить, потом угрожали смертью, пытали. Штабу надо было отправляться в другое место, — забрали Якова с собой. По дороге били палками, ставили под расстрел, потом снова пробовали подкупить, вырвать признание обманом.

— Откуда он родом? — спросил вдруг офицер у переводчика.

— Как откуда? — не понял вопроса переводчик.

— Где его дом, семья, жена?

— В Скавшине, — ответил переводчик.

— Хорошо, мы его заставим говорить.

В Скавшине гитлеровцы заполнили двор Кривальцевича. Они собирались захватить его отца, жену, детей и пытаться их до тех пор, пока арестованный не заговорит. Но хата была пуста, как и многие другие: скавшинцы после фашистского налета ушли в лес.

Тогда фашисты решили применить своеобразную психическую атаку: уничтожили все, что было у Кривальцевича из движимого имущества, — поломали мебель, побили посуду, забрали одежду, зерно. Потом стали сжигать постройки. Подожгли гумно, хлев, через некоторое время хату, а Кривальцевича все время держали на улице, чтобы он это видел.

Ничто не поколебало мужественного советского человека. Погиб он, не сказав фашистам ни слова с партизанах. По существу, он спас от огромной опасности подпольную организацию Старобинщины.

Самоотверженный, глубоко патристический поступок Якова Кривальцевича, рядового колхозника, настоящего беспартийного большевика, глубоко запал нам в сердце, взволновал своим величием и благородством. Тяжело было, что человек погиб, не успев проявить все свои силы, развернуть все свои способности.

Но это еще раз подтверждало, что нашу страну нельзя поставить на колени, что такой народ, как наш, никогда не покорится врагу. Какая несокрушимая сила, какое мужество! Первые дни войны... Еще не

собранны силы в тылу врага, еще кое-где прячется по углам неуверенность, а этот рядовой советский человек, не колеблясь, решил выступить против целой вооруженной банды, он смело смотрел в лицо смерти и не задрожал, не похолодел от страха. И он победил, хоть и отдал за победу свою жизнь.

Смерть Кривальцевича была тяжелой утратой и очень серьезным предупреждением. Нам стало ясно, что сразу же надо внести некоторые изменения в нашу тактику. В первые дни подполья мы не требовали, чтобы каждая наша партизанская группа переходила на боевое положение и базировалась в лесу: кое-кому был смысл не отрываться от своей деревни, обрастать резервами, препятствовать появлению полицейских гарнизонов. В этом было немало положительного, но, как показала последующая практика, отрицательное все же перетягивало чашу весов. Живя дома, не на лагерном положении, партизаны иногда забывали о строжайшей конспирации, допускали ослабление боевой дисциплины, легко могли попасть в ловушку.

На бюро было вынесено решение перевести старобинские группы на лагерно-боевое положение, как следует вооружить их и подчинить единому руководству — бюро подпольного райкома партии.

Был взят курс на то, чтобы с первых шагов своей деятельности партизанские группы становились партизанскими отрядами, привыкали вести широкие боевые действия, маневрировать, оказывать сопротивление. А будут у партизан успехи в борьбе с врагом, будет им обеспечена и поддержка народа. Люди и у себя дома не подведут и в лес дорогу найдут.

VIII

К концу августа подпольный обком КП(б)Б направился в более удобное для работы место — на Червонное озеро. По всей Белоруссии славится этот чудесный уголок природы. Среди лугов и лесов, густых зарослей раскинулась широкая, светлая гладь озера. Роскошные ясени, березы, ольхи и вербы растут на его высоких берегах, склоняясь своими ветвями до самой воды.

Много легенд ходит по Полесью об этом озере. Одна из них говорит, что давным-давно, в незапамятные еще времена жил у озера старый рыбак Андрей с дочерью Надежкой. И такая она была красавица, что во всей округе подобной не сыщешь. От сватов отбоя не было: за сотню верст приезжали. Только от Надежки всем отказ. Слюбилась она с панским сокольничим Иваном.

А на озере, на острове стоял тогда замок князя, окруженный дубовыми стенами. И был тот Иван самым лучшим сокольничим у князя. Вот и стал Иван просить князя, чтобы позволил ему жениться на красавице Надежке. «Хорошо, — говорит князь, — только сначала хочу я посмотреть, на ком ты женишься. Понравится невеста, я тебе помогу свадьбу справить».

Как-то, возвращаясь с охоты, заехал князь с Иваном посмотреть на его суженую. Как взглянул князь на красавицу девицу, сердце у него самого загорелось. И задумал он черную думу.

— Ну что ж, — говорит, — любимый мой сокольничий, справляй свадьбу. Я тебе буду посаженным отцом.

Устроили гулянье, собрались гости. Повенчали Ивана с Надежкой. Сидят они в красном углу, как пара голубков белых. Тогда встает посаженный отец их — князь, как черная туча над озером.

— Гей вы, слуги мои верные! Не было еще такого случая, чтоб раб мой брал жемчужины из моего княжества, если они князю нравятся. Возьмите вы сокольника, закуйте ему руки кандалами, а Надежка моей будет.

Онемели гости от неожиданности, потом пошел среди них ропот: «Не по совести поступаешь, князь...»

Разъярился князь. Приказал гостей из замка вышвырнуть. Еле успели они с острова на лодках перебраться.

А над озером туча встала, черная-черная. Молнии по небу так и блещут. Подошла туча к замку, нависла над ним. Видят люди: начали молнии по башням бить. Загорелся замок, как свечка на озере. А потом

начал остров под замком в озеро оседать, пока совсем не исчез под водой...

Еще не так давно одни легенды и витали вокруг этого озера. Людям почти совсем не было доступа к его берегам, — на десятки километров вокруг лежали гнилые, зыбкие болота. Попы активно поддерживали всевозможные таинственные, религиозно-мистические легенды об этих местах. Делалось это для того, чтобы как можно больше людей привлечь в богатую церковь, которая была отстроена в деревне Червонное озеро. Духовенство позаботилось даже о том, чтобы была прорыта канава от этой церкви через болота к озеру и дальше, к ближайшим деревням. В дни больших церковных праздников люди садились в лодки-душегубки и по канаве приплывали на богомолье. Это был единственный путь, который кое-как соединял полесские деревни, отгороженные друг от друга непроходимыми болотами, что раскинулись вокруг Червонного озера, или, как его раньше называли, Князь-озера. Местные жители прозвали эту канаву «ездовней».

В годы сталинских пятилеток былую «ездовню» колхозники расчистили и расширили, она стала магистральным каналом. От него пошли другие каналы, и десятки гектаров непролазной топи были превращены в урожайную землю. На осушенной почве червонно-озерские колхозы собирали богатейшие урожаи зерна, овощей, кок-сагыза. Это был самый урожайный уголок Старобинщины.

Когда-то, работая секретарем Старобинского райкома партии, я часто бывал на этом озере. Меня всегда волновали и радовали перспективы этих чудеснейших мест. Хотелось как можно скорее использовать те богатства, которые таились здесь на протяжении веков. Люди мечтали об этом богатстве, слагали о нем легенды и сказки, а воспользоваться им не могли. Не думал я в то время, не гадал, что этот красивейший уголок Полесья станет в сорок первом году временным пристанищем Минского подпольного обкома партии, одним из центров боевых действий партизанских отрядов Полесья и Минщины. А когда началась война, именно

так и случилось, — ведь район Червоного озера как нельзя лучше соответствовал основным требованиям подпольной работы.

За несколько дней до нашего прихода на Червоное озеро произошло очень важное событие.

Однажды под вечер Меркуль и Бондарь отправились в деревню Скавшин. Шли, как и всегда, болотом. Вдруг из лесу показалась группа вооруженных людей, большая часть которых была в гражданской одежде. Было непохоже, что это фашисты. Те ходили больше по дорогам. Но полицейские уже появлялись кое-где и в глухих местах.

На всякий случай Бондарь с Меркулем решили притаиться за стогом. Недалеко от них пожилой бородач человек сгребал отаву. Они подозвали его к себе и попросили пойти узнать, что это за люди. Бородач, видно, был не из боязливых, взял баклажку и пошел к лесу, как будто за водой. Увидев, что он идет в их сторону, группа остановилась, и один невысокий грузный мужчина, перетянутый ремнями, вышел вперед и махнул ему рукой.

— Очень уж он похож на одного моего знакомого, — сказал Меркуль, — но ручаться не могу, лица нельзя хорошо разглядеть.

Неизвестные долго разговаривали с бородачом, потом, должно быть, выведав все, что им было нужно, отпустили его, а сами снова повернули в густой ельник.

Вернувшись к стогу, наш посланец рассказал, что люди эти из-под Пинска и спрашивали дорогу на Любань. В группе было около двадцати человек. Попытаться задержать их — опасно, могут открыть огонь, а упустить их тоже нельзя. Пришлось идти на риск.

Бондарь залег под стогом, а Меркуль через кустарник побежал наперерез незнакомцам.

Все обошлось как нельзя лучше. Не успел мужчина в ремнях дать команду к бою и выхватить пистолет, как Меркуль, который был уже совсем близко, окончательно узнал его и закричал:

— Корж, не стреляй!

Оказалось, это были пинские партизаны. Командовал ими бывалый и опытный человек Василий Захарович Корж. Меркуль знал его, а мы с Василием Захаровичем были старые знакомые. Встречались мы еще в первые дни коллективизации, некоторое время работали вместе на Старобинщине. Старый коммунист, опытный работник, Василий Захарович пользовался большим авторитетом в районе. Позже он был в Испании и в рядах бойцов республиканской армии боролся против испанских фашистов. Перед войной был на ответственной работе в Пинском обкоме партии.

Мы знали, что Корж оставлен на оккупированной территории. Еще в то время, когда Минский обком партии находился в Мозыре, мне довелось встретиться с товарищем Минченко и другими работниками Пинской области. Они коротко рассказали мне о пинском подполье и, в частности, о том, что Корж остается на Пинщине в качестве командира партизанского отряда. На одном из заседаний бюро обкома партии я говорил о товарище Корже и указал на необходимость наладить связь с ним, поэтому Бондарь, услышав знакомую фамилию, сразу догадался, что это за люди.

Встреча была радостной, дружеской. Оказалось, что отряд шел из-под Пинска. Корж узнал, что в районах Старых Дорог, Слуцка, Копыля, Красной Слободы, Любани, Октября, Старобина уже давно действуют партизанские отряды, что где-то в этих же местах находится Минский подпольный обком партии. Он тоже все время напоминал своим партизанам, что им нужна связь, и теперь решил временно присоединиться к минским отрядам, вместе воевать, развернуться как следует и тогда снова, если позволят условия, вернуться на Пинщину.

Появление Коржа на Старобинщине имело для нас большое значение. У нас были там смелые и инициативные партизаны, отважные люди, способные на самые героические дела, но им пока что недоставало опытного в партизанской войне командира. Таким мог стать Корж. Мы были уверены, что он сумеет придать более широкий размах партизанскому движению на

Разработка плана новой операции.

Старобинщине. Теперешние наши группы использовали главным образом тактику засад. Это было правильно: в первый период борьбы ничего лучшего и не придумаешь. Группы небольшие и пока что разрозненные.

Но пройдет месяц-другой, и назреет необходимость в разнообразной, многогранной партизанской тактике. Группы вырастут в отряды, некоторые из них объединятся. Потребуется координация действий, в особенности при проведении крупных операций. Вот здесь и станет на свое место Корж и блестяще справится со своей задачей, если бюро районного комитета КП(б)Б даст ему хороших помощников, умело использует опыт старого воина.

Так в обкоме был оценен факт прихода Коржа на Старобинщину. В письме Василию Захаровичу я намекнул на это, но не требовал, чтобы он сразу принял на себя командование старобинскими группами. Может быть, у человека свои планы, свои намерения? Но потом я подумал и другое: какие тут свои планы? План один, сталинский, — громить врага!

Червонное озеро интересовало нас и тем, что находилось на стыке нескольких районов. Отсюда удобнее было связаться с соседними районами: Житковичским, Копаткевичским, Петриковским и Ленинским. Правда, они были не нашей области, но это не имело значения для партизанской борьбы. Нас очень интересовали Минск, Бобруйск, Осиповичи, Слуцк, доступ к ним был через Любань. Кроме того, принималось во внимание еще одно обстоятельство: нам стало известно, что недалеко от озера, в деревне Рог, находится группа раненых бойцов Советской Армии. Некоторые из них уже подлечились, но не имели определенного, правильного плана действий.

Нам же их помощь очень пригодилась бы. Твердо надеясь на них и на актив червонноозерцев, мы, отправляясь на озеро, отказались от предложения Меркуля взять с собой нескольких бойцов из отряда. Был полный смысл иметь при обкоме хоть небольшую, но по-настоящему боевую, оперативную группу. Действия наши с каждым днем расширялись и усложнялись. Нужны

были люди для связи с остальными группами, отрядами, с городами, районными центрами и для многих других целей.

Прибыв на озеро, я вызвал начальника местного почтового отделения коммуниста Якова Бердниковича, которого я и многие мои товарищи знали до войны. Он немедленно явился. Из беседы выяснилось, что здесь имеется, по крайней мере, полтора десятка человек, которые уже действуют как партизаны, и большое количество людей, готовых хоть сегодня вступить в отряд. Мы поручили Бердниковичу связаться с ними, а сами занялись устройством своего нового жилья.

Многое изменилось на озере с того времени, когда я бывал здесь на мелиоративных работах. Как приятно бывает встретить после нескольких лет разлуки знакомого человека и увидеть, что он мало изменился, узнать в нем дорогие, знакомые черты. Но здесь было иначе. Я долго ходил у берега, выбирая место для размещения подпольного обкома. Мне хотелось увидеть те уголки, где я когда-то отдыхал после долгих скитаний по участкам мелиоративных работ. Почти ничего из того, что так ярко запечатлелось в моей памяти, я не нашел здесь. Даже лес, который так красиво раскинулся возле озера, и тот казался иным.

Под одним из деревьев мы облюбовали уютное местечко. Шофер Войтик занялся устройством шалаша, а мы вчетвером начали обсуждать план наших дальнейших действий. Ощущалась настойчивая необходимость укрепить связь с остальными районами. Удивляло и беспокоило то, что вот уже несколько дней не было известий из Любани. Туда я намеревался послать Войтика, в Краснослободский район — Бородича. В Копыльском, Гресском, Руденском и смежных с нами полесских районах необходимо было побывать самим, помочь местным коммунистам развернуть подпольную работу и усилить борьбу партизан. О них уже немало было разговоров среди населения. В Краснослободском районе руководил действиями партизан секретарь райкома партии Жуковский; в Копыльском — инструктор райкома пар-

тии Жижик; в Гресском — заведующий военным отделом райкома Заяц; в Стародорожском — Петрушеня, в Руденском — Покровский; Яраш, Ходоркевич — в Борисовском; Манкович — в Бегомльском; Романенко, Плоткин, Кузнецов — в Червенском; Марков — в Смолевичском; Ясенович — в Плещеничском. Надо было шире развернуть работу партийных и комсомольских организаций, подобрать необходимые кадры и везде создать подпольные райкомы. Это была нелегкая задача. Большая часть партийных работников ушла на фронт, некоторые эвакуировались. Надо было находить новых людей, воспитывать их, втягивать в работу.

Мачульский, Бондарь и Бельский с наступлением ночи отправились в Красную Слободу, Копыль, Гресск, Слуцк, а мне предстояло связаться с полесскими районами. Мы считали также, что Мачульскому и Варвашене надо будет попробовать добраться до Минска, побывать в Борисове, Плещеницах для расширения подпольной партийно-политической работы и усиления борьбы с оккупантами.

На следующий день пришел ко мне Бердникович, и мы с ним отправились в деревню Рог. Мне любопытно было посмотреть, что там за бойцы, о которых здесь много говорили. Бердникович по дороге обрисовал их не очень привлекательными красками, но мне почему-то не верилось, что они действительно такие беззаботные люди.

Деревня Рог немного напоминала мне Красный Берег. Такая же она по величине, с такими же хатами. Только болот кругом значительно меньше, да грунтовые дороги проходят не так далеко, как в районе Красного Берега. На улице было безлюдно. Одна женщина вышла со двора с пустым ведром, сделала шагов пять нам навстречу, потом, блеснув глазами, быстро побежала назад. Вскоре вышел парень в военной гимнастерке и уставился на нас пытливым взглядом.

— Что, не узнал? — насмешливо спросил Бердникович. — Не бойся, люди свои.

— Вас-то я узнал, — холодно ответил парень и не двинулся с места.

— Из тех самых? — тихо спросил я, когда мы немного отошли.

— Из них, — ответил Бердникович, — самый главный их авторитет.

— Фашистов еще не было здесь?

Бердникович оглянулся по сторонам.

— Нет, фашисты еще не заглядывали, а вот житковичские полицейские, — не скрывая тревоги, сказал он, — повадились, уже несколько раз были. Все этих ребят выслеживают. Недавно нашли одного, еще совсем больного, с тяжелой раной в груди. Вытащили из каморки, взвалили на телегу и повезли, должно быть, в свой участок. А женщину, которая прятала парня, избили до полусмерти.

Мы зашли в небольшую хату в конце деревни. Встретила нас молодая хозяйка, в белом платке, смуглая, с бойкими карими глазами. Бердниковичу она сдержанно кивнула головой, а на меня посмотрела долгим испытующим взглядом.

— Свои, — сказал Бердникович. — Принимай гостей, Наталья.

Он, видимо на правах довольно близкого человека в этом доме, пригласил меня сесть, не ожидая, пока это сделает хозяйка, потом присел у стола сам. Наталья все бросала на меня короткие пытливые взгляды.

— А где же твоя старуха? — обратился к ней Бердникович.

— А там где-то, на огороде, — быстро ответила Наталья, — с картошкой мы еще не управились. Может, позвать?

— Нет, не надо, пусть себе копается. А молодой твой где?

Женщина вспыхнула:

— Какой молодой?

— Ну, тот самый, с зелеными петлицами.

— Какой же он мой? — вдруг повысила голос Наталья, — Какой же он мой?!

И, обращаясь уже ко мне, с жаром продолжала:

— Человек кровью истекал, пуля плечо насквозь пробила, ну подобрала я, выходила... Так разве ж

это мой? Поправился, встал на ноги и пускай себе идет, куда надо... Я давно ему говорю, чтобы шел к своим, на фронт. И он пойдет, вот только пусть еще один их товарищ поправится.

— Хорошо, хорошо, — успокоил ее Бердникович. — Никто тебе ничего плохого не говорит, иди передай ему, чтобы позвал сюда этих военных. Скажи, что командир партизанского отряда приехал и хочет с ними поговорить.

— Сейчас, — ответила женщина и выбежала из хаты.

— Боевая, — заметил вслед ей Бердникович. — Сама хочет идти в партизаны, да свекровь не с кем оставить. Муж в армию ушел еще в тридцать девятом. Она живо их соберет. Ее слушаются, а меня, черти, должно быть, намеренно избегают.

И военные в самом деле скоро явились. Они пришли все сразу, под командой того самого парня, как теперь выяснилось — сержанта, который встретился нам на улице. Сержант в полной военной форме, туго подпоясанный солдатским ремнем, оставив своих товарищей в сенях, попросил разрешения войти, прищелкнул каблуками и доложил, что команда в сборе, за исключением одного бойца, который еще не может ходить. После этого он назвался — Иван Петренко.

Зашли все в хату. Наталья быстро разместила их и сама присела у печки.

— Ну что ж, ребята, — обратился я к бойцам, — подлечились, набрались сил?

— Подлечились, товарищ... — поднявшись, начал сержант и запнулся.

— Что, не знаешь, как дальше, с кем имеешь дело? Для того и встретились, чтобы познакомиться.

И тут вдруг заговорила Наталья. Она даже покраснела от волнения, вскочила с места.

— Я ж тебе говорила, кто это, я ж тебе говорила!.. И что он сомневается, если ему правду говорят?.. Ну, что это за человек такой упрямый?

Наталья сделала шаг ко мне:

— Я вас узнала, товарищ Козлов. Как только в хату зашли, так и узнала, да не решилась сказать.

В прошлом году было совещание в Минске, — всех колхозных передовиков вызывали. Видела я вас там и слышала, как вы выступали.

— Да кто же сомневается? — переступая с ноги на ногу, оправдывался сержант. — Все ясно, и нечего сомневаться, я просто слова нужного не нашел... А если бы сомневался, не привел бы ребят. Слушаем вас, товарищ командир.

— Оружие у вас есть? — спросил я.

— Есть.

— В порядке?

— В полном порядке, — ответил сержант.

— Пора приниматься за дело, ребята, — уже тоном приказа сказал я. — Будете помогать нашим партизанским отрядам. Вы, сержант, назначаетесь старшим группы.

— Есть, — козырнул сержант, и голос его дрогнул. — Мы уже давно, товарищ командир, хотели вернуться к оружию, да, по правде сказать, не знали, куда податься, с чего начинать. Оторвались немного мы...

Было назначено место и время сбора. Бердникович отправился уведомить своих. На обратном пути на улице я подозвал сержанта Петренко и показал ему фашистскую листовку, которую только что принесла мне Наталья. В листовке было напечатано, что гитлеровская армия подошла уже к самой Москве, что через месяц-два большевики капитулируют и во всей России будет установлен лучший в мире «новый порядок».

— Это вы видели? — спросил я.

— Видели, — покраснев, ответил сержант. — Прошлой ночью кто-то подбросил.

— Вот то-то и оно, что прошлой ночью. Фашистский прихвостень, агент гестапо у вас под носом листовки разбрасывает, а вы тут погуливаете... Пора бы вам знать, что пустых мест теперь не бывает и не может быть: если не мы, так враг.

И, отведя парня в сторону, я приказал:

— Сейчас же пошлите своих бойцов по всем соседним деревням, чтобы собрали и уничтожили враже-

ские фальшивки. Пусть переоденутся, если боятся итти в форме. Расклейте везде вот эти наши листовки.

Я дал сержанту экземпляров пятьдесят листовки, недавно выпущенной подпольным обкомом партии. В ней указывалось, что наши войска ведут беспощадную борьбу с врагом, отстаивая каждую пядь советской земли, а гитлеровцы несут большие потери в живой силе и технике, что в тылу разгорается пламя партизанской борьбы и сотни тысяч патриотов Белоруссии поднялись на всенародную битву с ненавистными фашистскими поработителями. Листовка призвала население не верить фашистской лжи и активно участвовать во всенародной борьбе с врагом.

Через несколько дней в наш лагерь пришел связанной от Меркуля. Это был счетовод Старобинской МТС Степан Петрович, которого я знал еще с того времени, когда работал там директором МТС. Он явился с донесением штаба отряда о проведенных операциях. Петрович так и доложил: «Пришел с донесением штаба».

— Что ж, давай сюда.

— Вот я сейчас все расскажу.

— А письменно?

— Ничего не писали, Василий Иванович, остерегались фашистов. По району рыскают отряды эсэсовцев, — наши засады встревожили оккупантов. Я и так все помню, все до мелочей, — был же там, своими глазами видел.

И Петрович начал рассказывать. Голос его звучал молодо и даже торжественно, когда он говорил об успехах партизан, глаза искрились радостью. Наиболее меткие слова он подкреплял выразительными жестами, и доклад получился очень волнующим. Все пережитое так глубоко запало ему в душу, что он чувствовал внутреннюю потребность поделиться с кем-нибудь своими новостями. На загорелом, уже далеко не молодом лице Петровича часто появлялась веселая усмешка.

— Вчера мы загнали в болото один фашистский эскадрон, — рассказывал он. — Было это между Су-

хой Милей и Листопадовичами. Наша разведка донесла, что каратели едут в Листопадовичи. Ну, известно, зачем едут. Дня два тому назад они побывали в Пруссах, Чепелях, Погосте, Чапличах, Зажевичах. Мы уже знали про их зверские расправы. Выгоняли они там на улицу мужчин, ставили их в ряд, потом выводили каждого десятого и расстреливали. Это за то, что эти люди будто бы были связаны с партизанами.

По дороге в Листопадовичи есть в одном месте гать. По обеим сторонам гати густой кустарник, болото вязкое, почти непролазное. Да еще перед этим дождь прошел, так оно совсем в трясину превратилось, вода так сверху и блестит. Меркуль решил замаскировать засады в обоих концах гати. Я был в передней засаде. Мы взяли ручной пулемет, человек семь автоматчиков и нескольких бойцов с винтовками. Командиром у нас был Никита Бондаровец. В другой засаде тоже был ручной пулемет и штуки четыре автоматов. Семь партизан были вооружены винтовками. Второй засадой командовал Федор Ширин.

Сидим, ждем. Подъезжает головная группа — пропускаем ее. Подъезжают остальные — тоже пропускаем, даем им взойти на гать. И только последняя пара всадников отъехала от нас шагов на пятьдесят, Ширин вдруг как ударит из пулемета. Автоматчики были расположены довольно далеко друг от друга, били метко, короткими очередями, пулемет стучал из болота глухо и грозно, звуки двоились. Создавалось впечатление, что здесь залегли большие силы. Несколько вражеских солдат упало, перепуганные кони рванулись назад, в стороны, сбивая с ног пешех. Ринулись фашисты назад, а тут встретили их мы. И пошло!.. Ширин косит их с одной стороны, мы — с другой. Что делалось, Василий Иванович, если б вы видели! Сбились они в кучу, дико кричат, падают на землю. Прыгают фрицы в болото и там вязнут. А мы поливаем, а мы поливаем!.. Меркуль приказал патроны не жалеть, уничтожить весь эскадрон и за счет трофеев пополнить свои боеприпасы.

Так и сделали. Не оставили на гати ни одного живого врага. Многие, конечно, бросились в болото, толь-

ко это их не спасло. Мы разместились так, что куда бы они ни кинулись, всюду попадали под обстрел. Мы истребляли их, как бешеных волков!..

Было радостно слышать, что старобинцы применяли правильную тактику партизанской борьбы: не окапывались на одном месте, не засиживались где-нибудь в глуши, а все время маневрировали, переходили с места на место, внезапно появлялись там, где противник их не ожидал, делали засады, налеты, а потом исчезали, чтобы нанести удар в новом месте.

Я поручил Петровичу передать отряду Меркуля благодарность областного комитета партии и директивы, связанные с дальнейшей деятельностью отряда. Старобинцам следовало смелее втягивать население в партизанскую борьбу, расширять сеть связных, заслать своих людей в Старобинский и Погостский фашистские гарнизоны, как можно скорее установить непосредственную боевую связь с соседними районами.

От основного Старобинского отряда нам нужно было иметь связного. Петрович, пожалуй, как нельзя лучше подходил для этого.

— Пойдешь в отряд, — сказал я ему, — доложишь обо всем и снова вернешься сюда. Скажи Меркулю, что ты останешься при обкоме партии.

— Есть, — с довольным видом козырнул Петрович, но с места не сдвинулся.

— Что, боишься итти среди белого дня?

— Нет, не боюсь, — переминаясь с ноги на ногу, ответил Петрович. — Тут у меня еще одно дело есть. Товарищ Меркуль приказал доставить вам вот это... Сказал — доставить во что бы то ни стало и отдать вам лично. Эту вещь принес для вас один человек из Чижевич. Помните, с кем вы однажды встретились на болоте у Крушников?

— Федор Вишневский?

— Да, он.

— Так я ведь у него ничего не просил, мы и разговаривали всего минуты три, я торопился тогда на собрание подпольной группы.

— Это ничего, что мало разговаривали, а он

все-таки заметил, в чем вы нуждаетесь, — вы тогда были в лаптях, и то в рваных. Вот в чем ваша нужда.

И Петрович вытащил из мешка сапоги, добротные юфтевые сапоги на твердой подошве, с высокими, как у охотника, голенищами.

— Сам для вас сшил, — продолжал Петрович, — а потом несколько суток плутал по полесским деревням, пока не нашел, через кого можно передать вам этот подарок. Нашел Меркуля.

— А сам Меркуль и теперь в рваных сапогах ходит?

— Нет, он уже прибулся немного и приделся. Сапоги ему пошили в Крушниках, достал где-то папаху, плащ, черные усики отпустил и теперь даже на Чапаева немного смахивает.

Федора Вишневого я знал мало. Встречались когда-то. С кем не приходилось встречаться за многие годы работы в районе! И вот человеку захотелось помочь мне в тяжелую минуту. Я понимал, что он не только меня имеет в виду. Этим он хочет помочь всем нашим партизанам. Я поручил Петровичу обязательно связаться с Вишневым и передать ему мою сердечную благодарность.

Позднее Старобинский райком партии организовал в деревне Чижевичи крепкую патриотическую группу. Федор Вишневский был одним из самых активных членов этой группы.

IX

Бердникович привел на Червонное озеро свою партизанскую группу. Пришли и те военные, с которыми недавно я беседовал в деревне Рог. Их привел сержант Петренко. Люди сразу перешли на лагерное положение. Дня три они копались в земле, таскали откуда-то доски, бревна — делали землянку. Шофер Войтик, как партизан с солидным стажем, был, видно, не против взять на себя функции прораба, но скоро выяснилось, что эти ребята народ довольно опытный и не нуждаются в консультантах.

— Бери-ка лопату, — сказал Петренко, когда Войтик, стоя в стороне, попробовал давать ему свои советы.

— Я уже копал, — с независимым видом ответил шофер, — поройся теперь ты.

— Ну, так и не командуй!

Назрела необходимость заняться Житковичским и Копаткевичским районами. Не очень хорошие известия доходили оттуда. «Полицаев» там много, а коммунистов что-то не слышно. Было ясно, что если мы не организуем широкого большевистского подполья, эти районы могут стать гнездом шпионов, диверсантов, опорными пунктами врага в его борьбе против партизан. Фашистам было удобно наступать отсюда на Старобинский, Любанский, Домановичский, Октябрьский, Петриковский, Ленинский и другие районы.

Я послал в Житковичский район председателя колхоза Ивана Рогалевича с группой партизан, а в Копаткевичи — Якова Бердниковича. И у того и у другого было там немало родственников, хороших знакомых. С их помощью легче было узнать обстановку в районах. Необходимо было как можно скорее связаться с местными коммунистами и выяснить, что они делают для развертывания партизанского движения и какая требуется им помощь. Нам было известно, что в Житковичах должны были остаться районные работники: Игнат Доваль, Игнат Дербан, Владимир Глушня и Петро Савицкий. В Копаткевичах — Михайловский, Жигарь и другие. Где они теперь, что делают и что собираются делать? Знать это было очень важно для нас, потому что если сейчас упустишь один час, потом месяцами нельзя будет наверстать упущенное.

В лагере остались военные и несколько местных жителей. Партизаны добросовестно несли охранную службу, поддерживали суровую дисциплину, но я заметил, что в деревню Рог наши военные все-таки наведывались. Это было небезопасно, так как в результате этих хождений лагерь подпольного обкома мог быть быстро рассекречен. А ведь нам необходимо было пробыть здесь еще, по крайней мере, недели три, хотя бы до тех пор, пока придут люди из Крас-

нослободского, Копыльского, Стародорожского и Греского районов, пока получим точные сведения из Полесья и создадим сильные боевые отряды и группы. Я сказал сержанту об этом, но он начал уверять меня, что ни один из его товарищей в деревне Рог не был и нашей стоянки не рассекретил.

Через несколько дней ему пришлось пойти на неприятную. Должно быть, товарищи прижали его так, что он снова пришел ко мне. Долго мялся, краснел, заговаривал на всякие посторонние темы, а потом несмело заявил:

— Та наша хозяйка, что вас тогда узнала, Наталья... Помните?

— Ну, помню, так что?

— Так вот, эта самая Наталья просит, чтобы ей разрешили в наш отряд прийти.

— Почему она ваша хозяйка, если у нее квартировал только один из ваших?

— Это правда, что один, но мы больше всего там собирались, в ее хате. Наталья для нас самый близкий человек.

— Откуда же вам известно, что она хочет идти в отряд?

Петренко еще больше покраснел, а потом признался:

— Был там один из наших. Как-то мимоходом завернул, минуты на три, не больше. А насчет военной или другой какой-нибудь тайны, так вы не подумайте плохого, товарищ командир. Ребята у нас службу знают, не подведут.

— Службу знают, а самовольно в деревню ходят?

— Разве это самовольно? — оправдывался сержант. — Я ж говорю, — по дороге человек зашел воды напиться: зашел и сразу же вышел.

— Ну, это ты своей бабушке расскажи! — вдруг вмешался в разговор Войтик. И завязалась между ними перепалка. Они часто спорили между собой, но до серьезной ссоры у них не доходило ни разу.

Спустя некоторое время Наталья стала нашей связной и часто приходила в лагерь.

Со дня на день я ожидал, что к нам придет кто-

нибудь из любанцев, но время шло, а никто почему-то не появлялся. Я приказал Войтику связаться с ними. Пусть узнает, в чем дело, почему люди уже около двух недель молчат? Ходят слухи по Полесью: любанские, октябрьские партизаны в одном месте мост взорвали, в другом фашистский склад сожгли, гитлеровцев побили. Официальных же донесений в обком за последнее время не поступало.

Войтик вскоре отправился в путь, но часа через два вернулся. Было уже темно.

— В чем дело? — удивился я, увидев его. — Заблудился?

— Нет, я дорогу знаю.

— Боишься итти ночью?

— Не боюсь, да незачем итти, раз к нам люди пришли. Мы встретились по дороге.

Часовые привели в землянку двух человек. Это были Варвашеня и Горбачев.

Я обрадовался им, как родным братьям. Становилось холодно. Осень дышала на Червонное озеро, и что ни день, то сильнее. Сначала пожелтел вокруг ольшаник и березняк. От легкого ветерка осыпались листья, которые падали на берег, и на черных торфяных полянах образовывали яркие прихотливые узоры. Молодые дубки стояли еще зеленые, но листья их с каждым днем теряли свою свежесть. Только ивняк упорно не поддавался осени и зеленел попрежнему. Казалось, что он охраняет озеро от холодов: у самой воды повесенному зеленела трава, на кочках, которые под осень заметно осели, до верхушек погрузившись в воду, кустилась еще сочная трава.

Мы зашли в землянку, которую с таким же успехом можно было назвать и шалашом, так как она только наполовину была в земле. Разместились кто на чем попало. При свете коптилки я попробовал разглядеть своих товарищей. Варвашеня был все такой же, как и прежде, бодрый и энергичный. Он весело улыбался, как улыбается человек, вполне довольный своей судьбой и всем окружающим. Горбачев отпустил светлую, аккуратно подстриженную бородку; пучок усов, более темных, чем бородка, словно приклеенный,

торчал на верхней губе. Я понимал, для чего ему все это понадобилось. Он долгое время работал в одних и тех же районах, здесь его все хорошо знали, а в наших условиях это не очень удобно. Я тоже начал отращивать себе усы.

Мы долго разговаривали о любанских, краснослободских, слущких делах. Горбачев рассказал, с какой радостью население Любанщины встретило известие о присвоении Бумажкову и Павловскому звания Героев Советского Союза, о награждении секретаря Краснослободского райкома партии товарища Жуковского орденом Ленина за героическую и умелую борьбу с врагом. Это было большой радостью для всех нас. Подсев ближе к огню, Горбачев достал из-под распортой подкладки своей поддевки газету «Правда» от 18 августа 1941 года.

— Весь мир теперь знает о наших героях, — с гордостью сказал он. — В первые дни они воевали вместе с нашими регулярными частями против гитлеровцев, и про все их операции командование фронта доложило Верховному Главнокомандующему товарищу Сталину. Вот и статью Бумажкова нам удалось достать.

— Прочитайте! — еле сдерживая радостное волнение, попросил Войтик.

Горбачев поправил фитилек в коптилке и начал читать.

— «Наш партизанский отряд, — писал Бумажков, — был создан в первые дни войны. Сначала он насчитывал только восемьдесят человек. Среди них были представители партийного, комсомольского, советского и колхозного актива, они и составили ядро отряда. Командиром назначили меня, а помощниками товарищей Федора Павловского, Чередника и Царенкова. Разделившись на взводы и отделения, мы приступили к военным занятиям: научились маскироваться, мастерству владеть оружием, пользоваться топографической картой, компасом. Приобрели мы и необходимые знания саперного дела. Достали аммонал, заминировали мосты, вырыли окопы. Сотни бутылок с горючим держали наготове. Партизаны обошли все деревни, подобрали себе везде доверенных людей,

договорились с ними о явочных квартирах, местах сбора, партизанском пароле. В местах, недоступных врагу, были спрятаны запасы оружия, боеприпасов.

В один из июльских дней на территории нашего района появились фашистские танки. Они собирались форсировать реку, чтобы овладеть районным центром. Вот тут и началась наша боевая работа. Дождавшись удобного момента, партизаны взорвали мост и встретили врага шквалом меткого огня из пулеметов и винтовок. Гранаты полетели под гусеницы танков. Пригодились и заготовленные бутылки с горючим. Переправа гитлеровцев через реку была сорвана: пятнадцать вражеских танков и столько же бронемашин вышли из строя.

Не раз пробовал враг форсировать реку. Везде его отбивали партизаны. Наши оборонительные сооружения сыграли важную роль: партизаны поражали фашистов из окопов, из укрытий, из ям. Враг нес огромные потери. Каждый рубеж — река, овраг, роща — стал настоящей крепостью, даже мирное с виду поле превращалось в опасную ловушку для врага. Несколько дней мы сдерживали натиск гитлеровцев. Люди совершали героические подвиги, не думая об опасности. Вскоре Советская Армия выбила фашистов из района. Отряд двинулся вперед и пробрался во вражеский тыл. Мы добывали ценные сведения о противнике, портили железнодорожные пути, захватывали обозы с боеприпасами и продовольствием. Группа партизан во главе с товарищем Павловским в глубоком тылу врага подорвала четыре железнодорожных моста. Возвращаясь в свой лагерь, партизаны выследили и атаковали штаб фашистской части. Уничтожив личный состав, смельчак захватил важные документы, которые были переданы потом Советской Армии».

Горбачев на минуту остановился, окинул нас взглядом.

— Смелая работа! — широко улыбаясь, заметил Варвашеня.

Горбачев продолжал читать:

— «В тылу врага наш отряд имел более десятка боевых стычек, — писал дальше Бумажков. — Мы

уничтожили десять фашистских бронемашин и танков, свыше пятидесяти мотоциклистов и захватили большое количество боеприпасов.

Партизанский лагерь находится в глухом лесу, в котором нетрудно заблудиться даже старожилам. Как правило, в лагере находятся только те, кто охраняет боеприпасы, оружие и продовольствие, а также раненые и больные. Весь партизанский отряд никогда не должен оставаться на одном месте. Фашистские бандиты сбились с ног, стараясь выследить наш отряд.

Как мать заботится о своих детях, так заботится о нас все население.

Наш партизанский отряд хорошо связан с регулярными частями Советской Армии, которые оперируют на фронте и в глубоком тылу врага. Несколько раз партизаны действовали совместно с воинскими подразделениями, участвовали в разгроме фашистских отрядов.

Ключом бьет в отряде партийно-политическая работа. Секретарь партийной организации Ушаков, секретарь комсомольской организации Катарский направляют коммунистов и комсомольцев на решение наиболее ответственных боевых задач, стоящих перед отрядом.

Среди нас есть коммунисты, чей боевой опыт уже отмечен высокими правительственными наградами: Герой Советского Союза Павловский, награжденные орденом Красного Знамени Царенков, Махоньков и другие передовые люди отряда.

Вместе с мужчинами борются отважные девушки: Надя Жуковская, Катя Сумаковская и Фекла Гуленка. Как сестры, девушки заботятся о партизанах. Они ухаживают за ранеными, систематически ведут разведку во всех направлениях. А если надо — берут винтовки и вместе с нами идут в бой.

Жестокая борьба с врагом в его тылу закалила людей. Ничем не примечательные в мирное время колхозники Бурьяш, Офик, Юковский, Ковалев, подростки комсомольцы Жуковец, Громыко, Миронович и десятки других стали на поле битвы народными бога-

тырями, прославляющими боевыми подвигами свою великую советскую родину.

Наш отряд — один из многих тысяч белорусских партизанских отрядов. По всей Белоруссии бушует пламя партизанской войны.

Мы знаем: за нашей борьбой с вниманием и любовью следит великий Сталин, весь советский народ. Это удесят�еряет наши силы. Обезумевшим гитлеровским бандам не сломить нашего народа и его боевого духа. И не уйти фашистам от народной мести. Они найдут себе могилы на той земле, которую они пытаются поработить».

— Теперь и нам будет легче, — оживленно заговорил Варвашеня. — Люди верят в силу партизанскую и видят, как высоко ценит наше правительство партизанские подвиги. Только вот неизвестно, — лицо его сразу приняло немного озабоченный вид, — зачем Бумажкова отозвали из района. В Октябрьском районе остался, по существу, один Павловский.

— Там еще Махоньков, Байрац, Царенков, — заметил Горбачев. — Поможем им по-соседски. Луферов даже рад будет. Тем более, что силы наши растут: к нам прибыл Савелий Константинович Ляшеня, бывший работник Лидского горкома партии, родом из деревни Живунь. Эта деревня граничит с Октябрьским районом. И он очень хорошо знает Октябрьский район. Привет вам передавал. С ним еще два человека, только я их пока что не знаю. Там же по соседству с нами появился товарищ Храпко с Мозырской истребительной группой. Это работник Полесского областного земельного отдела. У него в группе уже много и местных жителей. В отряде крепкая партийная организация. Во многих местах Октябрьского и Глусского районов храпковцы сумели поставить своих людей бургомистрами, наладили связь с Бобруйском и там достают оружие, боеприпасы. Уже не раз били врагов. Недавно возле деревни Козловичи Глусского района напали на вражескую колонну, разогнали ее, убили девятнадцать фашистов. В совхозе Холопеничи этого же района забрали с винного завода большие запасы хлеба, завезенные туда немцами, хлеб роздали населению.

— А как с теми районами? — обратился я к Варвашене, и он сразу понял, о чем я спрашиваю.

— В Старых Дорогах я уже был, — докладывал Варвашеня, — а Брагин пошел в Осиповичи, еще не вернулся пока что. В Старых Дорогах дело пойдет. Там удалось связаться с Петрушеней, крепкий человек, большим авторитетом пользуется среди населения. Да и стародорожские колхозники помнят старые славные традиции еще со времен гражданской войны, когда они боролись в партизанских отрядах.

— Петрушеня — это заместитель председателя райисполкома?

— Да. У него уже есть группа, и хорошо вооруженная. Пожалуй, можно будет утвердить его секретарем подпольного райкома партии. Осталось в районе и еще несколько коммунистов. Часть из них удалось собрать. Познакомил их с постановлениями бюро ЦК и обкома о задачах партийных организаций по развертыванию партизанского движения, с директивой насчет колхозного добра: ни одного грамма не дать врагу.

— С этим у нас не везде благополучно, — глубоко вздохнув, сказал Горбачев.

— Почему же?

— Да дело в том, что у некоторых колхозников не поднимается рука, когда приходится уничтожать колхозное добро. Не хотят они и разбирать имущество по домам. Иной раз никакие убеждения не помогают. Приходит к нам недавно из Заболотья Жулега, — вы, Василий Иванович, должны его знать, — и вот что рассказывает. Вскоре после того, как вы там побывали, заболотские коммунисты решили любыми средствами спасти колхозное имущество. Что можно было спрятать — спрятали, а остальное добро, в том числе и скотину, решили раздать во временное пользование колхозникам. Созвали общее собрание, объявили об этом. И что вы думаете: поднялась такая завихруха на собрании, что едва уняли народ. «Не может этого быть! — кричат колхозники. — Никто не позволит растаскивать колхозы, как это можно?» Встал председатель колхоза Пакуш, авторитетный у них человек.

«Вы что ж, — говорит, — и мне не верите? Я, кажется, никогда вас не подводил. Надо спасти имущество от оккупантов, ничего не дать врагу. Вы ведь знаете, что сказал об этом товарищ Сталин? Не удастся сберечь— уничтожим, лишь бы не досталось врагу. Колхоз же останется, и мы такими же колхозниками останемся, только условия временно изменились, война идет не на жизнь, а на смерть, и врага мы должны уничтожить». — «А почему бы скотину в лес не загнать? — задает кто-то вопрос. — Построить навесы да перебиться до зимы, а там, бог даст, и наши придут».

Попробуйте что-нибудь возразить против этого! Скажите, что война кончится не скоро, — глаза люди выцарапают, с собрания прогонят. Да и самим, по правде говоря, не хочется верить, что война так уж затянется. Так вот, решили на собрании прятать до зимы скотину в лесу—и прячут. Насчет недвижимого имущества, зерна, овощей, фруктов и других запасов спорили долго и, может, решили бы раздать людям под расписку, если бы не какой-то там их старый огородник Апанас Морозов. Как начал бушевать, как уперся, так хоть ты с ним что хочешь делай! «Где, — говорит, — в каком законе написано, чтоб можно было колхозное добро разбирать? По трудодням, кому полагается, другое дело, это я понимаю, а без трудодней — не может быть, этого я не понимаю и никого слушать не хочу. Покажите мне, — говорит, — такой закон».

Я вспомнил старого Апанаса. Человек с таким характером и в самом деле мог пойти против всего собрания.

— Упрямый старик, — взглянув на меня, сказал Варвашеня.

— И вот настаивает на своем, — подхватил Горбачев. — Насолил бочки огурцов, яблок, груш намочил, попрятал все это по погребам. «Придут, — говорит, — наши, тогда видно будет, что с этим добром делать».

— Ну что ж, пусть старик прячет добро от врага, — заметил я. — Пусть колхозники и скотину в лес гонят, пусть даже, в крайнем случае, уничтожают ее.

Тут важно одно: враг ничем не должен поживиться. Из этого и исходит решение обкома. В этом направлении мы и должны проводить массово-политическую работу.

— А вот у Трутикова, — Варвашеня тронул Горбачева за локоть, — там, по-моему, все правильно организовано.

— У кого? — переспросил Горбачев.

— Ну, в Озерном, у председателя колхоза Трутикова. У него все лучшие лошади и почти вся скотина эвакуирована в советский тыл. Урожай весь убрали и спрятали имущество тоже в надежном месте. Идешь по деревне — пусто, как метлою подметено. Сунется оккупант в деревню и сразу нос воротит — нигде ничего нет.

Горбачев одобрительно кивнул головой:

— Не был там еще, но верю. Таких у нас в районе много, как этот Трутиков. И старый уже, под шестьдесят, а работник незаменимый, хороший председатель.

Вскоре Горбачев стал собираться в дорогу.

— Не могу, не имею времени, — повторял он, когда Варвашеня предложил ему остаться до завтра, чтобы потом идти вместе.

— Там столько работы в районе, день и ночь делай — не переделаешь.

— А как там наш первый знакомый? — спросил я.

— Кто, Ермакович?

— Да, ваш земляк.

— Летает по району, как вихрь, — махнул рукой Горбачев. — Ни одного часа на месте не сидит. Ни одного часа! Вместе с Пашуном они там задают жару фашистам. Гоняются гитлеровцы, рыскают за ними, а заодно и за нами. Плохо только, что эти наши ребята единоличники какие-то, никак не найдут настоящего пути. Отгородились от всех и варятся в собственном соку вот уже третий месяц: сами к людям не ходят и к себе никого не пускают. На этих днях думаем вызвать их на бюро райкома. Ну, бывайте, товарищи, — снова заторопился Горбачев. — Скоро опять буду здесь. Ноги у меня длинные, дороги знакомые.

— А ты не очень увлекайся знакомыми дорогами, — с добродушной усмешкой посоветовал ему Варвашеня. — Гладкая дорога всем доступна, и добрым людям и врагам.

— Не беспокойтесь за меня, — по-военному выпрямив плечи, ответил Горбачев. — Я не попадусь.

И вдруг он повернулся ко мне, а потом укоризненно кивнул головой Варвашене:

— Вот как иной раз получается: шли с докладом, а не о всем важном сказали. Чуть-чуть не забыл: у нас теперь своя типография. Любанскую районную типографию перетащили в лес, почти со всем оборудованием. Тут группа Далидовича сильно помогла. Теперь можно не только листовки печатные выпускать, но даже газеты. Вот только бумагу еще достать. Но и тут у нас есть свои планы. Бывайте, товарищи!

Он козырнул, молодежато повернулся и вышел.

— Деловой парень, — заметил вслед ему Варвашеня. — Только горяч немного, все время придерживать надо.

— Ну, они там с Луферовым поладят, — ответил я: — один горячеват, другой холодноват — поделятся.

Мы составили обращение обкома к населению Минской области и поручили Варвашене напечатать его в любанской подпольной типографии.

«Нельзя ждать ни минуты, — говорилось в обращении. — Необходимо начинать действовать сейчас же, быстро и решительно. Для уничтожения врага используйте любые средства: душийте, рубите, жгите фашистскую гадину.

Пусть почувствует враг, как горит под ним наша земля.

Действуйте смело, решительно, победа будет за нами. Нет такой силы, которая могла бы покорить советский народ!»

Вошел часовой и доложил, что задержаны трое неизвестных людей. Я вышел. Сержант Петренко доложил, что задержанные находятся далеко от лагеря, чуть ли не возле самой деревни Рог.

«Так возле Рога и вертятся бойцы, — подумалось мне, — тянет их туда, как магнитом».

Но то, что они выставляют посты далеко от лагеря, было похвально.

— Задержанные просят, чтобы вы сами туда пришли, — сообщил сержант. — Какой будет приказ?

Мы отправились к деревне. В густом ельнике нас окликнули. Сержант отозвался.

— Это вы, Василий Иванович? — послышался тихий голос, когда мы подошли ближе. Я узнал Степана Петровича. Он отделился от толстой ели с низко свисающими ветвями, под которой стоял, и подошел к нам.

— Кто еще с тобой? — спросил я.

— А вот, — он показал на двух человек, которые сидели под этой же елью, прислонившись головами к стволу. — Устали очень, как сели, так сразу и уснули. Я не знаю их фамилий. Меркуль приказал провести, а мне как раз по дороге.

Ночь была темная; я наклонился и с трудом узнал Бондаря и Бельского.

— А Мачульский где? — вырвалось у меня, хоть Петрович, понятно, ничего не мог знать о Мачульском. — Третьего с вами не было?

— Нет, не было, — немного растерянно и огорченно, видя мою тревогу, ответил Петрович. — Они только вдвоем пришли. Только вдвоем, это я хорошо знаю.

Наш разговор разбудил Алексея Георгиевича. Он порывисто вскочил, и мы обнялись. Бельский держался на ногах с трудом, осторожно ступая на одни только пятки. Я схватил его за руки и прижал к себе.

— Натер ноги, — жаловался Иосиф Александрович. — Сапоги стоптались, текут — лихо им! — и режут ноги до крови.

— Придется временно на лапти перейти, — пошутил Бондарь.

«Что же с Романом Наумовичем? — не оставляла меня тревожная мысль. — Почему он не пришел вместе с ними, отправился куда-нибудь или несчастье какое стряслось?»

Я ожидал, что Бондарь или Бельский сами заговорят о нем, но то ли от сильной усталости, то ли оставляя серьезный разговор до той минуты, когда мы оста-

немся одни, они очень мало говорили о своей командировке. Когда мы вошли в землянку, я заметил, что моя тревога сразу же передалась и Варвашене. Он несколько раз оглянулся на дверь, как бы ожидая, что еще кто-то должен войти, а потом вопросительно посмотрел на меня.

Я пожал плечами:

— Кто его знает, что случилось.

Алексей Георгиевич заметил наше беспокойство.

— Ничего пока что не случилось, — спокойно сказал он: — Роман Наумович задержался, завтра или послезавтра должен явиться.

Через несколько минут Бельский отвел меня в сторону от землянки и полушопотом сказал:

— С Мачульским все-таки не совсем ладно. Пошел он в Слуцк, оттуда думал пробираться дальше. Должен был явиться на условленное место больше недели назад — и не явился. Мы ждали его несколько дней, а больше нельзя было задерживаться. Оставили там своего человека. Надо решить, что делать.

— Кого вы там оставили? — спросил я.

— Веру Делендик, жену парторга Старобинской МТС. Тогда, при встрече в Крушниках, вы ей посоветовали перебраться в другое место, она так и сделала. Возле самого Слуцка живет, у своих родственников.

— Пароль взяли?

— Есть пароль.

— Сегодня же пошлем туда связного.

Петрович стоял возле землянки с мешком в руках и нетерпеливо поглядывал на меня. Я заметил этот взгляд и обратился к нему:

— Что нового, товарищ Петрович?

— Пока что, можно сказать, ничего, — сделав несколько шагов ко мне, ответил Петрович. — Вот только Меркуль прислал.

— Снова Меркуль прислал? — перебил я его. — До каких пор он будет присылать? Пусть о себе больше заботится.

— Нет, Василий Иванович, — засмеялся Петрович, — это не то. Тут какие-то карты немецкие. Федор Ширин, помните, он до войны работал инструктором

Старобинского райкома партии, вчера утром подбил на слуцкой дороге немецкую легковую машину. Должно быть, штабисты ехали. Много карт и разных бумаг забрал он у убитых офицеров. Меркуль просил посмотреть да переслать их, куда надо, а куда послать — вам видней.

Мы с Бельским обследовали содержимое немецких полевых сумок. Там и в самом деле находилось много топографических карт. Пометки на них были старые, поэтому они не представляли особого интереса. Но среди этих карт и всяких других оперативных бумаг мы нашли несколько шифровок и план операции одной гитлеровской части. Это уже другое дело. Такие сведения могли бы пригодиться нашей армии.

Подошли Бондарь и Варвашеня.

— Надо послать связных в ЦК к товарищу Поньмаренко, — предложил я. — Наиболее важные документы, в свое время говорил Пантелеймон Кондратьевич, сведения о намерениях врага чрезвычайно важно знать. Доложим о нашей работе, а заодно и эти документы доставим.

Члены бюро согласились. Но кого же послать? Одна кандидатура у меня была, я давно имел ее на примете — это Степан Петрович. Но посылать одного было бы ненадежно, так как путь предстоял длинный и опасный, надо было подготовить в дорогу не менее двух человек. После долгих размышлений мы остановились на шофере Войтике. Парень честный, выносливый, смелый, лучшего не найти. Рискованная командировка, — мы это знали, но что делать? Связь с Большой землей, с ЦК КП(б)Б нам необходима как воздух.

Мы написали докладную записку ЦК КП(б)Б. Рассказали про наши первые шаги в подполье, про старобинские, слуцкие, любанские, октябрьские, руденские операции. Было что сказать и о других районах. Бондарь и Бельский побывали в Красной Слободе, Копыле, Старых Дорогах и Гресске. Во всех этих районах были проведены собрания коммунистов, избраны подпольные райкомы партии. Вокруг райкомов постепенно собираются партизанские силы. В Красной Слободе уже довольно активно действует парти-

занский отряд под командованием Максима Ивановича Жуковского. Отряд имеет станковый пулемет, четыре ручных пулемета и несколько десятков винтовок. Недавно отряд осуществил смелый налет на вражеский гарнизон в Слуцке. Ворвавшись в город на трех автомашинах, партизаны ударили по врагу внезапно, перебили комендантскую охрану, захватили почту и телеграф, поснимали все аппараты и почти целые сутки были хозяевами в городе. Продукты из склада роздали населению, а склад с военным обмундированием сожгли. Был там лагерь военнопленных. Партизаны Жуковского обезоружили охрану и освободили всех наших красноармейцев.

Подробно рассказали мы в своем рапорте о боевых операциях дукорских партизан под командованием уполномоченного обкома и секретаря Руденского райкома партии Николая Прокофьевича Покровского. Деревня Дукора — это историческая деревня. Там еще в годы гражданской войны население мужественно боролось за советскую власть. В знаменитой Дукорской пуще Николай Прокофьевич Покровский организовал партизанскую базу.

Николай Прокофьевич развернул партизанскую борьбу с первых дней фашистской оккупации. Во многих деревнях и сельсоветах Руденского района были созданы подпольные группы из коммунистов и комсомольцев. Особенно большую помощь в налаживании связи с подпольными группами и отдельными советскими патриотами оказала бесстрашная связная комсомолка Мария Данильчик, которая очень долгое время вела подрывную работу в центре вражеского гарнизона — городском поселке Руденск.

Подпольные группы, которыми руководили коммунисты Сергей Довнар, Владимир Левицкий, Владимир Адамович, Роман Денисович и другие, добывали оружие, распространяли листовки с речью товарища Сталина от 3 июля 1941 года, жгли мосты на дорогах, уничтожали гитлеровцев. Спустя некоторое время Николай Прокофьевич создал из этих групп первый в районе партизанский отряд «Беларусь», который имел свою базу в знаменитой Дукорской пуще.

Когда в пуще стало тесновато, отряд перебрался через железнодорожную линию Минск—Гомель и разместился на глухом болотном острове у деревни Пилич. Отсюда во все стороны направлялись диверсионные группы, которые устраивали засады, налеты на гитлеровские обозы, разбирали рельсы. Партизанская группа под командованием товарища Малышкина пустила под откос вражеский поезд. Около двухсот фашистов было убито и ранено в результате крушения.

Дознавшись о местонахождении руденских партизан, фашистское командование направило против них крупный отряд. Партизаны подпустили гитлеровцев на близкое расстояние и начали косить их из пулеметов и автоматов. Эсесовцы, которых было в пять раз больше, чем народных мстителей, не выдержали яростного партизанского огня и отступили, едва успев подобрать убитых и раненых.

Пламя всенародной борьбы с кровавыми фашистскими захватчиками разгоралось все сильнее и сильнее. Возле Минска и в самой столице, под Борисовом и Червенем, возле Пинска и под Лепелем создавались новые подпольные группы и партизанские отряды.

Рапорт получился весомый. Я отдал его Степану Петровичу и Войтику и предложил тут же выучить наизусть. Степан Петрович мог сделать это быстро. Память у него была исключительная. Бывало любую сводку он мог передать по телефону, не заглядывая в материалы и никогда не ошибался. Само собой разумеется, в случае опасности рапорт следовало уничтожить.

Наши первые посланцы были надежными людьми. Войтик уже много лет работал со мной и зарекомендовал себя как очень честный, добросовестный человек, а Степана Петровича я знал почти с самого детства. Он был одним из лучших учеников в школе, активистом. В годы коллективизации Петрович выполнял самые ответственные задания партийной и комсомольской организаций. Когда я был директором Старобинской МТС, Петрович работал там бухгалтером и был секретарем комсомольской организации. Это

надежный и преданный работник. В то время МТС только организовывалась, создавалась, можно сказать, на пустом месте. Не было еще необходимого оборудования, не было кадров. Петрович возглавил движение молодежи за овладение специальностями трактористов, комбайнеров. Не отрываясь от своей основной работы, он и сам овладел профессией тракториста и в свободное время работал в мастерской. Авторитет Петровича как работника, организатора молодежи был непоколебим, все его любили и уважали.

Вот почему, когда встал вопрос об очень ответственном задании, я сразу подумал о Степане Петровиче.

На следующий день я не отходил от связных, готовя их в большую и опасную дорогу. Необходимо было, чтобы наши сведения непременно дошли до ЦК. Если Пантелеймон Кондратьевич узнает, где мы находимся, он обязательно установит с нами связь и поможет нам во всем. Мы просили его прислать нам рацию, шифр- и шифровальщиков. Тогда у нас установится непосредственная связь с Москвой.

Под вечер Петрович и Войтик распрощались с нами и двинулись в направлении фронта. Волнующим и незабываемым было это прощание. Все мы знали, на какое трудное и ответственное дело посылали своих лучших, проверенных товарищей. Знали, в какой мере рискуем жизнью отважных, боевых партизан. Мне было особенно тяжело в эти минуты. Сколько лет я прожил вместе с этими чудесными людьми, сколько довелось поработать с ними!..

Одновременно с нашими посыльными пошел на Любанцину и Иван Денисович Варвашеня.

Х

Прошло больше двух недель. С севера на озеро потянуло осенним холодом. По утрам на опавших листьях, на поникшей от холода траве большими белесыми пятнами оседал иней. Налетит ветер на вершину дерева и треплет ее, пока не заставит дерево сбросить с себя несколько листков. Постепенно озеро меняло

свой вид. Даже вода в нем с каждым днем становилась темней, напоминая своим цветом расплавленное олово.

Все это время мы ожидали возвращения Романа Наумовича Мачульского. Ожидали со дня на день, с часу на час. Никакая работа, никакие обязанности не заглушали в нас огромной тревоги о товарище, так как сроки, необходимые для выполнения задания областного комитета, прошли, а обстановка была крайне напряженной и сложной.

Вернулись связные из полесских районов. Невеселые вести принесли они оттуда. Городской поселок Житковичи и соседние деревни наводнены эсесовцами и полицейскими, в районе Постолов размещился крупный фашистско-полицейский гарнизон. Туда завезены даже пушки. Гитлеровцы лихорадочно расширяют межрайонную нефтебазу, а это означает, что здесь могут появиться и танки. Из районных работников Бердникович никого не нашел.

В Копаткевичах тоже было много вражеских солдат. Больше недели провел Бердникович в этом районе, но связаться с местными коммунистами ему так и не удалось. С большим трудом нашел он человека, которому можно было поручить наблюдение за железнодорожной станцией. Партизанские группы отошли от районного центра в глубь района в связи с действиями гитлеровцев.

По всему было видно, что фашисты готовятся к серьезным операциям против партизан. Были основания предполагать, что они уже знают и о подпольном обкоме. Недавно фашистские молодчики и полицейские снова обшарили деревни Скавшин, Крушники, Осово, Пуховичи, Ляховичи, как раз те места, где мы бывали. Похоже было на то, что они ищут наши следы. Вскоре прибежала к нашим постовым связная Наталья и известила, что отряд эсесовцев занял деревню Рог. В тот же день стало известно, что гитлеровцы поставили заслоны на всех мелиоративных канавах, которые ведут в озеро, а у начала бывшей «ездовни» засела группа со станковым пулеметом. Мы поняли, что враг блокирует наш обком.

Я дал указания подготовить все для боя. Нам нужно было пробыть здесь еще несколько дней, во-первых, потому, что Мачульский должен был прибыть сюда с задания, а во-вторых, надо было принять меры к тому, чтобы он, не зная, что гитлеровцы заняли окрестные деревни, не попал в руки врагу. Нельзя было оставлять без внимания и соседние полесские районы, так как мы руководили и ими.

На канавах мы поставили свои посты. Кое-где в наиболее подходящих местах вырыли окопы, ямы, на одной важной высотке построили дзот. Сержант Петренко был направлен в отряд Меркуля с заданием привести оттуда группу хорошо вооруженных партизан.

Затем мы выделили еще две разведывательные группы и снова послали их в Житковичи и Копаткевичи. Перед ними была поставлена задача: житковичской группе обязательно любыми средствами связаться с Довалем, Дербантом. Немецкая нефтебаза в Житковичах должна быть взорвана и сожжена, чего бы это ни стоило. Умело расставленные в гарнизоне свои люди должны извещать наш штаб о планах и намерениях врага.

Копаткевичской группе было приказано наладить связь Михайловского с Жигарем, передать им обоим указания подпольного обкома, установить с ними непосредственную связь и оказать помощь в работе, если это окажется необходимым.

Что касается выхода из возможного окружения, то о нем мы в то время не очень беспокоились. Всех диверсий фашисты не смогут закрыть, а если закроют, мы найдем способ открыть их. Меркуль узнает о нашем положении и наверняка придет на выручку, да и Корж не останется в стороне.

Все новые и новые сведения получали мы относительно гитлеровских планов. Было ясно, что гестапо ставило своей задачей захватить подпольный обком партии. Гитлеровские группы появились в деревнях Червонное озеро, Большой Лес, Дьяковичи. Постепенно заполнялись эсесовскими бандами ближайше хутора, заслоны на канавах передвигались все ближе и ближе

к озеру. Эсесовцы, должно быть, не знали, что нас здесь всего каких-нибудь два десятка человек, что, кроме нескольких винтовок, автоматов, пистолетов и гранат, у нас не было никакого оружия. Судя по старобинским, любанским и октябрьским операциям, они, очевидно, предполагали, что в районе Червоного озера находится большое количество хорошо вооруженных партизан. А главное, здесь центр партизанского движения — подпольный обком КП(б)Б.

Вражеское окружение все больше давало себя знать. Все труднее становилось поддерживать связь с партизанскими отрядами, партийными подпольными группами и с местным населением, среди которого мы распространяли листовки, газеты и информацию с фронта и которое все время обеспечивало нас продуктами и всем необходимым. Своих запасов мы не имели. Обстановка с каждым днем усложнялась, трудности возникали на каждом шагу.

И вот в это время вернулся в лагерь Роман Наумович Мачульский. Он пробрался через деревни Скавшин и Осово, где фашистов пока что не было. Приход Мачульского был большой радостью для всех нас. На время мы даже забыли о своем тяжелом положении. Мачульский был с нами, мы видели, что он жив-здоров, ничего плохого с ним не случилось. Наши силы увеличились, и мы почувствовали себя еще более уверенно.

Роман Наумович пришел поздно ночью. Коротко доложив о результатах своей командировки, он начал расспрашивать о наших делах. А мы рады были, что он, наконец, вернулся и не надоедали ему лишними расспросами о его странствиях. Начали обсуждать план дальнейших действий. Все шло к тому, что нам скоро придется выбираться из нашего лагеря. Обороняться на месте очень рискованно, да и нет смысла, так как главная задача областного подпольного комитета вооружать и поднимать на борьбу с захватчиками народ, организовывать подпольную работу так, чтобы росло и ширилось партизанское движение.

И вот было решено: Бельский немедленно проберется на Любанщину, подготовит там базу для

подпольного обкома и известит любанские отряды о положении на Червонном озере. Партизан Левшевич с группой отправится по другому маршруту: разведает дорогу в направлении червонноозерских хуторов. К рассвету вернется и доложит обстановку.

Мы были уверены, что наш план нетрудно выполнить, но вышло совсем иначе, чем мы предполагали. Левшевич к рассвету не вернулся. Утро прошло в напряженном ожидании. Еще были надежды на задержку, на какую-нибудь непредвиденную случайность, но когда и днем и наступившей ночью Левшевич не вернулся, стало ясно, что произошло что-то совсем неожиданное и опасное. Одно из двух: или наши разведчики наткнулись на вражескую заставу и их захватили фашисты, или они испугались блокады и, вырвавшись, решили больше не лезть в западню. Возможно, что и Бельскому не удалось дойти до любанских отрядов.

Как бы там ни было, но наше положение становилось очень серьезным. Надо было немедленно что-то предпринимать. Если этой ночью мы не выйдем из окружения, дальше будет еще трудней это сделать. Фашистско-полицейские заслоны на канавах и хуторах подходили все ближе и ближе, кольцо блокады сжималось. Группа на «ездовне» до того обнаглела, что начала уже приближаться к лагерю. Правда, ей не поздоровилось. Выбрав этой же ночью подходящий момент, наши бойцы так угостили ее, что немногие из фашистов и «полицаев» успели ноги унести. Подкрались партизаны к засаде и первой же гранатой уничтожили пулеметное гнездо. Перепуганные эсесовцы и «полицаи» бросились в болото, здесь их почти всех и перебили. «Ездовня» на некоторое время очистилась.

На другой день Алексей Георгиевич Бондарь отправился в дальнюю разведку. Мы настаивали, чтобы он взял с собой как можно больше бойцов, но он повел только троих, так как знал, что здесь оставалась вся база обкома, что ее надо было не только охранять, но и готовить к переправе в другое место. А задача у Бондаря была нелегкая: надо было разведать дорогу, подготовить все для выхода, выяснить, что случилось

с Левшевичем и удалось ли вырваться из блокады Бельскому.

Этс был один из самых тяжелых дней нашего подполья. Вот что рассказывал потом Алексей Георгиевич:

«До деревни Червонное озеро мы прошли, не встретив никаких препятствий. Оккупантов здесь в это время не было. Поговорили с крестьянами, расспросили о наиболее удобных тропах и пошли дальше. Выходим за деревню, — видим, из-за горки показалась небольшая группа людей, человек пятнадцать. Одеты они в гражданское, но вооружены.

— Партизаны, — сказал один из моих бойцов, — разрешите я подойду к ним.

Похоже было, что это и в самом деле партизаны. Я знал о приказе обкома прислать из отряда Меркуля группу бойцов. «Это они и идут», — подумал я. Но оказалось, что это были разведчики большого отряда эсесовцев, переодетые в гражданское платье. После нашего угощения на «ездовне» гитлеровцы решили бросить на озеро крупный, хорошо вооруженный отряд.

Нас было всего четверо, а эсесовцев — больше сотни. Они открыли огонь из винтовок и пулеметов. Само собой понятно, что принимать бой при таком соотношении сил было невозможно, и мы, отстреливаясь, стали отходить. Сзади нас были небольшие заросли лозняка. Не успел я добежать до них, как почувствовал, что левую ногу как кипятком ошпарило. Пуля перебила колено. Я упал. Гитлеровцы заметили это и усилили огонь. В грохоте стрельбы мои товарищи, должно быть, не заметили, как я упал.

Это было на лугу, на открытом месте, до зарослей оставалось еще около сотни шагов. Но совсем рядом оказалась небольшая ложбина, наполненная водой, я соскользнул в нее и пополз по воде. Только так можно было спастись. Судьбу решали секунды. Еще несколько шагов, еще несколько усилий! Спускался вечер, в зарослях можно было бы спрятаться, а в крайнем случае принять бой. Важно было одно: ни в коем случае не даваться в руки врагу живым.

У самых кустов меня начали окружать.

Партизанская оружейная мастерская.

— Заходи, заходи с той стороны! — услышал я совсем близко. — Надо взять его живым.

Я собрал последние силы, поднялся, швырнул в ту сторону, где слышались голоса, гранату и на одной ноге вскочил в густые заросли. Здесь, свалившись под куст, я решил защищаться до последнего вздоха.

Но ни полицейские, ни эсесовцы не полезли в сумерках в кусты. Они, должно быть, приняли нас за разведку большой группы и боялись, что в кустах есть засады.

Только после того, как эсесовцы отошли, я почувствовал сильную боль в ноге. Голенище сапога наполнилось кровью. Какой-нибудь помощи нечего было и думать, никого из моих бойцов не было близко. Я перевязал ногу выше колена ремнем и пополз дальше. На всякий случай не мешало пробраться в глубь зарослей.

До нашего лагеря отсюда было не меньше трех километров. Дорога непроходимая: болота, заросли. Даже здоровому здесь нелегко пробраться. Что же делать? Ничего лучшего не придумаешь, как только ждать. Если бойцы живы, они скоро заметят, что меня нет. Заметят — начнут искать. Срезав ветку лозняка, я еще туже перевязал ногу, чтобы не истекать кровью, и решил полежать на месте.

Прошло около часа, но никаких признаков того, что меня ищут, не было.

«Может быть, убили моих товарищей, — думал я, — а может, даже в плен захватили».

Уже совсем стемнело. С севера дул холодный осенний ветер и сквозь кусты добирался до меня. А я был весь мокрый. Ветер нагнал небольшой мороз, и он начал сковывать мою одежду.

Надо было пробираться дальше, а тут нога до того разболелась и такая слабость начала одолевать меня, что пошевелиться невозможно. Вокруг густые заросли и болота. Трудно даже определить более или менее точно, в каком я месте. Попробовал ориентироваться по деревьям. Оглядевшись как следует, я заметил, что это место мне знакомо. Вот высокий густой куст ивняка. Когда я его видел? Ага! Это, должно быть, то са-

мое место, где мы когда-то отдыхали, пробираясь на Червонное озеро. Был я здесь и еще раз: проплывал на лодке по мелиоративной канаве.

В голове мелькнула мысль: «Найти бы теперь какую-нибудь лодчонку, и поплыл бы я канавой к лагерю».

Но думать о лодке бесполезно. Надо делать то, что остается возможным. Не так давно, сидя под этим кустом, я наблюдал, как складывали на болоте небольшой стожок. Осенью сена отсюда не вывезешь и не вынесешь: стожок, наверно, и сейчас там. До него не очень далеко. Надо ползти туда, в этом единственное спасение.

И я, напрягая последние силы, пополз, или, точнее говоря, поплыл, к стожку. Не знаю, сколько времени я полз, только мне показалось, что очень долго. Добрался, наконец, на четвереньках до стожка, а приподняться, чтобы вытащить из него сено, не могу. Полежал с минуту, отдышался. Я начал понемногу вырывать из стожка клоки сена и подсовывать их под себя. Это поднимало меня из воды, мне становилось немного теплей. Я думал так: «Сделаю логово в стожке и залезу в него. Полежу немного, отдохну, отогреюсь, а потом посмотрю, что дальше делать. Главное, закури там, если возможно будет. Как никогда хотелось закурить. Но все размокло в кармане. Как жалко!

В этот момент мне послышалось, будто кто-то зовет меня по имени. Может, мне это только кажется, может, в ушах у меня звенит? Прислушался, — опять то же самое: чей-то голос называет мое имя. Знакомый ли голос? Трудно разобрать: звуки хрипловатые, приглушенные.

Неужели свои? Может, стоит отозваться? Но тут я подумал: «Не провокация ли это?»

Незадолго перед тем возле деревни Осово слышна была беспорядочная стрельба, а потом кто-то отчаянно кричал: «Браточки, не убивайте меня, не убивайте!»

Кто знает, что там происходило? Может быть, кто-нибудь из наших бойцов попался в лапы оккупантам и проявил малодушие. Теперь он вместе с фашистскими прислужниками ищет меня.

Какие-то люди приближались к стожку. Я решил не обнаруживать себя. Стараясь не шуметь, снова приготовил гранату. Потом слышу, один из них говорит другому:

— Ванька, добирайся до стога, может он там?

Ваня — это один из моих бойцов, голос говорившего тоже знакомый. Какая-то необычайная теплота и в то же время слабость и истома разлились по телу. С болью в сердце я подумал о том, что я не смогу сопротивляться, если это, на мое несчастье, не свои люди. Останется только одно: взорвать гранату под собой.

Затаив дыхание, лежу, наблюдаю. Высокий человек, увязая почти по пояс в болоте, подходит совсем близко к стогу и тихо говорит:

— Алексей, отзовись, если ты здесь. Это я, Ваня.

Потом, повернувшись в сторону зарослей, он сказал уже немного громче:

— Роман, иди сюда, поищем в стогу...»

Больше Алексей Георгиевич ничего не помнит: от большой потери крови, от усталости и волнения он потерял сознание.

А люди были и в самом деле свои. Мы в лагере слышали стрельбу где-то около Осова, это нас всех очень встревожило. Несомненно, это была стычка с группой Бондаря, но каков ее характер, трудно было угадать. Может быть, Алексей Георгиевич вступил в бой, чтобы выволить своих, может быть, дорогу себе расчищает, а может быть, и в очень тяжелое положение попал. Когда же затрещали станковые пулеметы, стало ясно, что дело серьезное: у нас таких пулеметов не было, значит стреляют фашисты.

Роман Наумович взял с собой небольшую группу и бросился на помощь. По дороге он встретил одного партизана из группы Бондаря. Партизан бежал в лагерь с тревожным донесением. Он рассказал Мачульскому, в чем дело.

Тогда Роман Наумович принял очень смелое и рискованное решение. В темноте он с небольшой группой партизан пробрался в деревню Осово, при помощи местных жителей узнал, где разместился на ночлег от-

ряд эсесовцев и неожиданно напал на его штаб. Паника у гитлеровцев была неописуемая. Они бросились кто куда, открыли беспорядочную стрельбу, а потом рассыпались по огородам и приусадебным участкам. Начальник житковичской полиции попал в руки партизан живым. Это его крик и слышал Бондарь, когда полз к стogu. А всего несколько часов назад этот враг народа расстреливал местных безоружных жителей!

Потом Мачульский вместе с партизанами, которые шли с Бондарем, начал разыскивать Алексея Георгиевича.

Они обшарили все окрестности и напали на след.

Тяжелое ранение одного из членов обкома было для нас большим несчастьем. Дело усложнялось тем, что мы не могли оказать Алексею Георгиевичу необходимой медицинской помощи, так как ни медикаментов, ни бинтов у нас в достаточном количестве не было. То, что принесли с собой, уже давно израсходовано. Достать что-нибудь тоже не было возможности: везде гитлеровцы, уже давно мы были окружены со всех сторон.

Оставалось только одно: как можно скорее вырваться из окружения. В этом спасение и для товарища и для всего нашего дела. Но как прорваться с такими незначительными силами? Меркуль не прислал подкрепления, должно быть не мог. Даже посыльный наш не вернулся. Кто знает, может, он не достиг цели. Многие из наших людей ушли на задание в Житковичи и Копаткевичи. С нами осталась совсем небольшая группа. Все известные болотные тропы проходили недалеко от деревень и хуторов: они были под контролем гитлеровцев. Итти же ночью через болото напрямик опасно, можно попасть в трясину и завязнуть. А главное, мы не могли рисковать жизнью тяжело раненного товарища, которого надо было нести на руках.

Решили попробовать проскочить через деревню Рог. Отряд эсесовцев был там сравнительно небольшой. Наши бойцы хорошо знали эту деревню и могли действовать здесь более уверенно, чем в других местах. За Рогом дорога была открыта. Потом можно было пойти на Скавшин и оттуда в любанские леса.

Только как подойти к деревне незаметно? Ночью лесом трудно нести раненого, да и патрули ходят у края деревни. Болотными тропами тоже не пройдешь: они пристреляны — мы это знали. Хороший совет дал нам Яков Бердникович. Здешний человек, он хорошо знал местность. Бердникович сказал, что недалеко от лагеря есть одна канава, которая ведет к самому Рогу. Если плыть по этой канаве на лодках, пожалуй, можно будет миновать Рог и без боя.

Мы так и сделали, — кстати, у нас на озере были четыре лодки. Положили раненого Алексея Георгиевича в лодку, погрузились сами и поплыли. Трудно было предугадать, какие еще испытания ожидали нас на этом необычайном пути.

XI

Василий Тимофеевич Меркуль не пришел к нам на помощь потому, что узнал о блокаде слишком поздно. Наш посланец Иван Петренко не смог встретиться с ним. Добравшись ночью до Махнович, он зашел в хату к знакомым крестьянам напиться воды, расспросить, что произошло за последнее время в деревне, давно ли были немцы. А хата эта была, оказывается, под надзором. Не успел сержант и слова сказать, как под окном и у дверей появилось несколько эсесовцев и полицейских. Бывший пограничник Петренко, однако, не растерялся. Ночь лунная, все хорошо видно. Первый же фашист, показавшийся в окне, был убит. В дверь фашисты и «полицаи» не пошли. Быстро спрятав хозяйку в погреб, Петренко залез на чердак. Полицейские бросили в окно гранату и после взрыва ринулись к хате. Петренко угостил их гранатой сверху. Четыре гитлеровца и один полицейский были убиты.

Тогда фашисты подожгли хату. Петренко вылез с чердака на крышу и соскочил на землю. Отстреливаясь, сержант стал отходить в сторону леса. Место было открытое, а все ближайшие укрытия заняли эсесовцы и «полицаи». Пламя, поднявшееся над крышей, осветило все вокруг, никак не укроешься, — иголка на земле видна.

Не найдя иного выхода, Петренко достал из мешочка свою саперную лопатку и начал окапываться на огороде. Насыпал небольшой брустверик перед собой, потом прорыл канавку и насыпал бугорки по бокам. Эсесовцы и полицейские с криком «сдавайся!», с руганью пошли на партизана.

— Взять его живым! — послышалась издали хрипая команда.

Петренко сэкономил боеприпасы. Осторожно поворачиваясь в своем окопчике, сержант короткими очередями сдерживал эсесовцев и «полицаев». Он старался не подпустить врага на расстояние полета гранаты, а от пули его защищала насыпь.

Один из «полицаев», как следует глотнув для храбрости, поднялся во весь рост, пробежал несколько шагов и размахнулся гранатой. Размахнулся, но не бросил, а сам упал, скошенный партизанской пулей. Под ним взорвалась его граната. Другой успел все-таки бросить гранату, но сержант почти на лету подхватил ее и швырнул обратно. Так несколько часов шел поединок. Услышав стрельбу, прибежали гитлеровцы и «полицаи» из соседних гарнизонов. Целая банда озверелых оккупантов долгое время не могла подступить к партизану, нашему пограничнику, горячему патриоту советской родины.

Погиб Петренко смертью героя, погиб, истекая кровью от множества ран, когда в дисках автомата не осталось ни одного патрона, у пояса — ни одной гранаты. И долго еще боялась подступить к мертвому герою гитлеровско-полицейская нечисть. Фашистам не верилось, что рука его уже неподвижна. Им казалось, что партизан вот-вот снова шевельнется, рука его поднимется и пустит автоматную очередь или швырнет гранату.

А Меркуль в это время выполнял ответственное задание обкома: он шел на связь с Жуковским. Установить непосредственный боевой контакт с краснословцами было очень важно.

По заданию обкома Жуковский подготавливал крупную и очень ответственную операцию по разгрому гитлеровцев в Красной Слободе. Перед Меркулем

стояла задача — помочь Жуковскому живой силой и боеприпасами, а после окончания боя разработать план совместной операции против старобинского гарнизона.

Но дойти до Жуковского старобинцам на этот раз не удалось. Дошли только отдельные группы. Отряд Меркуля был еще небольшой, да и вооружен не очень хорошо, а дороги на Красную Слободу, к месту размещения отряда Жуковского, были настолько густо заставлены гитлеровскими гарнизонами, что на каждом шагу приходилось вести тяжелые бои. Скоро в отряде стал чувствоваться недостаток боеприпасов, силы истощались и меркулевцы вернулись в свой район.

Здесь они узнали о гибели нашего посланца Петренки и о тяжелом положении на Червонном озере. Связались с Коржем и сразу бросились на выручку.

Нас на озере уже не было. Меркуль знал некоторых наших связных в этих местах. Нашли Наталью в Роге, начали расспрашивать, но она почти ничего не могла сказать: во время прорыва у нас не было возможности передать ей что-нибудь. Наталья рассказала только о том, что однажды ночью у эсесовцев была большая тревога: они долго стреляли, группами бросались на гать, некоторые там и погибли, но почему-то убитых своих фашисты здесь не похоронили, а куда-то увезли.

Во второй половине октября мы добрались до небольшой любанской деревни Бариков. Прежде всего позаботились о раненых. Алексея Георгиевича устроили на квартире у нашей связной Насти Ермак, приставили к нему местного фельдшера, а потом вызвали из Заболотья врача Крука, который стал нашим партизанским доктором с первых дней войны.

Через некоторое время в Бариков явились Варвашеня и Бельский, а под вечер подошли Луферов, Лященин, Горбачев. Последний немного прихрамывал, но, увидев нас, постарался сделать вид, что это его совершенно не беспокоит — просто мозоль разболелась на пальце. Варвашеня глянул на его подогнутую ногу и как-то слишком поспешно опустил глаза.

Мы зашли к Бондарю. Хозяйка накрыла белой скатертью стол, принесла каравай хлеба, поставила миску соленых огурцов. Мы ели, делились мыслями, новостями. Бельский заговорил о Левшевиче.

— Быстро он вернулся?—окинув нас повеселевшим взглядом, спросил Бельский. — Что передал от меня?

— Его совсем у нас не было.

— Неужели не было? — Иосиф Александрович даже изменился в лице. — В чем же дело? Я встретил его у одного хутора. Он даже хотел немного проводить меня, но в этом не было надобности.

Случай с Левшевичем немного озадачил нас. Предатель он или просто трус? Мне хотелось верить, что скорее последнее. Испугался человек блокады и решил отсидеться где-нибудь в кустах. Если же он предатель, дело могло принять плохой оборот. Левшевич знал много наших связных, некоторые наши явки и долгосрочные пароли. Он мог принести большой вред. После короткого обмена мнениями я передал указания Меркулю: выяснить, где находится Левшевич, на всякий случай переменить все известные ему явки, вывести в отряды определенную группу связных, в частности Наталью, а если подтвердится, что Левшевич предатель, — уничтожить его.

— А где теперь наш Брагин? — вдруг послышался из-за перегородки голос Бондаря.

Я почувствовал, что это был и мой вопрос. Как только пришел Луферов со своими товарищами, меня встревожило отсутствие Алексея Федоровича Брагина. «Может, он из Осипович еще не вернулся», — подумал я.

Теперь, когда Алексей Георгиевич вспомнил о нем, я тоже взглянул на Луферова. Тот молча опустил глаза, потом искоса глянул на Горбачева. Мне показалось, что веки у него вздрагивали. Всеми нами овладело чувство тревоги: неужели еще что-нибудь случилось? А Луферов все молчал; казалось, лицо его в эту минуту еще больше потемнело, осунулось. Горбачев сидел в темном углу, прикрыв шинелью колена правой ноги. Но ему трудно было скрыть, что нога его все-таки не сгибается. «Может, вывихнул где, — по-

думал я, — а может, и ранило». И только я хотел спросить его об этом, как Горбачев заговорил. Заговорил не о себе, а о Брагине.

Из рассказа Горбачева мы узнали, что спустя несколько дней после того, как Брагин вернулся из Осипович, они вдвоем пошли в совхоз имени 10-летия БССР. Там была довольно сильная патриотическая группа. Любанский подпольный райком партии возлагал на нее определенные надежды. Предполагалось расширить, еще больше активизировать ее и в ближайшее время организовать в совхозе партизанский отряд. Брагин уже бывал здесь и хорошо знал многих совхозных рабочих, членов группы.

Не доходя километров пять до совхоза, они остановились в кустарнике недалеко от поселка Красная Полянка. Надо было узнать, что делается в совхозе, установить связь со своими людьми. Решили зайти в Красную Полянку — отделение совхоза, чтобы вызвать оттуда своего человека. Наступал вечер. Прошли они несколько шагов по дороге, нигде никого нет. Пошли дальше. Из-за поворота вышли навстречу два человека. Оба в обыкновенной гражданской одежде, без оружия, должно быть совхозные рабочие. Один даже показался Брагину знакомым. Он присутствовал на собрании местной патриотической группы. А может, это не тот? Когда путники приблизились, Брагин бросил на них внимательный взгляд: тот самый, можно даже фамилию его вспомнить. «Что ж, пусть идут, мало ли кому куда нужно».

Человек из совхоза остановился, подчеркнуто вежливым жестом снял шапку и поздоровался с Брагиным.

— Добрый день, товарищ.

Брагин удивленно взглянул на него, а тот, криво усмехнувшись, начал расспрашивать:

— Куда ж это вы, к нам? Или в совхозную столовку, так ее уже нет, закрыть пришлось, гитлеровцы все продукты растащили.

И, не ожидая ответа, продолжал:

— А мы вот за проводников идем, дорогу нашим показываем, — он махнул рукой в противоположную

сторону дороги. Оттуда и в самом деле доносился легкий стук колес и похрапывание лошадей.

Брагин хотел пройти мимо, но второй из встречных загородил ему дорогу. Горбачев заметил, как человек из совхоза кивнул своему спутнику: «так, так», — и показал глазами на Брагина. Горбачев выстрелил в провокатора, но в тот же момент гестаповец ранил Брагина и бросился бежать. Горбачев выстрелил еще несколько раз и, подхватив Брагина, хотел отойти с ним немного в сторону и залечь. В это время налетели верховые. Горбачев швырнул в них гранату. Банда отхлынула, а потом спешилась и открыла стрельбу. Горбачева ранило в ногу. Эсесовцы ринулись на партизан и снова отхлынули: Горбачев отбивался, не обращая внимания на ранение. Тогда фашисты обошли их и после жестокой стычки захватили в плен.

Горбачев, выбрав удобный момент, сбил с ног двух эсесовцев, рванулся в кусты. Его почти совсем не преследовали, среди густых зарослей эсесовцы чувствовали себя неуверенно. Обессиленного Брагина связали, положили на тачанку и повезли.

Спустя некоторое время Горбачев, хромя, добрался до Красной Полянки. Там у него был связной, рабочий совхоза Иван Никитович Антоненя. Вызвав его, Горбачев первым делом спросил:

— Что это за выродки стояли в совхозе, откуда они явились? Что делали эсесовцы с населением?

Антоненя чувствовал, что случилось что-то недоброе, и не знал, что отвечать. До последнего момента он был уверен, что в совхоз заезжала группа красноармейцев, так как все эсесовцы были переодеты в красноармейскую форму. Следует сказать, что в совхоз заезжали многие из наших людей. Пока были продукты, в совхозе работала столовая и очень часто проезжающие и проходящие группы и всенных и штатских советских людей питались в ней. Эти военные в красноармейской форме также остановились в совхозе. Заказали в столовой обед, пообедав, решили заночевать, а там еще на день остались.

Дочка Антонени перевязала Горбачеву рану и собиралась уже идти в совхоз, чтобы разузнать обо

всем подробно, но в это время в Красную Полянку прибежал заведующий столовой Петр Егорович Смирнов. Он был без верхней одежды, без шапки, одна половина головы подстрижена, а с другой свисали длинные пряди спутанных волос.

Последнее так бросалось в глаза, что Горбачев не выдержал и спросил:

— Что это, человеке, с тобой? Или из парикмахерской выскочил?

— Не из парикмахерской, а из своей хаты, — вздрагивая от волнения, ответил Смирнов. — Подстригал меня кладовщик, да вот пришлось в окно выскочить.

И вдруг со злостью и обидой он закричал:

— Разиня, вот разиня! Слепой!

— Кто?

— Да я сам. Подумать только: кормил в столовой гадов проклятых и не знал, что это фашисты! Думал, если наша форма, так и все... А они кладовую мою ограбили и самого чуть не застрелили. Хорошо, что дочка моя во-время узнала про их маскировку, а то б...

— Хватит! — резко оборвал его Горбачев. — Нытьем тут не поможешь. Иван Никитович, дай ему плащ, дай ему какую-нибудь шапку и сам поскорей одевайся... Пойдешь, Смирнов, в совхоз и скажешь там... Ну, кому ты там скажешь? Федору Савчику, например, можно сказать?

— Можно, можно, — подтвердил Петр Егорович.

— Ну вот, скажешь Савчику, потом скажешь еще Леониду Смирнову, Игнату Понке, Шиманову Александру, если он дома... Пусть поскорее собираются. Оружие у них найдется?

— Думаю, что найдется.

— А у тебя?

— И у меня тоже кое-что найдется, — повеселев, ответил Смирнов. — Думаю, что взводец пехоты мог бы наделать.

— Ого! — удивился Горбачев. — Что ж ты, скряга, раньше об этом не сказал? Ну ладно. Собери эту группу, вооружи, и через час чтоб все были тут. Понятно?

— Понятно, товарищ Горбачев.

— Беги! А вы, Иван Никитович, поедете вслед за эсесовцами и разведаете, где они остановились. Далеко они не могут отъехать, — время к вечеру. Возьмите дочку с собой, меньше будет подозрений.

Когда совсем стемнело, Антоненя вернулся и доложил, что бандиты остановились за девять километров, в деревне Турок. Группа совхозных рабочих во главе со Смирновым была уже здесь. Каждый имел при себе винтовку и не меньше сотни патронов.

«Вот как быстро могут расти у нас отряды, — радостно подумал Горбачев. — Каждый честный человек — воин». Он рассказал рабочим про случай на дороге, про то, что в лапы фашистам попал секретарь подпольного обкома партии товарищ Брагин. Решили пробраться в деревню ночью, без шума снять посты и напасть на вражеский отряд. Антоненя брался провести группу такими тропами, где никто ее не заметит.

Но спасти Брагина так и не удалось: поздно вечером эсесовцы выехали из деревни. Редко случалось, чтобы гитлеровцы отваживались выезжать со стоянки в ночное время, но на этот раз выехали. Видно, предчувствие близкой опасности погнало их.

Брагина нашли мертвым. Местные жители рассказывали о героической смерти секретаря обкома. Несколько часов его пытали, допрашивали. Такое испытание могут выдержать только люди, именуемые большевиками, люди, которые всю жизнь отдают народному делу, борются за свободу и независимость своей родины.

Допрос Брагина вел начальник фашистской группы. На все вопросы Брагин ничего не отвечал. Несмотря на тяжелые увечья от пыток, которым, казалось, не будет конца, он держался на ногах. И когда во время допроса гестаповец на минуту отвернулся, Брагин схватил стул и изо всей силы ударил им фашиста по голове, а сам выломал окно и выскочил во двор. И уже когда бежал, был убит.

Палачи бросили труп на улице и приказали насе-

лению не дотрагиваться до него, иначе все будут расстреляны, а деревня сожжена.

Рассказ о гибели товарища острой болью отозвался в наших сердцах. Тяжелые дни переживал подпольный обком. Еще силы наши невелики, по существу, мы еще только начинаем работу, а тут сразу два таких серьезных удара: тяжелое ранение Бондаря и смерть Брагина. А надо устоять, неуклонно идти вперед. Никакие неудачи, никакие трудности и самые неожиданные препятствия не должны поколебать нас!

Когда Горбачев кончил рассказ, в комнате воцарилась гнетущая тишина. Хотелось что-то сказать, но нехватало слов. Я встал, за мною встали все. Почти-ли славную память стойкого борца, беззаветно преданного партии Ленина—Сталина, активного работника минского партийного подполья. Мы поклялись отомстить врагу за нашего боевого товарища и друга, быть еще упорней, беспощаднее в борьбе с врагом.

За перегородкой застонал Бондарь. «Не надо было говорить при больном об этом несчастье», — подумал каждый из нас. Через минуту мы перешли в соседнюю хату. Я приказал вызвать командиров ближайших отрядов, руководителей подпольных групп, коммунистов. Вечером у нас состоялось внеочередное заседание бюро обкома. На нем мы снова обратились к речи товарища Сталина по радио, вспомнили его мудрые указания. Нужно иметь в виду, — говорил Иосиф Виссарионович, — что враг коварен, хитер, опытен в обмане... Нужно учитывать все это и не поддаваться на провокации.

Я привел эти слова в своем кратком выступлении на бюро. Партийные организации области, партизанские отряды, подпольные группы и все патриоты должны были сделать соответствующий вывод из трагической смерти товарища Брагина. Было ясно, что враг будет идти на все новые и новые провокации и уловки.

Война с врагом в открытую — простая война. Опаснее встретиться с коварством врага, с его иезуитскими хитростями и провокациями. К этому мы должны быть готовы.

Варвашеня долго сдерживался, обдумывал что-то, взвешивал, а потом выступил и начал сурово критиковать Горбачева.

— Ты иногда бравируешь своей смелостью, — сказал он ему. — Смелость — дело хорошее, но надо проявлять ее умело. Кто тебя заставлял вести Брагина открытой дорогой! Ты человек местный, должен знать каждую тропинку. И с Червонного озера пошел тогда один среди бела дня, и очень часто ходишь один без всяких предосторожностей. Кому нужен этот твой излишний риск? Ты должен беречь себя не только для себя, но и для того великого дела, которое поручила нам партия.

Горбачев молчал, опустив голову. Упрек Варвашени, возможно, был излишне суровым, но вполне справедливым и заслуженным. Варвашеня глубоко уважал Горбачева, как и все мы. Любили мы Горбачева за его простой и непосредственный характер, чистоту и честность натуры, за его активность и неутомимость в работе. Но критику он заслуживал, и мы со всей суровостью критиковали его.

Бюро решило выпустить специальные листовки, разоблачающие коварные провокации врага, в отряды, деревни и подпольные группы направить наших уполномоченных. Они должны помочь людям научиться распознавать волчьи клыки, в какую бы шкуру волк ни рядился, раскрывать подлые уловки гестапо и не поддаваться на его провокации.

XII

Как только было принято решение, все разошлись: работы было много, а ночь для партизан ценнее, чем день. В избе со мной остался только Роман Наумович. Мы прикрутили фитиль в лампе и прилегли на лавках: я с одной стороны стола, он с другой. Было уже за полночь: старые, скрипучие ходики на стене показывали половину первого.

Тело ныло от усталости, но сон не приходил. Как-то странно шумело в ушах: то ли оттого, что после многих тревожных дней и бессонных ночей мы от-

дыхали в тихой, уютной хате, то ли от наплыва разных мыслей и воспоминаний. Смерть Брагина не выходила у меня из головы. Если и дальше наш подпольный обком, наш партийный актив будет нести такие потери, нам трудно будет справиться с огромными задачами, возложенными на нас партией. Я помнил, как перед нашим отъездом в тыл врага нас предупреждали в ЦК КП(б)Б о необходимости сохранять величайшую бдительность и осторожность в самых сложных условиях борьбы. Нам поручено дело исключительной важности — поднять белорусский народ на борьбу против фашистской нечисти, вести эту борьбу неустанно, и днем и ночью, превратить подпольные партийные органы в боевые штабы по руководству партизанским движением. Твердо помнить, что враг будет стараться проникнуть в наши организации, будет применять террор и диверсии, будет в первую очередь наносить удары по руководящему ядру.

Теперь я еще больше убедился в правильности этих предупреждений. Надо с каждым днем повышать бдительность, совершенствовать методы и средства борьбы. Главное — надо теснее связаться с народом, с нашими советскими патриотами. Везде у нас должны быть свои глаза и уши, мы должны своевременно узнавать о всех намерениях врага, о всех его планах, да и не только узнавать, но и парализовать эти планы и намерения.

Перебирая в памяти события последних дней, я долго не мог уснуть.

Невольно прислушивался к каждому шороху. Алексея Георгиевича в этой хате не было, но мне казалось, что он лежит где-то рядом и я слышу его прерывистое горячее дыхание.

Возле окна на улице слышался частый хриловатый шепоток Якова Бердниковича. Он рассказывал своему напарнику, другому часовому, о червонноозерских днях.

— И вот, слышь ты, как стиснули нас там — ни взад, ни вперед. Фашистов поналезло везде, а на всех мелиоративных канавах житковичские и копаткевичские полицейские. Дошло до того, что есть нечего бы-

ло. Мне домой — рукой подать, а пробраться нельзя. Сменишься бывало на рассвете — кишки марш играют, а в лагере хоть шаром покати: пусто, ничегошеньки нет. С горем пополам достали немного картошки и варили не поймешь что: ребята в шутку прозвали это наше варево «осиновым пюре».

— А как же вы вылезли оттуда? — спрашивал другой часовой.

И снова Бердникович гудел под окном, как шмель, ведя свой рассказ подробно и неторопливо и довольно основательно все преувеличивая.

— Вылезли, брат, только двух человек ранило... Лодки выручили. По канавке, по канавке — и мимо самого вражьего логова. Выскочили на греблю, а немчуря: «Хальт!» Тут мы как «хальтнули», десятка три поганцев сразу и уложили. Потом Мачульский взял несколько человек, зашел сбоку и еще им поддал, и еще! Гитлеровцы оскалились на него, а мы в это время обошли деревню и оказались километра за два у небольшого леса. Мачульский со своими хлопцами долго не отступал и вел перестрелку. Он там, наверно, еще штук сорок отправил на тот свет. Ты знаешь, что это за боевой человек!..

Роман Наумович нетерпеливо заворочался на лавке.

— Ты что не спишь? — спросил я. — Или тревожишься о чем?

— Да нет, — ответил Мачульский. — Вот врет же человек обо мне, просто слушать не могу! Постучи ему в окно, пусть замолчит. Там всего было около сорока фашистов.

— Пусть говорит, — тихо, чтобы не разбудить никого в хате, сказал я. — Ему хочется, чтобы так было, ведь в этом вся его душа. Пусть себе говорит.

Но Бердникович, должно быть, сам догадался, что его рассказ могут услышать в избе и отошел от окна. Мачульский затих, но по его дыханию я знал, что он не спит. Скоро он снова заворочался и подвинулся ближе ко мне.

— Не спится что-то, — пожаловался Роман Наумович, — даже дремота не берет, все равно как болезнь какая напала.

Он потянулся, потом приподнялся и продолжал:

— Все вспоминаю свою командировку и вот не могу заснуть. Пока выходили из окружения, голова одним была занята, а теперь встает все в памяти, тревожит, волнует, и все как следует хочется обдумать, дать всему правильную оценку.

— А ты расскажи, что у тебя на душе, — предложил я, — тогда и обдумаем вместе, обсудим.

И Роман Наумович начал рассказывать. Каждое его слово западало в сердце, чувствовалось, что говорит он о самом наблевшем, о чем много и мучительно думал бессонными ночами.

— Если б не видел своими глазами, не поверил бы, — совсем тихо, но отчетливо говорил Мачульский. — Я уже говорил как-то, что в Минске, в Бобруйске и на узловых станциях гитлеровцы открыли бюро пропусков на Москву. В Гомеле устроили большой бал в честь взятия Москвы. Как это понять, что подумать? Пропаганда это фашистская, фальшивая. Я иначе и не думаю. К сожалению, кое-кто в городах может поверить этому, а в деревне и подавно. Можем мы сейчас доказать людям, что это ложь, можем мы привести в доказательство факты? Можем и должны! Хорошо, что мы послали связных в ЦК, но кто знает, удастся ли им дойти? Вот уже сколько времени они в дороге. Я думаю, Василий Иванович, что нашу связь с Москвой, с фронтом надо как можно скорее укрепить и улучшить. Любыми средствами, любыми путями! Хотя бы радиоприемников больше достать. Дать их в каждый отряд, в каждую группу. Поищем — найдем. В отрядах будут регулярно слушать передачи Совинформбюро и сообщения с фронтов, распространять все это среди народа. А там о шифрах и рациях надо будет подумывать.

Мачульский спустил с лавки ноги, сел возле меня и, опершись одним локтем о стол, задумался. Слышно было, как он трудно, простуженно дышал, потирал пальцами давно не бритую щеку.

Повернувшись к Мачульскому, я сказал:

— Городами нам надо заняться по-настоящему. Нелегко это, но без этого нельзя. Нам надо направить

в города самые опытные партийные кадры. Что там делается, в Минске?

Роман Наумович снова заговорил:

— Вот слушай, что сам видел и что передавали мне минчане, с которыми мне приходилось встречаться.

Он тяжело вздохнул, подпер щеку ладонью.

— Захватив Минск, оккупанты начали не только грабить его, но и истреблять людей, истреблять безжалостно, в массовом масштабе. Фашисты открыли лагеря смерти на Широкой улице, в Дроздах под Минском и в Тростянце. Сюда сгонялись сначала мужчины. Десятки тысяч мужчин было согнано только в Дрозды. Тут были и минчане и люди из других мест Белоруссии. Их заставляли сутками лежать на земле лицом вниз и не двигаться, кто двигался, в того стреляли. Людей морили голодом, не давали воды. В день выдавали одну гнилую селедку на троих, а воды привозили только одну бочку в сутки на тысячу человек. Тех, кто оставался в живых, мучили, пытали, бросали в тюрьмы.

Большую территорию вокруг Юбилейной площади и еврейского кладбища гитлеровцы отгородили под гетто. И нет теперь в Минске Юбилейной площади, а есть «Шклафн-плац», как ее называли гитлеровцы, «площадь рабов». Тут каждый день гибнут сотни евреев от фашистских пыток. Еврейское кладбище усеяно трупами. Желтые лоскуты нашиты на одежде евреев.

В Доме правительства теперь штаб гитлеровской авиачасти, в гараже Совнаркома — артиллерийская и ружейная мастерские. Все уцелевшие здания заняты штабами, эсесовцами, частями СД. Видно по всему, что оккупанты хотят превратить Минск в военно-административный и политический опорный пункт центральной боевой группировки войск. Здесь размещаются боевые резервы, сюда отводятся разбитые на фронте части для пополнения и переформирования. Здесь же находится управление железными дорогами, много разных учреждений, госпиталей. Самые большие здания занял так называемый генераль-

ный комиссариат. Гитлеровцы создали его для управления оккупированной территорией Белоруссии. В его подчинении находятся десятки различных фашистских ведомств и учреждений, в том числе огромный аппарат гестапо, СД и полевой полиции. В минских типографиях выпускаются фашистские газеты, листовки, плакаты на немецком и белорусском языках.

На каждом шагу минчанина подстерегает смерть. Однажды мне попала в руки фашистская «Минская газета» за 27 июля этого года.

Мачульский достал из кармана записную книжку, чиркнул зажигалкой и прочитал:

— «По причине систематических актов саботажа со стороны гражданского населения против немецких воинских частей (повреждение кабелей связи) расстреляно 100 человек мужчин.

За каждый акт саботажа в дальнейшем, если виновный окажется невыявленным, будет расстреляно 50 человек мужчин.

Обязанность каждого уведомлять о виновных».

В Заславле знакомые коммунисты рассказывали мне о приказе Гитлера. В нем ясно сказано, что каждый фашистский солдат имеет право грабить и убивать советских людей.

Не перескажешь и сотой доли того, что приходится переносить теперь нашим минчанам. Казалось бы, что при таких условиях люди забиты, прижаты к земле, а на самом деле, несмотря ни на что, живут минчане, живут, действуют и борются. Они ведут борьбу против фашистов на каждом шагу, но им необходимо постоянное руководство. При каждом мало-мальски удобном случае людям хочется чем-нибудь помочь нашей армии, родине. Вот что на моих глазах было. Ведут эсесовцы пригородом группу наших военнопленных. Кое-кто из горожан вышел на улицу. Один красноармеец поскользнулся у ворот, упал и подняться не может, так обессилел. Недалеко стояла женщина. В мгновение она очутилась возле красноармейца, схватила его за руки — и в калитку. Потом сама вышла и снова стоит, калитку собой загородила. Если б увидел конвойный, застрелил бы

и пленного и ее, но женщина в ту минуту, наверно, не думала о смерти.

Мачульский с минуту помолчал, свернул папиросу, потом, глубоко затянувшись, продолжал:

— Был я в одной инфекционной больнице, тоже в пригороде. В таких закоулках теперь легче остаться незамеченным. Рассказывали мне там об одной медсестре Ларисе Николаевне Козловой. Узнала она, что в больнице много наших людей и пришла на работу. Ей хотелось спасти их. Но с первых же дней стало ясно, что здесь не лечат больных, а умышленно ускоряют смерть. Лариса Николаевна, рискуя жизнью, начала по-настоящему лечить. У нее нашлись помощники, организовалась подпольная группа. Советские медики лечили наших военнопленных, переправляли их в партизанские отряды.

Большую помощь оказала Лариса Николаевна и тем нашим военнопленным, которые под видом гражданских лечились в других больницах города. Она часто заглядывала в эти больницы и, хотя сама с детьми жила впроголодь, приносила слабым больным продукты. Тем, кто поправлялся и мог встать на ноги, помогала нелегально добыть документы, одежду и давала советы, как удобней выбраться из города и добраться до ближайшего партизанского отряда. Люди выбывали из больницы, койки освобождались, и чтобы гитлеровская администрация не заметила этого, Лариса Николаевна при помощи своих людей устраивала на свободные койки больных крестьян.

Козлову арестовали. Пять суток ее непрерывно пытали в гестапо, чтобы раскрыть всю группу. Вырывали волосы на голове, ломали пальцы на руках. Ничего не сказала мужественная женщина, погибла смертью героя. Эта подпольная группа и сейчас там действует, несмотря на неслыханные зверства оккупантов.

Рассказывали мне о подпольной группе в типографии имени Сталина. Это одна из самых сильных групп. Результаты ее работы ясно видны. В городе и за городом появляются печатные листовки. Интересно, как наши наборщики, мобилизованные для ра-

боты в фашистских типографиях, выпускают эти подпольные листовки и другие документы. Особой подпольной типографии в Минске пока что еще нет, а все делается в фашистских типографиях. Наборщику дается часть текста, и он его прячет до удобного случая. Выбрав минуту, он набирает текст, связывает и снова прячет. Другой наборщик набирает другую часть текста, третий — третью и так далее. Потом все эти части складываются и печатаются уже в другой типографии, где надзор не такой строгий.

Недавно на «бирже труда» появилось объявление о том, что в немецкую артиллерийскую и ружейную мастерские требуются чернорабочие. Подпольные группы воспользовались этим: в мастерские были направлены люди, но такие, которые умели не только ремонтировать, но и выносить оружие из мастерской. Раздобыть оружие теперь очень важно. Вооружаются боевые группы на железнодорожной станции, на заводах имени Ворошилова и имени Мясникова. Много оружия в разобранном виде по частям выносится из бывшего гаража Совнаркома.

Все сказанное в эту почку Мачульским имело большое значение для дальнейшей работы обкома. Если в сельских местностях многое уже было сделано, то на города пока что мы меньше обращали внимания, так как знали, что там у нас имеются большие силы. Мы не учли, что в городах борьба более сложная. С Борисовом, Крупками, Логойском и Заславлем связь поддерживалась через Ходоркевича и Яраша, а позже через товарищей Смирнова, Лунина, Федорова. Через Шашуру, Ольховца, Храпко связь была налажена с Бобруйском, Осиповичами, Старыми Дорогами. С Пуховичами, Смолевичами, Борисовом, Червеном и частично с Минском мы были связаны через товарища Покровского — вот и все, что можно было сказать о городах.

А там теперь десятки подпольных групп требуют более оперативного ежедневного руководства. Известно, что даже одна подпольная группа в месте такого большого сосредоточения гитлеровцев, как Минск, может многое сделать, да и своевременная информация, каж-

дое сообщение из Минска будет иметь большую ценность. Если это будет, скажем, военный план — так план крупных масштабов, если директива, — так из самой ставки. В Минске размещена гитлеровская промышленность, учреждения, железнодорожный узел. Диверсия в Минске — нож в сердце врага. Наконец создание широкого минского подполья могло бы серьезно помочь массовому развертыванию партизанского движения в пригородных районах. Минским областным комитетом партии оставлены в пригородных районах надежные люди. Проверенные, стойкие коммунисты работали в Руденске, Заславле, Логойске, Пуховичах, Червени, Дзержинске, Смолевичах. Если они будут связаны с минскими коммунистами, им легче будет стать на ноги, развернуть партизанское движение в больших масштабах. Из Минска пойдут в окружающие леса и оружие, и медикаменты, и шрифты, типографские машины, бумага и все необходимое. А главное, пойдут оттуда люди, закаленные большевики, стойкие патриоты.

Я на минуту представил себе лагерь и гетто, сколько там советских людей за колючей проволокой. Горячие сердца патриотов зовут их на путь борьбы. Тысячи людей пойдут в партизанские отряды, если им помочь, подать через ограду братскую руку. И эту задачу необходимо решить наряду со миссией других необычайно важных задач.

Мачульский через некоторое время уснул, усталость взяла свое, а я еще долго лежал с открытыми глазами. Все новые и новые планы возникали в голове, как-то особенно ярко и отчетливо вырисовывались задачи ближайших дней.

ХІІІ

Некоторое время Меркуль продолжал розыски Левшевича, но безрезультатно. Исчез человек, а в чем дело, все еще нельзя было понять. Вряд ли он мог попасть в плен. Везде у нас есть свои люди, и они донесли бы нам, если бы что-нибудь произошло.

Таким образом, оставалось предположить только одно: спрятались люди где-то поближе к дому, в темном уголке и сидят ждут, пока минуют эти тяжелые дни. Трусость, должно быть, взяла верх над всем остальным.

Подоспели разные другие дела, случай с Левшевичем постепенно отходил на задний план. Мы уже начали забывать о нем, а он вдруг снова всплыл: житковичские полицейские арестовали нескольких наших связных. Это был очень тревожный факт. Кроме Левшевича, никто из тамошних жителей не знал о наших связных в деревнях Осово и Червонное озеро. Здесь уж гадать было нечего.

На бюро обкома мы всесторонне обсудили случай с Левшевичем. Надо было проявлять еще большую осторожность в подборе наших кадров. Всякая ошибка здесь могла наделать много вреда. За последнее время на Любанщине, в Старых Дорогах, Греске, Копыле, Слуцке, Красной Слободе, Глусске и в Октябрьском районе было организовано несколько новых партизанских групп, а некоторые партизанские группы выросли уже в отряды. Руководителей же этих боевых единиц мы знали не всех. В Заболотье выделилась и стала самостоятельно действовать группа Пакуша и Русакова, — этих людей мы хорошо знали, в Копыльском районе мы знали товарища Жижика и в Греском — Зайца. А вот в деревне Горное Любанского района появилась группа Розова, в деревне Живунь — группа Патрина, в Славковичах — Столярова, — об этих людях мы очень мало знали, некоторых из них даже не видели.

Партизанское движение в тылу врага — славное и благородное дело, если оно вдохновляется чувством советского патриотизма, освящено верностью родине, великой партии Ленина — Сталина. С первых дней подполья мы понимали, что могут найтись люди, которые не прочь погреть руки на партизанском движении, использовать отряд в своих эгоистических целях. А могли быть и просто провокаторы; таких мы тоже встречали на своем пути и старались ликвидировать их.

Вскоре после истории с Левшевичем начали доходить до нас слухи о каком-то Балахонове, который подвизался главным образом в Глуском районе. Население говорило о нем с ненавистью и страхом. Этот человек подобрал группу людей разгульных, бесчестных. Они вообразили, что им все на свете дозволено, и начали рыскать по району. Приедут в одну деревню, заберут лучшие продукты, одежду, а в другой деревне продают, меняют все это. Попадется под руку конь, корова, тоже не упустят.

А между тем они выдавали себя за настоящих народных мстителей. Балахонов старался даже выглядеть, как Чапаев: отпустил усы, сшил чапаевскую шапку, одежду; держал при себе молодого парня в роли ординарца и звал его Петькой. Этот «Чапаев» не воевал с оккупантами, а разгуливал по деревням, своевольничал. Правда, нам удалось быстро и до конца раскрыть смысл «деятельности» Балахонова: похоже было на то, что и сам Балахонов и его сподвижники подосланы гестаповцами с целью дискредитации партизан и всего партизанского движения, с целью возбуждения недовольства среди населения.

С группой Патрина мы вскоре познакомились. По первому же вызову командир явился в Любанский райком партни. С ним поговорили Луферов, Горбачев, Лященья, а потом все вместе они пришли в подпольный обком КП(б)Б. Патрин все до мелочей рассказал о себе, поделился с нами своими планами и соображениями. Он сразу понравился нам своей искренностью, серьезным отношением к делу, правильным пониманием указаний товарища Сталина об организации партизанской борьбы с оккупантами, умением держаться просто и с достоинством. Учитель по специальности, он перед войной работал заведующим районным отделом народного образования. В армию призван из запаса, под Барановичами был тяжело ранен. Гитлеровцы захватили его в плен. Немного окрепнув, Патрин убежал из плена и, добравшись до Любанского района, создал партизанскую подпольную группу. В ней было человек пять красноармейцев, а в основном местные люди. Группа росла с каждым днем.

Рассказывая нам о своих планах на будущее, Патрин настойчиво просил прислать ему комиссара. Наконец он и сам соглашался остаться комиссаром отряда, если райком поможет подобрать командира. Эта просьба заставила нас еще больше уважать Патрина. Хорошо было то, что человек правильно понимал огромное значение политико-воспитательной работы в отряде и среди населения, считал ее делом первостепенной важности. К сожалению, в первый период партизанского движения некоторые из наших командиров недооценивали роль комиссаров в партизанских отрядах.

Командир другой группы, Розов, был полной противоположностью Патрина. Наше предложение явиться в обком он не принял и даже не счит нужным ответить на него. Попробовал Горбачев договориться лично с ним, но успеха не достиг. Розов заявил, что ни райкомам, ни обкомам он на оккупированной территории не подчиняется и вообще не хочет знать никакого начальства.

Примерно таких же взглядов придерживался и Столяров. Мы знали, что это бывший повар, человек политически мало подготовленный. По своей неопытности и некоторой отсталости он мог просто ошибаться. Правда, очень плохо влиял на Столярова сын кулака, пробравшийся в отряд под видом красноармейца. Он стремился вовлечь Столярова в разные нехорошие дела, хотя сам Столяров не имел намерения использовать партизанское движение в каких-либо дурных целях. Розов же был военным техником, довольно образованным человеком, и его отношение к партизанскому движению, разумеется, очень удивляло нас. Здесь, вероятно, сыграло свою роль и то обстоятельство, что Розов более трех месяцев жил «вольной птицей», «в зятях» и знал лишь самого себя.

Мы решили заняться этими группами. К Столярову был послан Бельский, а я отправился в группу Розова. Найти ее было нетрудно. Все партизаны размещались в деревне, никакого лагеря, никакой базы у них не было. Каждый жил в отдельной избе — теплой и уютной: хозяйки кормили их, обмывали и обши-

вали. Розов, на правах командира, занимал самый лучший домик и жил на широкую ногу. Здесь, как и всюду, местные жители сами недоедали, а партизан и раненых советских воинов не оставляли без внимания. Они делились с ними последним. Кроме того, хлопцы из отряда Розова и сами не давали себя в обиду. Если нехватало им чего-нибудь в своей деревне, они шли в соседнюю и там добывали, что им нужно. Этим, собственно говоря, почти и ограничивалась их деятельность. Кое-где пугнули полицейских, сорвали с забора приказ коменданта, наклеили готовую листовку — вот и все их боевые дела.

В общем Розов производил впечатление весьма положительного, скромного человека. Молодое открытое лицо, высокий лоб, добрый, мягкий взгляд. Встретив такого человека, хочется говорить с ним ласково, товарищески и заранее чувствуешь, что, говоря дипломатическим языком, трудностей во взаимопонимании не будет. Розов встал мне навстречу, приветливо поздоровался, пригласил присесть.

— Николай Николаевич, — представился он, заметив, что я смотрю на него выжидательно. Ни фамилии, ни военного звания не назвал. Может быть, поэтому и группу называли везде: «отряд Николая Николаевича».

Но чем больше мы разговаривали, тем все больше и больше обнаруживались у Розова необыкновенное упрямство и чрезмерная самоуверенность. В принципе он как будто признавал необходимость партизанской борьбы, но ни с одним моим практическим предложением не соглашался. Когда я предложил ему оставить уютные квартиры, распроститься с положением «зятьев» и переселиться в лес, он даже покраснел от волнения и, еле сдерживаясь, попросил больше не напоминать ему об этом. На его взгляд, такое переселение не вызывалось необходимостью: можно воевать и сидя дома, было бы только желание.

Выходило, что Розов вообще не думал об активной партизанской борьбе. Он твердо верил, что Советская Армия скоро вернется, с врагом она справится и сама, без помощи партизан, а им, военным людям, надо

только сберечь себя, чтобы при первой возможности снова стать в боевые ряды. Больше от них ничего не требуется.

Я настаивал на том, чтобы группа немедленно перешла в лес и соблюдала надлежащую конспирацию, чтобы она в ближайшее же время выросла в сильный партизанский отряд, пополнившись за счет местного населения. Против этого Розов еще сильнее запротестовал. Растить за счет местного населения он считал чуть ли не авантюрой, пустой затеей.

— Что я с ними буду делать? — возмущался он. — Пропадешь с ними в лесу. Превратиться в интенданта, добывать для них довольствие, кормить?! Пускай сами перебиваются, кто как может. А воевать они все равно не будут. Иной боится ночью на улицу выйти, а мы его в лес потащим, в партизаны. Нет, избавьте меня, пожалуйста, от этих экспериментов, это не по моей части.

— Как раз по вашей, — возразил я. — Это обязанность каждого патриота. А прежде чем возводить поклеп на людей, надо приглядеться к ним, понять их, изучить. Здешние партизаны еще в гражданскую войну показали себя героями. Вот рядом с вами Октябрьский район, в прошлом Рудобельский. Этот район потому и назван Октябрьским, что здесь в тяжелые для советской власти дни, в гражданскую войну, широко развернулось партизанское движение, сотни партизан погибли смертью героев и об их подвигах знает вся Беларусь. Возьмите Туровский район, Старобинский. Вспомните бессмертную славу дукорских партизан! Наш прославленный герой гражданской войны дед Талаш действовал недалеко отсюда, в Петриковском районе. Вы можете с ним встретиться. Недавно я получил донесение, что и теперь дед Талаш не сидит без дела. С первых дней войны он включился в борьбу, хоть гитлеровцы не раз в своих листовках угрожали ему смертью. Он теперь собирает оружие, боеприпасы, дает советы младшему поколению партизан и подпольщиков. И это, несмотря на то, что человеку уже за девяносто. Разве вам не известно, что белорусские партизаны в дни Великой Отечественной

войны еще более геройски проявили себя и правительство отметило их героизм высокими наградами?

Когда через несколько дней я снова навестил деревню Горное, группы Николая Николаевича здесь уже не было. Но найти ее было нетрудно: первый встретившийся мне мальчик показал место новой «дислокации» группы. Оно находилось в небольшом лесу, почти рядом с деревней, и, как мне показалось, служило больше для отвода глаз, чем для дела.

— Задание ваше выполнил, — доложил мне Розов: — перешли на лагерное положение, готовимся к зиме.

— Хорошо, попробуем.

Землянка была просторная, неплохо оборудованная, только жильем в ней что-то не пахло. По всему было видно, что партизаны построили землянку построили, а ночевать ходили, как и раньше, в деревню.

— А где же ваша кухня, — спросил я, — запас продуктов?

Розов покраснел.

— Еще там, в деревне, — смущенно ответил он.

— Подготовьте группу к боевой операции, — приказал я.

Приближалась двадцать четвертая годовщина Октября. Мы уже несколько дней разрабатывали план крупных операций в честь славной годовщины. Это было единодушное желание партизан, воля всего населения. Намечалось разгромить немецкие гарнизоны в Любани, Копаткевичах, Житковичах, Погосте, Красной Слободе и Копыле, организовать крупные диверсии в городах. За Любанью уже давно следил Евстрат Горбачев. Там у него были свои глаза и уши. Связные и подпольные группы уведомляли обо всем, что делалось в гарнизоне. Загальский колхозник Виктор Раменьчик уже около месяца ходил в полицейской форме, нес охранную службу, ездил на засады. В гарнизоне его считали очень преданным и активным полицейским, и только мы знали о настоящей службе этого человека. Раменьчик доставил нам планы размещения гарнизона, всех укреплений и огневых точек. Он регулярно сообщал о всех

планах и намерениях любанской комендатуры и гарнизона, старательно готовился к тому дню, когда партизаны совершат налет. Ему хотелось лично участвовать в этом налете.

Параллельно с Горбачевым вел разведку в Любани Патрин. Две партизанки его отряда несколько дней жили нелегально в городском поселке и раздобыли там очень ценные сведения. Потом все данные разведки были в штабе обобщены и систематизированы.

Сведения о копаткевичском, житковичском и других гарнизонах принесли нам разведчики, которых мы послали еще с Червонного озера. Стояла задача — собрать все наши силы, координировать действия отрядов и ударить по гарнизонам одновременно.

Николай Николаевич молча выслушал мой приказ, козырнул в знак согласия, а потом осторожно начал возражать.

— У меня нет необходимого оружия, — растерянно говорил он, — нет боеприпасов, нет продуктов.

— Все должно быть, — повторил я. — За полтора месяца сидения в деревне можно было позаботиться об этом.

— А на какую операцию? — уже с большим интересом спросил Розов.

— Узнаете за несколько часов до начала.

— Есть. Когда и куда прибыть?

Я назначил время и место явки. Через день на условленное место пошел Роман Наумович. Вернувшись, он рассказал, что Розов выполнил приказ, только с вооружением у него плоховато: совсем нет автоматического оружия и очень мало патронов. Просил дать ему еще два дня, и он достанет станковый пулемет и несколько ручных. Я разрешил: день наших боевых операций был еще не очень близок.

Группу Столярова Иосиф Александрович едва нашел. Столяров не сидел на одном месте, как Розов, а рыскал по многим деревням и везде гулял, пьянствовал. Иногда он на некоторое время выходил даже в лес, но только ради интереса: побыв там дня два, он снова возвращался в деревню.

Операция была назначена на четыре часа утра 7 ноября. В целях большей конспирации, а также стремясь к тому, чтобы руководство было максимально оперативным, обком со своей группой перебрался на остров Зыслав, где в то время находилась основная база отряда Далидовича. Мы связались с Коржем и Меркулем, Жуковским, Жижиком, Зайцем, Покровским, Петрушеней, Храпко, Павловским и с группой житковичских коммунистов. Павловский с Махонько должны были действовать в Копаткевичском районе: надо было нанести удар там, где его не ожидают. От такого удара врагу трудно будет оправиться. Не было ни одного района в Минской области, а в районах — ни одной группы или отряда партизан, которые к этому великому празднику не готовили бы, как подарок, ударов по врагу.

На Любань должны были идти отряды Далидовича, Патрина и Розова. Гарнизон там был большой и хорошо укрепленный.

Незадолго перед операцией Мачульский и Варвашеня принесли на остров новый радиоприемник со всеми необходимыми принадлежностями. Аппарат нам всегда нетрудно было достать, а вот с батареями иногда приходилось туго. Часто люди ходили за ними за полсотни километров. Большую помощь оказал нам один местный житель, старый коммунист Герасим Маркович Гальченя. Как раз к этому времени он пришел в Любанский район. Война захватила Гальченю в Белостокской области, где он в то время работал. В июле ему удалось добраться до Гомеля. Там он зашел в ЦК КП(б)Б. Некоторое время Гальченя пробыл в резерве, а потом его направили в Любанский район. С ним были Филиппушка и Костиюковец — люди преданные нашей родине, нашей партии. С месяц они добирались к нам, потом прошло еще недели две, пока им удалось связаться непосредственно с обкомом. Горбачев познакомился с ними несколько раньше, чем я, а к нам Гальченя попал только перед праздником.

Сразу было видно, что это человек с большим опытом, смелый, инициативный и добросовестный. Такие

люди были нам особенно необходимы, тем более, что Герасим Маркович знал не только свой район, но и соседние районы, имел множество знакомых среди местных жителей и обладал исключительными способностями следопыта: легко ориентировался в любой местности, в любое время суток мог провести через любое болото или лес.

Когда надо было добыть что-нибудь очень нужное для штаба, Герасим Маркович всегда почти безошибочно указывал, где и у кого можно достать необходимое. Зашел разговор о новом радиоприемнике, и он сказал, что аппарат можно взять у жены местного лесничего Веры Сущени, а батареи найдутся только у одного очень дальнего человека, его хорошего знакомого, да еще у некоторых его родственников.

Нашлись специалисты по установке антенн и радиоприемника. Набралось несколько человек, умеющих быстро записывать принятые передачи, в их числе — Филиппушка, Костюковец и работник обкома Сакевич. Мы хотели как можно больше записать из того, что удастся услышать из Москвы. Иван Денисович сам отрегулировал радиоприемник. С пяти часов вечера 6 ноября он начал ловить Москву.

Двери штабной землянки открыты настежь. Желтоватый, дрожащий свет лампы, стоящей на столе возле приемника, освещает взволнованные и напряженные от ожидания лица людей. И в землянке и возле нее много партизан и людей из соседних деревень. Наступал великий праздник, и каждому хотелось почувствовать его всем сердцем. Двадцать три года люди праздновали годовщину Октябрьской революции. Это уже стало традицией, духовной потребностью советского человека.

И снова пришел великий праздник, а кругом фашисты. Вполне понятно, что людей потянуло туда, где можно дать волю своим мыслям и чувствам, где можно хоть на минуту отдаться праздничному настроению и где, наверное, будут добрые вести.

Жила у людей непоколебимая уверенность в том, что день двадцать четвертой годовщины Октября должен принести что-то радостное, счастливое. Не хо-

телось думать о тяжелом, печальном, хотя судьба любимой столицы вызывала тревогу. На города и деревни фашистские стервятники сбрасывали листовки, в которых заявляли, что гитлеровцы якобы уже взяли Москву. Ежедневно в отрядах партизаны слушали сводки Советского информбюро, ежедневно партизанские агитаторы расходились по деревням со свежими вестями с фронтов. Но не всегда эти вести были такие, какие хотелось услышать: люди ожидали решительного перелома, ждали крупных побед.

В лагерь пришли все, кому можно было сюда прийти: свободные от службы партизаны, наиболее надежные и проверенные связные, деревенские коммунисты — руководители подпольных групп, комсомольцы. Здесь можно было увидеть многих из тех, кто присутствовал на первом районном партийном подпольном собрании на лесной полянке. Вот на пороге землянки, прислонившись широкими плечами к косяку, сидит Григорий Иванович Плышевский — председатель Загальского колхоза, тот самый, что приходил на партсобрание с самодельным пулеметом. Его группа уже выросла в самостоятельный отряд и провела несколько довольно значительных операций. Рядом на пеньке примостился Степан Корнеев, бывший председатель Загальского сельсовета, а теперь командир роты в отряде Далидовича.

Пришла сегодня и Феня Кононова — учительница, секретарь подпольной комсомольской организации в деревне Нижин. Закутанная в большой теплый платок, при неверном свете лампы, она выглядела совсем солидной, пожилой женщиной. Со времени партийного собрания она заметно изменилась: взгляд карих, темных глаз стал глубже и спокойней. Девушка внимательно следила за всем окружающим. В течение последних месяцев Феня провела большую работу в своей и соседних деревнях. С помощью Любанского подпольного райкома комсомола, секретарем которого был назначен Адам Майстренко, она организовала в деревне Нижин сильную комсомольскую группу и нашла для нее немало полезной работы. Комсомольцы собирали для партизан оружие

и боеприпасы, спасали наших бойцов, попавших в плен, проводили диверсионную работу на дорогах, распространяли листовки. Кроме того, в доме Кононовых была одна из главных конспиративных явок.

Трудной и опасной была жизнь этой скромной девушки. Выполняя свой патриотический долг, она жертвовала всем. Часто Феня вместе со своей сестрой, комсомолкой Марией, доставляла нам необычайно важные сообщения из Слуцка, Осипович, Бобруйска об отрядах гитлеровцев, об их планах, маршрутах. Каким бы трудным ни было задание, Кононова, не колеблясь, бралась за него и всегда точно выполняла.

Иван Денисович Варвашеня с наушниками все шарит и шарит в эфире. Присутствующие, не отрываясь, следят за движением его рук, заглядывают ему в лицо.

Люди ожидают уже около двух часов. Здесь много партизан, которым скоро надо будет идти в бой. Услышать бы им хоть что-нибудь о Москве, о советском тыле, — тогда легче было бы воевать, рука крепче держала бы оружие.

Роман Наумович подсел ближе ко мне и шепчет, как бы продолжая наш недавний разговор:

— После боя снова пойду в Минск, в Бобруйск.

— Пойдешь, если пошлем, — шопотом отвечаю я.

— Обязательно надо туда послать, — убеждает меня Мачульский. — Не меня, так еще кого-нибудь. Со всеми нашими городами надо связаться, создать там крепкое партийное подполье.

— Теперь уже, Роман Наумович, надо не только создавать подполье, но и уметь им руководить, чтобы оно было действенным, поднимало людей на борьбу. Вот что сейчас нужно.

Я замолчал и тронул Мачульского за локоть, заметив, как сосредоточенно-спокойное лицо Ивана Денисовича осветилось радостью. И вдруг красный глазок приемника начал постепенно темнеть, — разрядилась батарея. Все беспокойно задвигались, стали звать Гальченю. Несколько пар рук лихорадочно взялись налаживать аппарат. Не прошло и трех минут, как Варвашеня снова схватился за наушники.

— Что ты услышал тогда? — спросил его Мачульский.

— Мне показалось... — Иван Денисович не договорил и хотел надеть наушники.

— Что, что? — посыпалось со всех сторон. — Скажи, что показалось, что послышалось?

Варвашеня улыбнулся и, как бы извиняясь за свою неуверенность, сказал:

— Мне показалось, что я услышал голос товарища Сталина.

И он снова углубился в свое занятие. Его поиски теперь были еще более напряженными, это было заметно по движениям пальцев, по выражению лица. Должно быть, в душе Иван Денисович верил, что тот голос, который на мгновение долетел сюда, на далекий партизанский остров, был голосом вождя.

Через некоторое время, сквозь шум и треск, снова в наушниках послышался знакомый голос. Варвашеня поднял руку и сказал торжественно и взволнованно:

— Сталин, товарищи!

Он повернул регулятор, и из радиоприемника, наполняя наши сердца невыразимой радостью и надеждой, раздался такой родной и знакомый голос великого вождя:

«Теперь этот сумасбродный план надо считать окончательно провалившимся».

Из приемника загремели аплодисменты.

— Какой это план? Что Иосиф Виссарионович сказал перед этим? — спросили сразу несколько человек. Они надеялись, что Иван Денисович слышал начало речи.

— Это о плане молниеносной войны, — быстро объяснил Варвашеня. — Тише, товарищи!

«Чем объяснить, — ровно и спокойно звучал голос Иосифа Виссарионовича, — что «молниеносная война», которая удалась в Западной Европе, не удалась и провалилась на Востоке?»

На что рассчитывали немецко-фашистские стратеги, утверждая, что они в два месяца покончат с Советским Союзом и дойдут в этот короткий срок до Урала?»

— Должно быть, торжественное заседание в Москве, — взволнованно прошептал Мачульский.

Если звучит голос Москвы в эфире, значит Москва живет! Привет тебе, родная столица! Голосом великого Сталина дорогая Москва приветствовала людей в глубоком тылу врага, на глухом полесском островке.

«Неудачи Красной Армии, — продолжал товарищ Сталин, — не только не ослабили, а наоборот, еще больше укрепили как союз рабочих и крестьян, так и дружбу народов СССР».

Снова загремели аплодисменты, некоторые из присутствующих тоже начали аплодировать, но на них сразу же зашикали, замахали руками. Слова вождя хорошо были слышны в землянке, их можно было разобрать и возле открытой двери, а дальше они становились неразборчивыми, сливались. Только ясно было одно, что говорит Сталин. Радостно было слушать голос вождя, сначала люди ничего больше и не желали, а потом появился жадный интерес к содержанию. Самый дальний спросил у соседа, сосед передал вопрос дальше и так дошло до Григория Плышевского, который сидел на пороге землянки. Тот ответил раз, другой, а потом начал тихонько повторять сталинские слова. Из уст в уста шопотом передавались мудрые слова величайшего в мире человека и шли по всему острову.

«Существует только одно средство, необходимое для того, чтобы свести к нулю превосходство немцев в танках и тем коренным образом улучшить положение нашей армии. Оно, это средство, состоит не только в том, чтобы увеличить в несколько раз производство танков в нашей стране, но также и в том, чтобы резко увеличить производство противотанковых самолетов, противотанковых ружей и орудий, противотанковых гранат и минометов, строить побольше противотанковых рвов и всякого рода других противотанковых препятствий.

В этом теперь задача».

— В этом теперь задача! — послышалось среди партизан. Позже эта фраза молнией пролетела по отрядам и крепко прижилась в партизанском лексиконе.

«Отныне наша задача, задача народов СССР, задача бойцов, командиров и политработников нашей армии и нашего флота будет состоять в том, чтобы истребить всех немцев до единого, пробравшихся на территорию нашей Родины в качестве ее оккупантов».

— Правильно! — возбужденно заговорили партизаны, некоторые даже подняли руки. — Правильно!

И уже вслед за ними Плышевский повторял: «Правильно!» Потом, помолчав немного, торжественно добавил:

— Ура, товарищи, ура!

Несколько человек, забыв обо всем на свете, подхватили этот возглас. Из землянки подали знак, и «ура» оборвалось.

А через несколько минут Плышевский, ничего не сказав, вдруг засмеялся. Глядя на него, засмеялись и другие, не зная еще над чем. И только через минуту Григорий Иванович, еле сдерживая смех, объявил:

— Гитлер похож на Наполеона не больше, чем котенок на льва.

И покатился смех бурной волной. Тут уже ничто не могло помочь. Можно удержать людей от аплодисментов, от криков «ура», если этого требуют обстоятельства, но уж если партизан начал смеяться, лучше не мешать ему, пока не насмеется вдоволь, — все равно не остановишь. За последние полгода люди мало смеялись, мало веселились, а смеются тому, что и в самом деле смешно, и просто от радости и возбуждения. Товарищ Сталин, должно быть, умышленно сделал здесь паузу, чтобы не мешать людям посмеяться.

В конце доклада все встали. «Великому Сталину ура! — неслось из приемника. — Да здравствует товарищ Сталин!»

Потом, вслед за москвичами, Плышевский во весь голос запел «Интернационал». И в одно мгновение все на острове подхватили этот могучий гимн борьбы.

Время было отправляться на боевые операции. Из землянки вышли повеселевшие командиры отрядов и групп. В сердце каждого звучали сталинские слова, его глубокие, мудрые выводы внушали бодрость и го-

рячее желание отдать все силы на борьбу с врагом. У радиоприемника остались Сакевич, Костюковец, Филиппушка и еще несколько партизан с карандашами и бумагой. Они сверяли свои записи. Варвашеня отозвал в сторону руководителей подпольных групп, Феню Кононову и связных. По поручению обкома он объявил им, что завтра к полдню будет выпущена специальная листовка с докладом товарища Сталина. Для этого в лагере оставляется группа людей. Их работа будет считаться боевым заданием. Что не удалось записать теперь, запишут по передатчику ТАСС. Необходимо завтра выслать своих людей на явочные пункты, чтобы во-время забрать листовки и распространить их среди населения.

XIV

План любанской операции состоял в следующем: две боевые группы со станковыми пулеметами предполагалось выслать вперед, чтобы перерезать дороги из Любани на Уречье с севера и на районный центр Старобин, Погост, Слуцк с запада. Было известно, что в любанской комендатуре имеется телефонная и радиосвязь с соседними гарнизонами. В любое время гитлеровцы могли подбросить подкрепления. Мы перерезали телефонные провода, а концы их подключили к своим аппаратам: если будут звонить в Любань из соседних гарнизонов и спрашивать, что там за стрельба, наш телефонист по-немецки должен был ответить, что комендант занят, а партизаны стреляют где-то в лесу. Подготовка к операции проводилась в строжайшей тайне.

Специальные ударные группы гранатометчиков и автоматчиков, под общим командованием Бельского и Варвашени, должны были бесшумно подползти к большому глинобитному зданию, в котором помещалась комендатура, снять часовых и ровно в четыре часа утра атаковать эсесовцев. Командиром группы автоматчиков был назначен Дмитрий Гуляев, комиссар отряда Далидовича. К этой группе был присоединен отряд Патрина. Остальные партизанские силы разде-

лили на две части. Одна часть должна была наступать с северной стороны местечка, другая — с южной.

Наша задача осложнялась тем, что к юго-востоку от Любани протекает река Оресса, а к западу находится болото.

К двум часам ночи 7 ноября бойцы Гуляева и отряд Патрина подошли к тому месту Орессы, где она ближе всего подходит к Любани. Здесь был мост, и он служил единственной переправой через реку. Гитлеровцы воспользовались этим — поставили здесь сильную охрану и, таким образом, защитили себя от опасности нападения со стороны лесистых участков района.

Этот заслон мог стать для нас значительной помехой. Мы знали об охране моста. Предполагалось снять ее без шума, но если часовой все-таки успеет поднять тревогу, тогда наша операция примет совсем другой характер. Все это необходимо было учитывать.

Я вызвал к себе командиров передовых подразделений:

— Что думаете делать? — спросил я у Гуляева.

— Сомну, — тихо ответил он, — никто и пискнуть не успеет.

В его голосе звучала решимость и уверенность. Рядом со мной стоял Горбачев, он тоже получил задание: в районный центр любым способом заслать пятерых партизан, которые в назначенный час подойдут к мосту из городка и по сигналу бросятся на охрану. Затем я приказал выделить две группы: одну от Гуляева, другую от Патрина. Они должны были подойти к мосту не по дороге, а вдоль реки: одна с правой стороны, другая с левой. Задача этих групп: во что бы то ни стало уничтожить охрану. Если не удастся снять ее бесшумно — уничтожить быстро и в ту же минуту ворваться всем в районный центр, чтобы не дать гитлеровцам принять боевой порядок и занять построенные ими укрепления.

На мост пошли четырнадцать смельчаков: семь с одной стороны, семь с другой, а пятеро партизан должны были подойти со стороны города. Улучив удобный момент, они набросились по сигналу на не-

мецкие патрули, обезвредили их. Три вражеских пулеметчика и несколько гитлеровцев в караульном помещении были уничтожены.

Дорога очищена, отряд и группы двинулись по заранее намеченным маршрутам на свои позиции.

Подшли точно по плану к зданиям, где разместились эсесовцы. наших бойцов окликнул часовой. Короткой очередью из автомата Гуляев скосил фашиста. Стрелять раньше времени запрещалось, это могло всполошить гарнизон, но иного выхода не было. Пока гитлеровцы забили тревогу, группы Гуляева успели достигнуть глинобитного здания. Загремела «карманная артиллерия». Слышался звон стекла, дикие крики и стоны гитлеровцев. С вышек застрочили два станковых пулемета. Фланговые группы Патрина открыли огонь по вышкам и по окнам дома. Затрещали немецкие пулеметы и с других огневых пунктов, но с перепугу гитлеровцы били невпопад. В темноте, хорошо зная каждый закоулок в городе, наши боевые группы обошли их.

Кроме отряда эсесовцев, в Любани была комендантура, гестапо, отряд полиции. Они были атакованы отрядами Далидовича и Розова. Оккупанты пробовали сопротивляться: на улицах началась беспорядочная стрельба, но налет был такой неожиданный, что вся фашистская шайка, охваченная паникой, не сумела занять оборону.

Бой продолжался около двух часов, он прошел даже с большим успехом, чем мы ожидали. Вражеский гарнизон был полностью разгромлен. Больше полсотни фашистов было убито, много ранено, часть полицейских разбежалась. Наши отряды захватили много оружия, боеприпасов, продуктов и одежды. Значительная часть продуктов и одежды была роздана местному населению.

Утром, когда основные группы отошли от Любани и временно остановились в деревне Редковичи, мы получили донесения командиров засад на дорогах. Они сообщали, что вражеских подкреплений не видно. Это немного удивило нас: неужто наш удар был таким внезапным, что гитлеровцы не успели под-

нять тревогу? Я отдал приказ снять заставы. В это время наш телефонист доложил, что звонили из соседних гарнизонов, но он ответил на тревожные распросы по-немецки: «Ничего страшного в Любани не происходит, просто пугаем стрельбой партизан». Фашисты и успокоились.

Совсем рассвело, наступило холодное, но безветренное и довольно ясное утро поздней осени. Солнце поднялось и засверкало на стеклах окон трепетными разноцветными огоньками. Легкий иней таял на крышах, светясь и поблескивая водяными капельками. Наступил тот волнующий час, когда советские люди выносят из дому красный флаг, вывешивают его и, радостные, взволнованные, идут на демонстрацию.

Солнце светило ласково, по-праздничному; нас так и тянуло отложить на некоторое время все дела и организовать в приютившей нас деревне демонстрацию, провести праздник по всем правилам, как в доброе мирное время. Но задерживаться надолго мы здесь не могли. Было ясно, что фашисты скоро спохватятся, бросят войска на Любань, тогда нам труднее будет отойти на свои базы. Вот уже и девять часов утра.

На улицу вышли девушки, одетые по-праздничному. Празднование годовщины Великого Октября стало духовной потребностью советских людей. Накануне оккупанты объявили, что все советские праздники отменяются, что празднование годовщины Октябрьской социалистической революции будет жестоко караться, но вот девушки все-таки вышли. Постепенно на улице собралось много людей. Сначала несмело, осторожно, потом в полный голос они начали заговаривать с нашими партизанами. Узнав, что это мы сегодня ночью разгромили любанский гарнизон, крестьяне многозначительно, с искоркой одобрения в глазах улыбались, подмигивали друг другу. Слово за словом, узнали крестьяне, что вчера вечером мы слушали доклад товарища Сталина. Вот тут и пошло!.. Обступили нас со всех сторон, просят задержаться хоть на одну минуту, хоть в двух словах рассказать, что слышно из Москвы, из Кремля, что говорил Иосиф Виссарионович — наш родной и любимый отец.

Так возник в Редковичах праздничный митинг. Рискуя попасть в опасное положение, мы все-таки немного задержались в деревне. Я поздравил собравшихся с праздником двадцать четвертой годовщины Октябрьской социалистической революции и передал содержание речи товарища Сталина на торжественном заседании в Москве.

Казалось, ни в один праздник люди не переживали такой огромной захватывающей радости. И мы радовались вместе с ними. Радовались тому, что недавно слышали голос Сталина, что родина наша устояла перед вражеским натиском и чем дальше, тем больше крепнет наша Советская Армия. Наконец радовались и тому, что наш первый большой партизанский бой прошел с успехом.

Солице стояло над крышами, когда мы покидали деревню. По улице шли строем, все крестьяне провожали нас. А на углах хат, на воротах начали появляться красные флаги. Редковичи приветствовали двадцать четвертую годовщину Октября. У партизан тверже становился шаг; красные флаги приветствовали и нашу победу, звали нас вперед.

По дороге в лагерь нас догнали партизаны одной из наших застав. На их повозке возле станкового пулемета лежал какой-то человек, вымазанный грязью так, что трудно было разглядеть его.

— Кто такой? — спросил я у командира заставы.

— Полицейский, — уверенно ответил тот, — схватили возле местечка, бежал куда-то.

— А почему на повозке, разве он итти не может?

— Да не может, товарищ командир. Заморыш какой-то, должно быть гниловатый, а тут еще хлопцы дали ему припарки, он и сомлел.

— Счастье его, — вмешался в разговор Яков Бердникович, — что быстро объял. Еще прикидывается своим, дураков нашел. Вот очнется, так мы ему еще...

— Никаких самосудов! — резко оборвал Я Бердниковича и позвал Горбачева. Тревожная догадка мелькнула у меня: возможно, это действительно наш человек, тот самый подпольщик, которого Горбачев пристронл в любанском гарнизоне.

К величайшему удивлению партизанской заставы, и особенно Бердниковича, который больше всех постарался, проучивая «полицейского», выяснилось, что это и есть Раменьчик, наш партизан-разведчик. Он чуть было не погиб во время налета. Действительно, сложное положение у человека. Разведчику нужно было оставаться в гарнизоне до последней минуты и ожидать наших. Раменьчик пошел на самопожертвование и добросовестно выполнил свой патриотический долг. Он постарался устроить так, чтобы с двух часов ночи самому стоять часовым. При появлении партизан он бросил пост и, воспользовавшись паникой и переполохом среди гитлеровцев, испортил в комендатуре рацию, чтобы слущкий, погостский и старобинский гарнизоны не могли прислать подкрепления. Потом, чтобы не попасть под горячую руку партизанам, Раменьчик спрятался в надежном месте, переждал самый критический момент и направился в ту сторону, куда отошли партизаны. Тут его и схватила наша застава.

В лагере нас ожидала радостная новость. Работник обкома Сакевич, остававшийся в лагере вместе с небольшой группой партизан для выпуска листовок, рассказал нам, что в Москве, на Красной площади, состоялся военный парад, на котором с речью выступил товарищ Сталин. Текст речи удалось записать.

«...Товарищи красноармейцы и краснофлотцы, командиры и политработники, партизаны и партизанки! На вас смотрит весь мир, как на силу, способную уничтожить грабительские полчища немецких захватчиков. На вас смотрят порабощенные народы Европы, подпавшие под иго немецких захватчиков, как на своих освободителей. Великая освободительная миссия выпала на вашу долю. Будьте же достойными этой миссии! Война, которую вы ведете, есть война освободительная, война справедливая. Пусть вдохновляет вас в этой войне мужественный образ наших великих предков — Александра Невского, Дмитрия Донского, Кузьмы Минина, Дмитрия Пожарского, Александра Суворова, Михаила Кутузова! Пусть осенит вас победоносное знамя великого Ленина!

За полный разгром немецких захватчиков!»

В скором времени начали поступать донесения из других районов. Первым явился посыльный от Меркуля и Коржа. Его доклад доставил всем нам немало веселых минут. Дело в том, что отряд Коржа вместе с группой Меркуля, при активной помощи колхозников, весьма хитроумным способом уничтожил три полицейских гарнизона в деревнях Забродье, Червоное озеро и Осово. К операции Корж подготовился хорошо. Подробно изучив обстановку, Василий Захарович решил не тратить на полицейских много патронов, а захватить их всех без шума. Это можно было сделать, только имея большой опыт партизанской борьбы. О своем плане Корж рассказал членам Старобинского райкома партии. План был одобрен. Районный подпольный партийный комитет выделил в помощь Коржу группу бойцов Меркуля. Поговорили с партизанами; их тоже захватил смелый и оригинальный план очередной операции.

Начали действовать. Василий Захарович Корж, командир партизанского отряда, взял на себя роль «переводчика». Комсомолец партизан Нордман, неплохо владевший немецким языком, переоделся в форму гитлеровского офицера: он играл роль «коменданта». Несколько партизан переодели в немецкую форму. В боевую группу подбирались люди смелые, решительные, с большой выдержкой и сильной волей.

Перед рассветом подошли к деревне Забродье. Поставили вокруг пулеметы, потом разделились на группы по два, по три человека и пошли дальше. Корж шел с «комендантом». Гитлеровцы и полицейские здесь были не на казарменном положении, поэтому приходилось заходить «в гости» к каждому в отдельности. Корж направился к дому старосты. Остановившись возле его хаты, Василий Захарович громко постучал в окно.

— Кто там? — отозвался хриплый мужской голос.

— Комендант Шульц, — грозно проговорил Нордман.

А «переводчик», в свою очередь, объяснил:

— Пан комендант хочет поговорить с вами.

Тем временем «комендант» начал выкрикивать немецкие слова, подбирая наиболее грубые и оскорбительные. Прошло несколько минут, и в окнах появился свет, потом загремел запор, дверь открылась. Корж в сопровождении двух переодетых партизан вошел в хату. Староста, пожилой мужчина с лысиной, угодливо поклонился, что-то пробормотал, но, выпрямившись, вдруг весь побелел, узнав одного из партизан. Судорожным взмахом руки он сбил лампу, бросился в сени и схватил топор. Стрелять он побоялся, так как в хате были его жена и дети. Коржу тоже нельзя было стрелять: в темноте можно было попасть в своих. Завязалась короткая, отчаянная борьба. Стоило сделать какой-нибудь промах, и провалилась бы вся операция.

В таких случаях главное — решительность и быстрота. Поймав фонариком старосту, Корж нацелил на него пистолет и приказал бросить топор. Яркий свет ослепил «полицая». Старосту связали и вытащили на улицу.

А тем временем партизаны расправились с остальными полицейскими деревни Забродье. Местные колхозники помогали партизанам ловить и уничтожать врагов. Тех, кто остался в живых, забрали с собой, крепко связав им руки.

Двинулись дальше. Было уже светло, но партизаны шли строем, не скрываясь. Вскоре показалась деревня Червонное озеро. Не доходя до нее с полкилометра, Корж приказал положить всех полицейских на землю лицом вниз, здесь же возле повозок оставил охрану с пулеметами, а сам с Нордманом и группой партизан пошел в деревню. Встретив на улице полицейского, «переводчик» велел ему проводить «пана коменданта» к старосте. Тот рад был угодить начальству.

— Давно служишь? — спросил его Корж.

— Давно, — угодливо ответил полицейский, — с первых дней освобождения.

— Ого! — «переводчик» сделал удивленное лицо. — Ветеран, значит?

— Что?

— Ветеран, говорю, старый служака. Здешний или приезжий?

— Здешний, но последние годы не был здесь.

— А где?

— В советской тюрьме.

— Так, так, — закивал головой «переводчик».

А «комендант» одобрительно сказал:

— Гут, гут!

— Нагоревался ты, видно, нагоревался, — продолжал «переводчик». — И верно ни за что?

— За пустяки, — охотно выкладывал «немцам» полицейский, — стрелял в одного активиста во время коллективизации, да плохо попал, только ранил.

— Нагоревался, нагоревался! — сочувствовал «переводчик». — Ну, ничего, теперь ты у нас нужный человек, послужишь еще немного, награду дадим, повысим.

— По-о-весим... — медленно, с расстановкой повторил «комендант» и одобрительно закивал головой. Лицо его выражало удовольствие оттого, что и он сумел кое-что понять по-русски и даже принять участие в разговоре: — По-ове-сим.

Полицейский испуганно взглянул на него.

— Не бойся! — успокоил его «переводчик». — Пан Шульц еще только учится говорить по-русски.

Подойдя к дому старосты, Корж оставил партизан во дворе, а сам с «комендантом» вошел в хату.

— Добрый день, пан! — сказал «переводчик», в то время как «пан комендант» поздоровался по-немецки. — Как здоровье пана?

Староста, низко поклонившись, хотел ответить на вопрос, но «комендант» что-то выкрикнул по-немецки.

— Виноват! — козырнув, ответил «переводчик» и, резко повернувшись к старосте, проговорил:

— Пан комендант не интересуется вашим здоровьем, а приказывает сейчас же собрать весь гарнизон в школу. У него будет важное сообщение. Все должны прийти с оружием.

Староста еще раз поклонился:

— Слушаю!

«Комендант» и «переводчик» пошли в школу. Скоро туда стали собираться полицейские, и когда все были в сборе, «комендант» дал знак «переводчику» начинать. «Переводчик» встал, окинул всех недовольным, злым взглядом и начал резко:

— Лодыри вы, лежебоки, а не помощники немецкого командования! Пан комендант очень недоволен вами. Почему вы не нападаете на партизан в лесу, а сидите по своим хатам, как приказчики в лавках? Сидите и ожидаете, пока партизаны сами к вам придут? Даже охранную службу не несете, пароля не имеете. Почему и сюда некоторые пришли без винтовок?

В заключение «переводчик» от имени «коменданта» приказал полицейским сейчас же идти к повозкам, которые стоят за деревней, и получить там автоматы.

— Пойдете на крупную операцию, — объяснил «переводчик».

Полицейские под командой старосты направились в указанное место, а там их встретил Меркуль, который со своей группой, вооруженной пулеметами, все время внимательно следил за всем, что происходило в деревне.

— Сложить винтовки! — скомандовал он.

Некоторые полицейские узнали Меркуля и бросились бежать, но сейчас же были скошены автоматной очередью. Остальные поспешно выполнили команду.

— Ложись на землю! — приказал Меркуль.

Услыхав стрельбу, всполошился соседний, осовский гарнизон. «Полицаям» захотелось узнать, что делается в Червонном озере. Подойдя к деревне и увидя на краю ее группу людей, осовские полицейские рассыпались в цепочку и залегли. Издали им трудно было рассмотреть, что за люди возле деревни Червонное озеро.

Корж тоже заметил непрощенных гостей. Он приказал Меркулю взять их на прицел, а сам с «комендантом» и небольшой группой партизан под командой Шатного пошел навстречу полицейским. Корж уже совсем вошел в роль «переводчика», громко ругался, энергично размахивал пистолетом и кричал:

— Пан комендант приказывает вам немедленно выступить для совместных действий против партизан! Сейчас же подойдите!

Через несколько минут полицейские решили направить к Коржу своего парламентаря. Сначала показался белый лоскут на штыке, потом один полицейский встал и мелкими, неуверенными шагами стал приближаться.

«Комендант» выкрикнул что-то непонятное, а «переводчик» спросил:

— Полицейские вы или чорт знает кто?

— Полицейские, пан, полицейские, — залепетал парламентар.

— Пан комендант не верит, что вы полицейские, — грозным голосом продолжал «переводчик». — Какого чорта вы прячетесь во время операции против партизан! Если вы действительно полицейские, пан комендант приказывает вам немедленно подойти к нему.

Полицейский бегом поспешил к «коменданту». В этот момент Корж взглянул на Шатного и удивился. В нескольких шагах от него стоял уже не Шатный, бесстрашный партизан, а невзрачный, горбатый полицейский: подбородок у него подвязан был каким-то старым черным платком, шапка надвинута на уши, шея втянута в воротник. В чем дело? Но не время теперь спрашивать.

Корж обратился к парламентарю.

— Кто у вас старший?

— Я, — ответил полицейский.

— Фамилия?

— Левшевич, пан.

«Переводчик» даже вздрогнул, но виду не показал. Очень уж запомнилась ему эта фамилия.

— Зови сюда всех! — приказал он.

— Это наши! — крикнул Левшевич своим. — Это наши, идите сюда!

Четырнадцать полицейских поднялись и направились к Меркулю. Когда они незаметно были взяты под конвой, Корж тихо спросил Шатного:

— Зачем ты так обмотался?

— Чтобы не узнали раньше времени, — прошептал Шатный. — Этот Левшевич меня знает.

Но ни предателю Левшевичу, ни его подчиненным не пришло в голову приглядываться к приезжим «полицейским».

Когда же они подошли к повозкам и очутились под дулами пулеметов, Шатный снял повязку, выпрямился и подошел к Левшевичу.

— Партизаны! — не своим голосом закричал Левшевич, но тут же был сбит с ног ловким ударом Меркуля.

— Бросай оружие! — скомандовал Меркуль.

Насколько полицейские были жестоки и безжалостны с населением, настолько трусливы оказались здесь. Все сразу побросали оружие, а Левшевич пытался доказать, что он не виноват, что его силой заставили пойти в полицию.

— Выродок ты поганый! — выругался Меркуль. — Ты думал, что мы так и не доберемся до тебя!

И здесь же перед всеми партизанами он доложил Коржу, кто такой Левшевич.

Василий Захарович спокойно выслушал Меркуля, прошелся взад и вперед по мерзлой траве, подумал, потом коротко приказал:

— Расстрелять изменника родины!

Весть об этой операции молнией облетела район. Во всех деревнях пошли разговоры, что Корж с Меркулем скоро ликвидируют всю старобинскую и житковичскую полицию.

От Павловского и Махонько пришли донесения о налете на копаткевичский гарнизон. Командиры передавали, что операция прошла успешно: убито свыше двух десятков гитлеровцев и полицейских, взяты трофеи. У партизан жертв не было. Меркуль сообщил, что его группа совершила удачный налет на погостский гарнизон в Старобинском районе.

Житковичская группа не смогла уничтожить местный гарнизон, но она выполнила не менее важное дело: взорвала житковичскую межрайонную нефтебазу, на которой в последнее время оккупанты хранили сотни тонн горючего.

Жуковский ударил по краснослободскому-гарнизону, Жижик — по копальскому. Партизаны Покровского разгромили фашистско-полицейский гарнизон в местечке Смиловичи и сожгли склад с обмундированием, приготовленным для гитлеровской армии.

В эти же дни стало известно, что боевые подпольные группы в Минске провели ряд крупных диверсий на железнодорожном узле. Была выведена из строя водокачка на станции Минск-товарная. В результате узел остался без воды. Десять дней гитлеровцы вынуждены были гонять паровозы на мост, где им подавали воду. Из-за недостатка воды многие паровозы испортились и долгое время стояли в ремонте.

В Слуцке советские патриоты освободили из лагеря военнопленных. На станциях Бобруйск, Орша, Борисов, Осиповичи было взорвано свыше десятка воинских эшелонов и паровозов.

И во многих других местах в эти дни гитлеровские захватчики крепко почувствовали смелые и могучие удары народных мстителей.

Так белорусские партизаны отметили двадцать четвертую годовщину Великой Октябрьской социалистической революции!

Через некоторое время по всем отрядам, по всей Белоруссии разнеслась радостная, волнующая весть: Советская Армия разгромила фашистские полчища под Москвой и отогнала их от родной столицы.

XV

Великая победа Советской Армии на подступах к Москве принесла нам, как и всему советскому народу, невыразимую радость и счастье, окрылила партизан, повысила их боевой дух и еще больше укрепила веру в окончательную победу над гитлеровской Германией. Помню, какое радостное волнение, какое оживление царило в штабе после того, как мы услышали по радио сообщение Советского информбюро от 11 декабря 1941 года.

Обычно до тех пор, пока не принята сводка, никто из нас не считал оконченным день. Как услышим бывало, что наши войска одержали победу, на душе становится тепло, радостно.

Сводки принимал Александр Сакевич. Он был ответственным за их распространение. И как только Сакевич в определенное время переступал порог штабной землянки, мы по выражению его лица догадывались, какие вести он принес. Если сводка сообщала об успехах наших войск, глаза у Сакевича радостно блестели, с лица не сходила широкая, добрая улыбка. Если же вести были неутешительные, Сакевич заходил в землянку угрюмый, чаще всего не говорил ни слова и, словно чувствуя себя виноватым, не смотрел никому в глаза.

Интересно, что и у партизан выработалось какое-то особое отношение к Сакевичу. Когда он приносил хорошие новости, все ласково, приветливо улыбались ему, угощали табаком, а если плохие — неприязненно, словно бы с обидой, отворачивались от него, как будто Сакевич и в самом деле был виноват в том, что сводка нерадостная.

И вот ночью с 11 на 12 декабря 1941 года собрались мы в штабной землянке и стали ожидать Сакевича.

Наконец он явился. И не просто вошел, а ворвался. Увидев его, мы сразу поняли: случилось что-то необыкновенно важное.

— Читай, скорее читай!

Сакевич обвел всех торжественным взглядом и, достав из-за пазухи тетрадь, начал:

— «В последний час. Провал немецкого плана окружения и взятия Москвы. Поражение немецких войск на подступах к Москве».

Он с особым ударением выговаривал каждое слово.

— «...6 декабря 1941 года, — продолжал он читать, — войска нашего Западного фронта, измотав противника в предыдущих боях, перешли в контр-

наступление против его ударных фланговых группировок. В результате начавшегося наступления обе эти группировки разбиты и поспешно отступают, бросая технику, вооружение и неся огромные потери.

...После перехода в наступление, с 6 по 10 декабря, частями наших войск занято и освобождено от немцев свыше 400 населенных пунктов».

Затем, перечислив трофеи, Сакевич передохнул, снова обвел всех нас торжествующим взглядом и с особенным чувством прочел заключительную часть сообщения.

— «...Германское информационное бюро писало в начале декабря:

Германские круги заявляют, что германское наступление на столицу большевиков продвинулось так далеко, что уже можно разглядеть внутреннюю часть города Москвы в хороший бинокль».

Сакевич остановился и, улыбнувшись, добавил:

— Не видать им Москвы, как своих ушей.

И продолжал:

— «Теперь уже не может быть сомнения, что этот хвастливый план окружения и взятия Москвы провалился с треском. Немцы здесь явно потерпели поражение.

Немцы жалуются на зиму и утверждают, что зима помешала им осуществить план занятия Москвы. Но, во-первых, настоящей зимы еще нет у нас под Москвой, так как морозы достигают у нас не более 3—5 градусов. Во-вторых, жалобы на зиму означают, что немцы не позаботились обеспечить свою армию теплым обмундированием, хотя они на весь свет прокричали, что они давно уже готовы к зимней кампании. А не обеспечили они свою армию зимним обмундированием потому, что надеялись закончить войну до наступления зимы. Надежды немцев, как мы видим, не оправдались. Здесь был допущен немцами серьезный и безусловный просчет. Но просчет в немецких планах никак

уже нельзя объяснить зимними условиями кампании. Не зима здесь виновата, а органический дефект работы германского командования в области планирования войны.

С о в и н ф о р м б ю р о.

Дочитав сообщение, Сакевич положил тетрадь на стол. Мы развернули карту. Освобожденные нашими войсками города любовно обвели красным карандашом. Взволнованно, с огромной радостью думали мы о счастье тех советских людей, которые теперь празднуют свое освобождение от оккупантов.

Родной и любимой столице больше не угрожает опасность окружения, врах разлетелись все провокационные выдумки фашистской пропаганды о взятии Москвы. Теперь у нас, в глубоком тылу врага, еще шире развернется беспощадная борьба с оккупантами, весь белорусский народ возьмется за оружие.

К утру была выпущена специальная листовка и разслана во все районы Минской, Полесской и частично Могилевской областей.

Не только в штабе, но и в каждом отряде нашего соединения было принято по радио это историческое сообщение Совинформбюро. Его размножали и распространяли отряды, подпольные группы. Через день-два все население знало о великой победе наших войск под Москвой. Тысячи мужчин и женщин из деревень и городов пополнили партизанские отряды. Целые обозы с зерном и продовольствием почти беспрерывно прибывали на наши базы.

* * *

Необходимость непосредственной связи с Москвой с каждым днем ощущалась все более остро. Мы ежедневно слушали нашу столицу, принимали сообщения с фронтов. Москву мы слышали, — это поддерживало и вдохновляло нас, но Москва еще не все слышала о нас. Связь с ЦК КП(б)Б и с Белорусским штабом партизанского движения была не системати-

ческой. Она нарушилась с того дня, как мы выехали из Мозыря. А так хотелось, чтобы о боевых делах партизан знали в нашей столице Москве, в наших братских республиках! В суровых условиях отпраздновали мы двадцать четвертую годовщину Октября. Достоинно отметили эту знаменательную дату: уничтожены сотни гитлеровцев и ряды народных мстителей выросли и окрепли. Так пусть бы знали в Москве и во всем Советском Союзе о патриотизме белорусских партизан, о том, как свято они выполняют присягу, данную товарищу Сталину, — беспощадно борются с захватчиками.

Мы слушаем Москву, следим за героическими подвигами наших воинов, уральских рабочих, новосибирских, тамбовских колхозников, за самоотверженной работой трудящихся Грузии, Азербайджана, Узбекистана. Их подвиги вдохновляют нас на широкое развертывание партизанского движения, на сокрушительные удары по врагу. Пускай и о наших делах узнали бы на Большой земле. Нам хотелось отчитаться перед Советской Армией, перед советским народом, родной советской властью, большевистской партией, вождем ее и отцом нашим товарищем Сталиным.

Что нужно для этого? В первую очередь, хорошая, систематическая радиосвязь. Но этого у нас пока еще не было. Мы могли послать в советский тыл еще одну группу наших опытных партизан. Правда, уверенности в том, что они достигнут цели, не было. Нас беспокоило то, что первая группа, посланная нами в ЦК, все еще не вернулась. Но мы еще в сентябре убедились, что наши посланцы успешно перешли линию фронта. Однажды Сакевич, приняв очередную сводку Совинформбюро, прибежал к нам необычайно возбужденный.

— Товарищи! — воскликнул он радостно. — Про наших партизан говорят, вот слово в слово записано. Наш Петровнич выполнил задание.

И он прочитал сообщение Совинформбюро от 21 сентября 1941 года.

«В Советское Информбюро, — говорилось в сообщении, — поступило письмо Степана Николаевича

Петровича — бойца партизанского отряда, действующего в Белоруссии. «В первую очередь, — пишет товарищ Петрович, — наш отряд уничтожил девять мостов через реку Случь. Немцам не удалось восстановить ни одного из них. Фашисты несколько раз сооружали один крупный мост, но мы снова его разрушали. Недавно наши партизаны окружили в деревне хату, в которой обедал фашистский оберлейтенант, жестоко издевавшийся над крестьянами этой деревни, схватили его и расстреляли. Документы, оружие и автомашину мы доставили в отряд. Через несколько дней после этого 11 немецких автомашин, один броневик и 3 мотоцикла приехали в наш район. Немцы намеревались разыскать и ликвидировать партизанский отряд. У деревни Л. мы из засады открыли огонь по фашистам. Бой продолжался около часа. 27 немецких солдат мы уничтожили, 16 тяжело ранили, остальные разбежались. Вскоре после этого боя я заложил на дороге большую мину. Утром показались автомашины немецкого карательного отряда. Головная трехтонная машина наскочила на мину и взлетела на воздух. Из 25 немецких солдат ни один не уцелел. В другом месте мы протянули через лесную дорогу проволоку над землей и крепко привязали ее к деревьям. На рассвете через лес проходили три немецкие автомашины. Первая из них на полном ходу наскочила на провод, которым были убиты водитель и несколько солдат, сидевших в кузове. Вторая машина налетела на первую, а в кузов третьей машины мы бросили две гранаты.

В одном из местечек немцы назначили старостой своего шпиона Федота Протасеню. Три наших партизана переоделись в форму немецких офицеров, сели в немецкую легковую машину и поехали в местечко. Переодетые партизаны вызвали старосту и потребовали указать местных активных советских работников. Протасеня немедленно вручил им список сельского актива. Партизаны уничтожили предателя.

В деревнях немцы вывесили приказы, в которых обещали по 5 тысяч марок за каждого партизана —

живого или мертвого. Под угрозой расстрела немцы запрещают крестьянам ходить в лес за грибами и ягодами. Но приказы, угрозы и зверства не помогают. Белорусский народ поддерживает партизан, и мы громили, громим и будем громить фашистскую нечисть...»

Мы были очень довольны тем, что Москва хоть частично уже знала о наших делах.

Теперь мы решили подготовить для отправки в Москву, в штаб партизанского движения, к товарищам Ворошилову и Пономаренко, трех связных. От бюро обкома была разослана специальная директива отрядам и группам, секретарям подпольных райкомов партии. В директиве указывалось, что обком готовит широкий отчет о своей деятельности за весь период подполья. Отчет будет послан в Центральный Комитет ВКП(б) и в ЦК КП(б)Б. Настало время и возможность отчитаться перед ЦК ВКП(б) и лично перед великим Сталиным. Командирам и комиссарам отрядов, секретарям райкомов, руководителям подпольных групп рекомендовалось прислать в обком КП(б)Б подробные отчеты и изложить свои планы и предложения на будущее.

В разных отрядах по-разному реагировали на директиву обкома. В отрядах Коржа и Меркуля, например, сразу поняли главное. Там на бюро подпольного райкома, на партийном и общем собраниях партизан широко обсудили директиву, подвели итоги деятельности отрядов за полгода и наметили пути дальнейшей борьбы. Дать отчет Москве было великим счастьем, и люди говорили о том, что действительно сделали и могли сделать.

А вот Столяров, получив директиву, долго прятал ее, не показывая партизанам. Но не откликнуться на призыв обкома он не мог: родина требовала ответа на простой, естественный вопрос: как командир партизанского отряда Столяров выполняет свой долг патриота, — как борется с врагом?

И Столяров вскоре прислал нам свой так называемый отчет. В разделе «что сделано» не было почти ничего. Видно, человек не хотел врать, но зато

в планах на будущее он размахнулся, исписал почти целую тетрадь. Здесь предусматривалось и увеличение отряда, и наилучшее вооружение его, намечались самые смелые операции и диверсии. Это были большие обязательства, оставалось только выполнить их.

Пашун и Ермакович прислали отчеты, противоположные тому, который мы получили от Столярова. Они подробно описали прошлое и почти совсем не нашли слов, чтобы сказать о будущем. «Будем бороться», — говорилось в их отчете, но о планах на зимний период не было ничего. И когда позже мы рассматривали этот отчет, некоторые товарищи говорили, что Пашун и Ермакович, как видно, не собираются зимой воевать с оккупантами.

Розов, Жуковский, Далидович, Жижик, Храпко, Покровский, Ходоркевич, Петрушеня, Патрин, Павловский коротко написали о том, что сделали и еще более сжато, но конкретно сообщали о своих дальнейших планах. В их отчетах центральное место занимали вопросы, связанные с подготовкой к зимнему периоду, вопросы дальнейшей активной борьбы с врагом. Мы объединили все эти отчеты в один и направили со связными в Москву. С этими же связными послали товарищу Пономаренко письмо, в котором убедительно просили прислать нам радистов с аппаратом и шифром.

С каждым днем все сильнее становились холода. Уже не погреешься на солнце, промокнув в болоте, не переночуешь, как летом, под любым кустом. Мы понимали, что наступает очень напряженный и ответственный период нашей подпольной и партизанской деятельности. Еще не так давно многие партизаны не верили, что придется зимовать в лесу.

Теперь же было ясно, что воевать придется и зимой. Основные кадры наших партизан правильно понимали задачи партизанского движения в условиях зимнего времени, но кое-где возникали порой вредные для подполья разговоры. Нашлись среди партизан и такие, которые ратовали за то, чтобы свернуть партизанское движение на зиму, распустить людей по

деревням, а потом весной, когда потеплеет, снова всех собрать. Это почему-то понравилось и Далидовичу, хотя он уже и начал готовиться к зиме.

Однажды Луферов передал нам, что Ермакович на последнем заседании бюро райкома довольно туманно, расплывчато, но открыто высказался за то, чтобы дать указание всем отрядам в ближайшее время переходить линию фронта и добираться до регулярных частей Советской Армии. Его молчаливо, едва заметным кивком головы поддержал Пашун. Слышал я подобные предложения и еще кое от кого. Ясно было, что эти люди побаиваются зимних холодов, теряют веру в успех партизанского движения. А тут еще в какой-то степени подействовала на маловеров и фашистская листовка, сброшенная в зоне действия наших отрядов вскоре после праздника. В этом провокационном фашистском листке содержалось обращение к населению оккупированных областей. Советским гражданам предлагалось «не обрекать себя на гибель», не трогать гитлеровцев. Листовка призывала не организовываться в крупные партизанские отряды, так как таким отрядам трудно будет скрываться, и они погибнут. «Создавайте небольшие группы, — говорилось в листовке, — и пробирайтесь в советский тыл».

На фашистской фальшивке, рассчитанной на обман населения и ослабление партизанской борьбы, крупными буквами был напечатан призыв: «Смерть немецким оккупантам!»

Но нельзя было обмануть такой дешевой и лживой фашистской пропагандой советских людей.

Мы поняли, что это фашистская провокация, и раскрыли ее сущность перед народом.

Вдобавок ко всему гитлеровцы в ответ на наши операции организовали широкую разбойничью экспедицию. Они заполнили почти все деревни партизанских районов, каждый день делали попытки наступать на наши отряды, блокировать их. Для того чтобы выдержать этот бешеный натиск врага, требовалась величайшая сплоченность, железная дисциплина. Все члены обкома вышли на самые ответственные и

опасные участки, райкомы взяли на себя непосредственное руководство партизанскими группами и отрядами. Нам приходилось несколько раз в день вести бои с вооруженными до зубов эсесовцами. Иной раз по целым дням не выпускали из рук оружия, маневрировали, переходили с одного места на другое, по долгу лежали в болоте.

Жестокие бои шли почти во всех районах области. Гитлеровцы несли огромные потери, однако наступали непрерывно. По всему было видно, что они готовят новое наступление на фронте и поэтому стараются обеспечить свой тыл.

В Гресском районе партизаны под командованием секретаря подпольного райкома партии Владимира Ивановича Зайца вступили в бой с большим отрядом фашистов. В результате было убито свыше тридцати фашистских солдат и офицеров, захвачено три пулемета, один миномет, четырнадцать автоматов и много винтовок.

Против отрядов, которыми командовали секретарь Борисовского подпольного райкома партии Иван Яраш и член бюро райкома Антон Ходоркевич, гитлеровцы бросили полк эсесовцев. Тяжелый бой продолжался несколько суток, и все-таки партизаны победили. Потеряв в этом бою более двухсот солдат и офицеров убитыми и ранеными, фашисты отошли.

Но и борисовские партизаны понесли тогда тяжелую утрату: в неравном бою с вооруженными до зубов эсесовцами смертью героя погиб Иван Афанасьевич Яраш. Комиссар отряда Антон Герасимович Ходоркевич был тяжело ранен.

В это время я тяжело заболел. Простудился, должно быть, в болоте. Все члены обкома были в отрядах, при мне оставалось несколько человек из штабной группы, и неподалеку — отряд Далидовича. С самого утра эсесовские отряды вели ожесточенные атаки в направлении острова. Наши отряды героически оборонялись, но силы врага во много раз превышали наши. Партизанам пришлось отходить на остров Зыслав, где я находился в это время. Все чаще и ча-

ше стали падать мины, пули посвистывали над головой. Я отдал приказ бойцам во что бы то ни стало спасти типографию, запас бумаги и все документы подпольного обкома. Люди работали, не щадя жизни, не думая об опасности. Через некоторое время прибежал ко мне один из бойцов и доложил, что задание выполнено.

— Василий Иванович, — тихо сказал он, — давайте я вам немного помогу да будем отходить отсюда, а то...

— А то что? — спросил я.

— Фашисты совсем близко, — ответил он. В голове его зазвучала нескрываемая тревога. — Если мы сейчас же не отойдем, нас могут окружить.

— А где же Далидович?

Парень молчал.

— Где Далидович? — снова спросил я.

Тогда глухим от волнения голосом он ответил:

— Далидович отошел в другое место. Теперь его отряд возле острова Добрый.

Это известие поразило меня: Далидович не имел права отступить.

Я приказал своим бойцам занять оборону в том месте, откуда снялся Далидович, через силу встал и пошел вместе с бойцами. Эсесовцы продвигались по гати и частично по болоту, — морозик уже немного сковал его. Увидев, что оборона снята, гитлеровцы осмелели и шли к острову во весь рост. Мы встретили их пулеметным огнем. Эсесовцы залегли, но с другой вражеской цепи начали бить по отряду из минометов. Я приказал держаться до последней возможности и послал категорический приказ Далидовичу прикрыть наш левый фланг.

К счастью, в этот критический момент подошли на остров Роман Мачульский и с ним Гальченя, Филиппушка, Костюковец и еще несколько партизан из отряда Патрина. Мы продержались на острове до темна, а потом отошли.

Эсесовская экспедиция ничего не дала гитлеровцам. Ни одного отряда они не уничтожили, ни одного партизана не поймали. Народные мстители муже-

ственно выдержали тяжелые испытания и вышли из борьбы победителями.

А как же там Бондарь? Болезнь свалила меня, несколько дней я лежал с высокой температурой и ничего не слышал о нем. Положение у Алексея Георгиевича во время блокады было, пожалуй, еще более сложным, чем у нас. Держать его при себе мы не могли, так как у нас тогда еще не было ни необходимого медперсонала, ни медикаментов. К тому же наступили холода, и в наших землянках, которые мы выкапывали на бугорках среди болот, было сыровато и неуютно. Пришлось поэтому оставить Алексея Георгиевича в деревне Бариков, в той хате, где мы его положили, как только привезли с Червонного озера. Наша связная, трактористка Настя Ермак, прятала его, присматривала за ним. Этой женщине мы верили. Изредка приезжал Крук, заболотский врач, который заведовал районной больницей в нашей зоне. За эти месяцы он вылечил немало раненых красноармейцев, которые теперь находились в партизанских отрядах.

Перед блокадой я поручил Роману Наумовичу забрать Бондаря из деревни, но сделать этого не удалось. Когда Мачульский с двумя партизанами пришел в Бариков, там уже были гитлеровцы. Только одна Настина хата и оставалась незанятой гитлеровцами: у Насти было трое маленьких детей. По улице снова ли патрули, на подходах в деревню и на скрещении дорог стояли пулеметы. Нельзя было и думать о перевозке Алексея Георгиевича на новое место, — это могло бы плохо кончиться. Да и Настя разволновалась. Узнав, что Роман Наумович хочет забрать из ее хаты раненого командира, она решительно запротестовала.

— Значит, мне не доверяете? — чуть не плача, говорила она. — Значит, у меня ему плохо, не смотрю за ним, не забочусь о нем? Повезете в лес, чтоб там больной человек замерз, голодал, рану свою гноил...

Настя поклялась, что если нужно будет, погибнет, но оправдает доверие обкома и партизан.

Так Алексей Георгиевич и остался на старом месте. Что ждет его, как отвести от него страшную угрозу? Когда я был в тяжелом положении, Роман Наумович и другие мои товарищи обходили этот вопрос. Теперь же мне надо было знать настоящее положение вещей. Я послал в Бариков Гальченко с заданием навестить Алексея Георгиевича и в тот же день вернуться обратно.

Герасим Маркович переобулся в лапти (на задания он всегда ходил в лаптях), положил в карман пистолет, заткнул за пояс топор и пошел. Вечером он вернулся и рассказал нам о Бондаре. Алексею Георгиевичу и в самом деле пришлось немало пережить. Эсесовцы, должно быть, слышали, что в Барикове недавно стоял партизанский отряд; поэтому они на следующий же день, как заняли деревню, произвели в ней повальный обыск; обшарили все закоулки, взломали в хатах полы, прощупали штыками сено и солому в гумнах. Бондарь как лежал в боковушке за печью, так и оставался там. Куда было деваться? Нога сильно распухла, температура все время была около сорока — шевельнуться нельзя. Если бы и хотела Настя перенести его куда-нибудь, одна все равно не смогла бы, а позвать кого-нибудь в такое время было опасно: пребывание партизана в Настинной хате держалось в глубокой тайне. Поэтому Настя и решила не переносить Бондаря никуда. Что будет, то и будет. А перед самым обыском она пошла еще на хитрость: размела по хате кучу мусора, вылила на пол полведра воды, разбросала везде дрова, ухваты и сама вышла, оставив дома одних детей. Старшей дочери Оле приказала, чтобы она не пугалась, когда фашисты войдут в хату, и сказала бы им, что мамы дома нет, пошла под поветь за дровами.

Минуты ожидания обыска были самыми тяжелыми как для Бондаря, так и для Насти и ее детей. Алексей Георгиевич находился в трудном положении: ни спрятаться, ни серьезно сопротивляться он не мог. Минуты казались часами: скорей бы кончилось это томительное, напряженное ожидание. Найдут, тогда

все патроны им, только один себе. Не найдут, все обойдется хорошо, будем понемногу поправляться.

Во дворе послышались шаги, чужая речь, и кто-то с размаху ударил ногой в дверь. И вот в хату вошли эсесовцы. Алексей Георгиевич рассказывал нам потом, что в этот момент он чувствовал себя совсем спокойно, он был уже готов ко всему.

Увидев беспорядок и невообразимую грязь в хате, бандиты остановились на пороге. Меньшие дети бросились прятаться на печь. А старшая Оля старалась преодолеть страх. Девочка не полезла на печь, а осталась сидеть на лавке.

— Кто ест дома? — крикнул один из эсесовцев.

Девочка вздрогнула, но не встала с места. Она вытянула вперед свою тонкую ручонку и, делая мучительное усилие, чтобы не расплакаться, долго держала ее перед собой. Девочка показывала фашистам на дверь. Показывала, а сказать в первую минуту ничего не могла. Только через некоторое время, когда один из эсесовцев повернулся уже, чтобы выйти, Оля крикнула отчаянным голосом:

— Мама во дворе, пошла за дровами!

Старший группы сделал шаг вперед. Дети на печи заплакали. Гитлеровец почувствовал, что его сапог погрузился в размокшую глину, остановился. Сняв с крюка полотенце, он вытер им сапог и отступил к порогу. Крикнув что-то, махнул рукой. Гитлеровцы отправились в хлев, обыскали все уголки в клетях, в сенях, слазили в погреб, а в хату больше не возвращались.

На этот раз все обошлось хорошо, Настина находчивость оправдала себя. Вернувшись в хату, женщина места не находила от радости: обнимала детей, целовала Олю.

До самого вечера хозяйка не прибирала в доме, все ожидала, что гитлеровцы еще раз наведуются. Но в этот день гитлеровцы больше не заходили. Зато в следующие дни они заглядывали в Настину хату очень часто. И каждый раз хозяйка находила способ отвести глаза врага от боковушки за печью: то задабривала оккупантов всем, что имела, то прикидыва-

лась глухонемой, то укладывала всех детей в постель и говорила, что в хате сыпной тиф.

Так Алексей Георгиевич был спасен.

Когда наши партизаны снова приехали за ним, Настя разобиделась до слез.

— Пусть еще немного побудет, — горячо просила она, — хоть до тех пор, пока на ноги станет... А как станет, сам пойдет, куда ему надо. Провожу и надежную дорожку в лес покажу.

На этот раз мы не могли удовлетворить Настину просьбу. Гестаповцы могли узнать о квартире Бондаря. Нельзя было дальше рисковать жизнью члена бюро обкома, а также жизнью Насти и ее детей.

Некоторое время спустя мне пришлось побывать в Барикове. Узнав, что приехали из подпольного обкома, она сразу пришла ко мне.

— Как Алексей Георгиевич? — было ее первым вопросом.

Я сказал, что Бондарь чувствует себя неплохо, поправляется, скоро начнет ходить. Он передавал привет и благодарность от имени партизан. От своего имени и я также поблагодарил Настю за то, что она спасла Алексея Георгиевича.

Настя выслушала все это с большим волнением, а потом начала жаловаться мне. Почему партизаны отгородились от нее, почему не хотят пустить ее в лагерь, проведать Бондаря или, может быть, еще кому-нибудь помочь?

— Я лечила партизана, — с обидой говорила Настя, — ухаживала за ним, жизни своей не жалела, а теперь я как чужая у вас.

Пришлось разрешить Насте прийти к нам в лагерь. Она стала потом одной из самых активных наших разведчиц и принесла большую пользу партизанским отрядам.

Гитлеровцы ограбили всю деревню Бариков, несколько хат сожгли. В совхозе «Жалы» расстреляли семерых рабочих. В Старобине загнали большую группу людей в скотобойню и подожгли ее. Кто-то донес, что жители деревни Редковичи отмечали празд-

ник Великого Октября, что на многих хатах были вывешены красные флаги. Гитлеровцы подожгли деревню. В Заболотье они учинили жестокую расправу над населением. Старого Апанаса Морозова они избили до потери сознания за то, что он спрятал ключи от колхозных погребов. Несколько человек замучили насмерть.

Так гитлеровцы мстили за провал своей разбойничьей экспедиции. Через несколько дней в фашистских газетах появилась очередная ложь, — гитлеровское командование объявляло, что якобы все партизаны Минщины и полесских районов уничтожены, что все дороги и территории вокруг гарнизонов полностью очищены.

* * *

Партизаны возвращались с боев. Некоторые отряды устраивались на новых местах, так как старые были известны оккупантам. Те отряды, о которых гитлеровцы еще не пронюхали, могли остаться и на прежних базах.

Постепенно собирались и наши обкомовцы. Пришли Варвашеня, Бельский. За эти дни они так изменились, что их трудно было узнать. Лица обросли, одежда изнасилась и полиняла от болотной и лесной воды и снега. Роман Наумович, как только мне стало немного лучше, пошел на одну довольно важную операцию. Уже давно не давал ему покоя фашистский гарнизон в деревне Кривоносы Стародорожского района. Эта деревня имела большое значение, так как через нее проходил партизанский путь на Старые Дороги, которые находятся на шоссе Брест—Москва. Роман Наумович заглядывал туда раза два, имел самую подробную информацию о гарнизоне и все собирался разогнать его.

Я знал об этих намерениях Романа Наумовича и ничего не имел против такой операции. Но до последнего времени все не представлялось подходящего случая, — находились более важные дела. А дня три тому назад как раз оказалось удобно ударить по оккупантам в таком месте, где, согласно официальным свод-

Один из организаторов партизанского движения на Минщине
Евстрат Горбачев.

кам гитлеровского командования, все было якобы спокойно.

Теперь Роман Наумович вернулся, и вот мы сидим в землянке возле печурки и слушаем его рассказ об операции. В другой землянке отдыхают наши бойцы, Бердникович и Раменьчик несут вахту. Они теперь почти всегда вместе, крепко подружились. Бердникович сильно привязался к своему «крестнику». Должно быть, ему хочется заглядить перед ним свою вину за любанское недоразумение.

Мачульский пошел в Кривоносы с небольшой группой партизан. Хорошо зная деревню, он без особого труда обошел посты и вышел на улицу. Хорошо бы найти отца, да где его искать? Он уже давно не живет в хате, — за ним охотятся гестаповцы. Дознались, что сын в партизанах, и начали преследовать старика.

Встретился сосед, приятель отца Романа Мачульского, надежный человек. Он рассказал, где ночуют полицейские, где стоит пулемет, посоветовал, с какой стороны лучше зайти и где оставить засаду. Потом поднял местных людей. Он безошибочно определил места, куда фашисты будут удирать, и это в значительной мере решило успех операции. Как только Мачульский открыл ночью стрельбу, гитлеровцы туда именно и бросились.

Партизаны ударили из засады, а когда фашистская нечисть шарахнулась назад, по ним ударили с другой стороны. Мачульский сначала не мог даже понять, в чем тут дело. Стрельба поднялась во всем селе. «Бей их, гадов! — раздавались отовсюду крики. — Уничтожай! Собакам собачья смерть!»

Выяснилось все после операции. Собрал Мачульский партизан и видит, что их стало больше раз в пять. Выстроились они в два ряда: кто с винтовкой, кто с охотничьим ружьем, а кто просто с хорошей дубинкой. Среди них и отец Мачульского. Подошел старик к сыну, обнял его за плечи, от имени крестьян и местной патриотической группы поблагодарил за то, что в добрый час пришел к ним, помог расправиться с вражеским гарнизоном.

С той ночи многие кривоносовцы, в том числе и старый Наум Мачульский, стали настоящими партизанами.

Алексей Георгиевич чувствовал себя значительно лучше. Он охотно включился в разговор, даже шутил, смеялся. И приятно и радостно ему, что подпольный обком живет, действует и будет действовать, несмотря ни на какие трудности и испытания.

Суровые, напряженные, полные опасностей дни не поколебали никого ни в обкоме, ни в райкомах. Наоборот, они увеличили наши силы, закалили волю и многому нас научили.

Явились, наконец, любанцы: Луферов, Горбачев и Лященья. Все дни блокады я не видел их. Они и сами, должно быть, только что встретились. Горбачев недавно вернулся из отряда Патрина. Шинель его была вся в грязи, в нескольких местах пробита пулями.

— Показывал некоторым, как надо подползать, — объяснил он, заметив, что все мы смотрим на его шинель. — Заляжет иной, вроеется в землю и лежит, как медведь, ждет, пока оккупант наткнется на него. А ты не жди, а сам найди врага, захвати его врасплох и оглуши. Вот наша тактика. Оглуши, а сам ходу и следы замети. Мы должны брать врага не только силой, но и находчивостью, умом.

Затем Горбачев стал проситься на новую операцию. Этот человек был неутомим в своих поисках, отваге, всегда кипела в нем неисчерпаемая энергия. На задания он ходил большей частью один, хоть это было и рискованно. Сколько раз в обкоме пробирали его за это. Теперь он предложил провести довольно сложную операцию в Любани.

— Надо взять там живого эсесовца, — говорил он. — Пусть расскажет, что там еще они собираются делать. Тогда нам легче будет разрабатывать свои планы.

— Для такой операции надо человек шесть, — заметил Мачульский.

— Можно и одному, — уверенно заявил Горбачев, — а если понадобится помощь, так она найдется

там, на месте. В каждой деревне у нас есть свои люди.

Взяв с собой двух партизан, он пошел: обком одобрил его инициативу.

— Трудновато с такими натурами, — вдруг пожаловался Луферов, — задумает что-нибудь, колом из него не выбьешь.

— Хорошую инициативу надо поддержать, — заметил Бельский. — Если он достанет «языка», понимаешь, как это будет полезно для нас.

Луферов поднял голову, недовольно блеснул глазами.

— Легко сказать... — заметил он. — Представляю себе, что это будет за операция. Там двести человек эсесовцев уже больше недели стоят. Что можно сделать втроем? И потом, я не только о нем. Есть у нас и другие, такие же горячие головы.

— Кто? — спросил Бельский.

— Да вот хоть тот же Ермакович и Пашун.

Это заинтересовало нас.

— Однажды почти целую ночь просидел с ними, — продолжал Луферов. — Уговаривал, убеждал людей, пробовал даже угрожать, — ничего не помогло.

— А что случилось?

— Вбили себе в голову, что им надо перейти линию фронта. «Там наше место, — говорят, — а не здесь». — «Почему не здесь?» — спрашиваю. «Потому, — говорят, — что мы люди военные. Нам надо воевать в рядах Советской Армии. Там и пушки, там и самолеты. А тут нажмут фашисты еще раз, и пропадешь ни за что». Вот и говори с ними! Боюсь, что в эту минуту они уже далеко от нас.

— Герои! — насмешливо бросил Мачульский.

Упрек относился к Луферову. Тот почувствовал это и покраснел: никто так не увлекался деятельностью этих двух командиров, как сам Луферов. Он очень уважал их, доверял им во всем, а те не считались ни с чем и подвели его и нас.

Это известие глубоко огорчило нас. Никто не ожидал такого поступка от Пашуна и Ермаковича.

— Одни пошли или с группами? — спросил Бельский.

— Конечно, с группами, — ответил Луферов. — Только я думаю, не все бойцы с ними. Большинство осталось.

— Сейчас же проверь, Андрей Степанович, — приказал я Луферову. — Да поинтересуйся еще некоторыми отрядами. Посмотри, что делается у Розова, у Столярова.

— Об этом я могу рассказать, — отозвался Бельский. — Недавно был в той стороне. После любанской операции Розов праздновал три дня подряд, а Столяров отсиживается попрежнему. Три мародера из его группы недавно ограбили крестьян деревни Лясковичи.

Пришел Далидович. Он все еще не мог прямо смотреть мне в глаза — нелегко ему было пережить свою вину. Мачульский, Варвашеня и другие члены бюро имели с ним разговор еще тогда, когда я был болен, и разговор довольно неприятный. Они потребовали принять в отношении Далидовича самые крайние меры: вызвать на бюро, подробно разобрать его поступок и, если выяснится, что командир имел преступные намерения, сурово покарать его.

Я не поддержал этих предложений, так как в душе был уверен, что Далидович наш, советский человек, коммунист. Иной раз могут быть ошибки и срывы у каждого. Растерялся человек в критический момент и не подумал, не проанализировал обстановку, прежде чем отдать приказ об отступлении отряда.

Когда мы все же начали разговор, я так и сказал Далидовичу:

— Поступок твой неправильный, непартийный, но никаких суровых мер принимать мы пока не будем. Мы доверяем тебе попрежнему, а ты должен оправдать это доверие.

Луферов отправился разыскивать группы Ермаковича и Пашуна, а мы, пользуясь тем, что все члены бюро в сборе, обсудили некоторые неотложные вопросы дальнейшей работы. Нужно было в ближайшие дни обязательно созвать совещание командиров и

комиссаров отрядов и еще раз поговорить с ними насчет подготовки к зиме. «Дикие» отряды, вроде группы Балахонова и Столярова, вредили нам — необходимо было немедленно заняться ими. Нужно было увеличивать и увеличивать наши силы, организовывать и закалять людей.

Нетрудно было предвидеть, что в эту зиму нас ожидают большие и суровые испытания.

* * *

В ту же ночь все члены бюро, кроме больного Бондаря, разошлись по отрядам. Я пошел к Столярову. Интересно было ближе познакомиться с этим человеком, узнать о его истинных намерениях и планах. Наконец пора было выяснить основное: стоит ли со Столяровым возиться? Если это человек честный и способный, почему бы не попробовать сделать из него хорошего партизанского командира, а если он умышленно разлагает отряд, злоупотребляет своим положением, то изолировать и обезвредить его, а для группы подобрать нового командира.

Нашел я Столярова в одном небольшом поселке, недалеко от деревни Славковичи. Со мной было семеро партизан. Остановились мы на улице, — никто нас не задержал, не спросил пароля, документов. Потом смотрим: выкатывают хлопцы на улицу станковый пулемет, а возле крайних хат поселка выставляют заслоны с ручными пулеметами.

— Где командир? — спрашиваю у встречного партизана.

— А вам что нужно? — недружелюбно отзывается он.

— Да вот хотел бы поговорить с ним.

— А вы кто такой?

— Представитель советской власти.

— Знаем мы таких представителей! Удивил! У нас тоже есть представитель.

— Ну, хорошо, — говорю я, — теперь будет два.

— Не знаю, где командир! — резко бросил партизан, махнул рукой и пошел.

Идем дальше, встречаем еще одного вооруженного человека. Шагает пошатываясь, винтовку держит дулом вниз.

— Добрый день, — говорю ему. — Что, партизан?

— А разве не видишь? — бормочет парень себе под нос и идет дальше.

— Подожди немного, — обращаюсь я к нему. — Нам нужно с тобой поговорить.

— А что мне с вами говорить? — отвечает он и даже не смотрит в нашу сторону.

— Вот человек! — упрекаю я. — С ним хотят поговориться, а он убегает.

— Я не убегаяю, — недовольно отвечает он и замедляет шаг.

— Где командир? — снова спрашиваю я.

Парень поднимает голову, улыбается.

— Командир? Пьяный лежит. Где он еще может быть.

— Пойдем, покажешь его квартиру.

— Не пойду, ни за что не пойду! — запротестовал парень. — Лучше не показываться ему на глаза, когда он пьяный.

Так в тот день и не удалось мне встретиться со Столяровым. Мы разместились в одной просторной хате, завели разговор с местными жителями. Изредка заходили партизаны — то один, то другой. Население встречало их неприязненно, при их появлении переводя разговор на безобидные домашние темы. На следующую день, часов в десять, пришел командир. Лицо заспанное, всклокоченные волосы торчат из-под шапки. Останавливается возле порога, небрежно прикладывает руку к чубу и, не глядя на меня, докладывает:

— Командир партизанского отряда Жора.

— Хорошо, — говорю, — товарищ Жора, садитесь. А мне сказали, вас нет дома, что вы куда-то уехали.

— Нет, — говорит он, — никуда я не ездил, я был болен.

— Садитесь, — снова прошу я. — Давайте поговорим, как вы здесь живете, воюете, как помогает вам местное население.

Столяров присел на скамью, опустил вниз чуб, с минуту помолчал, потом, вздохнув, заявил:

— Голова у меня болит сегодня, даже кружится все перед глазами, язык не ворочается. Разрешите мне прийти поздней.

— Хорошо, приходите поздней.

Через несколько минут после ухода Столярова заходит в хату его посланный и приносит нам килограмма два мяса и бутылку водки.

— Командир, — говорит, — прислал.

Я отдал водку обратно, а мясо взял и попросил хозяйку сварить нам что-нибудь.

В полдень снова пришел Жора. Мы в это время собирались обедать.

— Садитесь, — говорю, — давайте вместе пообедаем.

— Спасибо, — отвечает, — я хотел пригласить вас к себе.

— Нет, — говорю, — пообедаем здесь.

Сел. Жует нехотя, без вкуса.

— Хорошо было бы познакомиться с вашими партизанами, — говорю я, — побеседовать с ними. Может быть, вы соберете их сюда?

— А вы кто будете? — спрашивает у меня Столяров. — В лицо вас не знаю, а утром, признаться, не решился спросить, когда заходил сюда.

— Командир обычно делает так, — отвечаю. — Если в его лагере появляются чужие люди, сейчас же выясняет, кто они, проверяет документы. А так и враг к вам может пробраться.

— Я чувствую, что вы не чужой, — говорит Столяров, — но не знаю, кто вы.

— Если не чужой, значит свой, — смеюсь я и показываю документы.

Посмотрел он документы, встал, выпрямился.

— Ясно, будем собирать партизан. Фомка! — крикнул он проходившему по улице партизану. — Позови сюда Васю.

Вася пришел не очень скоро, но все-таки пришел.

— Мой заместитель, — отрекомендовал мне его Столяров.

Заместитель даже не посмотрел в нашу сторону, не поздоровался, похоже было, что он еще не отошел. Вид у него довольно непривлекательный: свалывшиеся волосы растрепаны, рубашка без пояса, сапоги на ногах не одинаковые, — должно быть, один свой, а другой чужой.

— Собери сейчас же людей! — приказал ему Столяров.

— А как я соберу? — сразу огрызнулся заместитель. — Где я тебе их возьму?

— Как это где? — крикнул Столяров. — Сам должен знать где!

— То-то и есть, что должен, а вот и сам ты не знаешь. Их, наших, тут почти и нет никого. Двое пошли в Славковичи, трое — куда-то под Лясковичи. Что, я буду бегать за ними?

— Распустил людей! — затряс кулаками Столяров. — Ты у меня ответишь за это, я тебе повыдеру паклю из головы!

Заместитель флегматично ответил:

— Попробуй. Руки коротки! Сам распустил людей, а мне отвечай.

— Что же делать? — немного успокоившись, обратился ко мне Столяров. — Может, завтра разрешите собрать? Я сам займусь этим.

— Что ж, пусть будет так, — согласился я. — Только собрание партизан мы проведем обязательно.

На следующий день с утра люди постепенно начали заполнять нашу квартиру. Заходят не здороваясь, некоторые без шапок, хотя было холодно: видно, из соседних хат пришли. Смотрю, один полез на печь, уселся там, поджав ноги.

Я сделал вид, что ничего не замечаю. Постепенно пробую завязать с людьми разговор, овладеть их вниманием. Начинаю говорить им о докладе товарища Сталина, рассказываю, как весь советский народ поднялся на борьбу с врагом, как живут и действуют соседние партизанские отряды, как все население уважает их и ежедневно помогает им. Слушают внимательно, говорить не мешают, только все время искоса поглядывают на своего командира. А тот си-

дит, опустив голову и полузакрыв глаза, нельзя понять, — задумался он или просто дремлет.

— Мы приехали сюда, — говорю я, — для того, чтобы поближе познакомиться с вами и с вашей работой. Как вы живете, воюете, как относитесь к месту населению. Хотелось бы послушать вашего командира.

В углу возле печи кто-то хихикнул. Столяров поднял голову, обиженно взглянул в ту сторону.

— Давай, товарищ Столяров, — подбадривал я его, — рассказывай, и мне будет интересно послушать и твоим партизанам.

Столяров сказал несколько слов:

— Что, разве я вас плохо учу? Разве я виноват, что вы плохо делаете?..

И сел. Вижу, что ему больше не о чем говорить.

В своем выступлении я не критикую командира, а даже поддерживаю его, говорю, что одному трудно за всем присмотреть, что у командира должны быть надежные помощники, в первую очередь крепкий человек — комиссар. Кое-где снова послышался смех. Столяров тоже улыбается, но не поднимает глаз.

— Говорили уже нам об этом.

— Кто говорил?

— Да был тут один.

— Ну и что же вы ему сказали?

— То же, что и теперь скажем: никаких чужих комиссаров не примем, а своего можем выбрать, если это нужно. Да у нас и есть уже выбранный. Вот он, встань, Володя.

Со скамьи поднялся долговязый парень с забинтованной шеей. Смех покотился по всей хате.

— Мякинник! — крикнул кто-то сквозь смех.

— Какой я комиссар? — попробовал оправдывать ся парень. — Я совсем и не знаю, что делать.

— Что скажу, то и будешь делать! — крикнул на него Столяров. — Сказано комиссар, значит комиссар, нечего выкручиваться!

По хате снова прокатился смех.

— У вас будет настоящий комиссар, — твердо заявил я, — опытный партийный работник.

— Не признаю я таких комиссаров, — уже довольно резко запротестовал Столяров, — не допущу их к себе.

— Комиссар у вас будет! — повторил я.

— Если так настаиваете, давайте голосовать, — пустился на хитрость Столяров.

— Никаких голосований! — заявил я. — Обком назначил вам комиссара, и вы обязаны принять его.

Я достал из кармана листки с обязательствами отряда, присланными в обком для передачи в Москву, положил на стол перед Столяровым.

— Почему вы здесь не написали, что отказываетесь от комиссара? — спросил я. — Почему не написали, что не хотите как следует воевать, а прячетесь по деревням, не могли даже наладить дисциплину и порядок в отряде? Пусть бы знали в Москве, что боец Советской Армии Столяров нарушает воинскую присягу. Вместо того чтобы честно защищать свою родину, он разгуливает по полесским деревням, потворствует мародерам. Почему вы не написали об этом?

Столяров смущенно взглянул на листки, низко опустил голову и ничего не ответил.

Позже мы влили в этот отряд группу местных коммунистов и передовых колхозников. Отряд с новым комиссаром быстро рос и менял свое лицо.

XVI

Спустя несколько дней явился Евстрат Горбачев, а с ним пришли подпольщики, которые до того времени оставались на конспиративных квартирах в районах Любани и Старых Дорог. Пришли также ребята из Нижина, члены подпольной комсомольской организации. Все эти люди были из наших резервов. Подпольщики помогли Горбачеву осуществить подготовленную им любанскую операцию.

— Важная птица, — говорил Горбачев, указывая на только что приведенного эсесовского офицера, — пан в мундире, сын крупного фабриканта.

Потом, остановив взгляд на лакированных сапогах пленного, он вдруг понизил голос:

— Жаль только, что Фене Кононовой и еще одной любанской подпольщице нельзя теперь работать в своих зонах, а люди, нужные нам.

— Почему нельзя? — удивленно спросил Варвашина. — Только трудней им будет, но трудностей настоящие подпольщики не боятся.

— Эсесовцы на их след напали, — с беспокойством сказал Горбачев. — Нужно немедленно помочь девушкам.

Он коротко рассказал, как ему удалось захватить этого фашиста. Когда в Любань прибыла особая эсесовская рота, Горбачев сразу же установил за ней наблюдение. Через связных он знал все, что там делалось. И вот однажды получил донесение от местной девушки, медицинского работника. Звали девушку Любой. Она уже давно была связана с партизанским отрядом Далидовича, и Горбачев знал ее. Девушка сообщила, что к ней на квартиру стал захаживать один обер-лейтенант, некий Рудольф, заместитель командира роты. Это натолкнуло Горбачева на мысль по-своему использовать визиты фашистского ухажера. Вызвав Любу в условленное место и поговорив с ней, он убедился, что девушка сможет выполнить его поручение. Но одной ей трудно будет справиться с заданием. Тогда он отправился в район Нижина, вызвал на одну из конспиративных квартир Феню Кононову и сказал ей:

— Есть одно задание, с которым можешь справиться только ты.

— Давайте, — тихо ответила Феня.

— Задание очень важное, — подчеркнул Горбачев, — и рискованное.

— Если для родины нужно идти на риск, — заметила Феня, — так пойдем.

— Слушай, — продолжал Горбачев. — В Любани стоит особая рота эсесовцев. Это только одно подразделение крупной гитлеровской части, присланной на Минщину для расправы над нашим народом, для подавления партизанского движения. Обкомом постав-

лена задача — выведать планы гитлеровцев, чтобы своевременно принять необходимые меры. Нужно достать «языка», и притом — из офицеров.

— Что от меня будет зависеть, — заверила Феня, — все сделаю.

— План мой такой, — начал объяснять Горбачев: — ты пойдешь в Любань и там на некоторое время останешься.

— У кого? — спокойно спросила Феня.

— Есть там одна наша девушка, Люба, медицинский работник. Недавно я с ней виделся, она будет ожидать тебя. Вот тебе пароль и адрес.

— Хорошо, — согласилась Феня.

— Будешь жить у Любы в гостях, как двоюродная сестра. От тебя мы ждем, во-первых, самых подробных донесений о любанском гарнизоне, а во-вторых, ты вместе с Любой поможешь нам захватить гитлеровского офицера. Там один обер заходит к Любе. Надо будет использовать это.

На другой день Феня отправилась в Любань. Ее приход был сразу же замечен гитлеровцами. Хозяйку квартиры, Любу, вскоре вызвали в гестапо и предупредили, что если ее гостья окажется человеком подозрительным, то хозяйка будет повешена. Люба спокойно заверила гестаповцев, что Феня ее двоюродная сестра, дочь одного нижинского кулака, который недавно вернулся из ссылки.

Кононова осталась жить в Любани. Вскоре она еще раз встретилась с Горбачевым, и вдвоем они уточнили план операции. Феня должна была уговорить Любу пригласить гестаповца к себе в гости, познакомить его с ней, Феней. О дне и часе «угощения» обер Феня должна была уведомить Горбачева через связного. В назначенный час Горбачев с группой подпольщиков должен был пробраться в Любань, спрятаться на чердаке дома и ждать сигнала от Фени.

Так все было и сделано. При первом же удобном случае Люба пригласила к себе на квартиру эсесовца. Фриц охотно явился к «барышне», принес даже своего вина. На всякий случай он привел с собой двух

солдат, которых оставил возле дома. Феня приготовила закуску. Пил фриц мало, с оглядкой, но это не имело особого значения. Горбачеву важно было дожидаться, пока на улице все стихнет. Правда, нелегко было ждать. Девушкам было еще трудней, они играли очень сложную роль. В таких условиях нетрудно и сорваться, не выдержать, но Горбачев твердо надеялся на Феню Кононову. У нее хватит и воли, и выдержки, и умения сделать все, как надо.

Время приближалось к полуночи. Горбачев дал команду своим приготовиться, а сам спустился вниз, в темный коридор, притаился в углу. С пустой тарелкой в руках вышла Феня. Горбачев осторожно взял ее за руку.

— Как только вернусь, — тихо шепнула Феня, — подам сигнал.

Потом она приоткрыла дверь во двор, увидела двух солдат и негромко, но строго сказала им:

— Отойдите от окон, пан офицер приказал. Идите на улицу!

Часовые вышли за калитку. Феня осторожно подошла к калитке и неслышно опустила железную щеколду.

— Через две минуты, — шепнула она Горбачеву, идя назад в комнату, — я брошу на пол тарелку.

В темноте Феня заметила, что Горбачев в коридоре уже не один, с ним его хлопцы.

Когда Феня вошла в комнату, эсесовец стоял перед Любой с рюмкой в руке.

— Выпьем за настоящих, отважных воинов! — думая о Горбачеве и его товарищах, сказала Люба и подняла бокал.

Фриц выпил. Феня поднесла ему закуску и тут же, выпустила из рук тарелку. Люба бросилась поднимать фарфоровые осколки, фриц тоже нагнулся. В этот момент Феня наставила на него пистолет.

— Руки вверх!

Партизаны вихрем влетели в комнату. Пока эсесовец сообразил, в чем дело, сильные и ловкие руки партизан заткнули ему рот, скрутили веревкой.

Феня выглянула в окно: во дворе никого не было. Тогда она схватила с постели заранее приготовленное покрывало и накинула его на фрица.

— Так удобней будет, — сказала она Горбачеву. — Если увидят часовые, подумают, что женщина пошла. Мы с Любой сами выведем его за огород.

Девушки быстро оделись и повели связанного обера, а партизаны пошли следом. Когда вышли за огород, Горбачев велел Фене и Любе спрятаться, а сам с подпольщиками повел фашиста.

Выйдя за городской поселок, партизаны сняли с обера покрывало, надели на него шинель, шапку, чтобы эсесовец был в полной форме. Вели нарочно через деревни, через партизанские лагеря. Горбачеву хотелось, чтобы все видели, что партизаны поймали живого фашиста. Самонадеянный обер теперь был в их руках, он угрюмо смотрел в землю.

Когда шли через деревню Пластки, на улицу высыпали все. Люди шли вслед за конвоирами, расспрашивали, как им удалось поймать обера. Здесь, как и в других деревнях района, многие знали Горбачева. Один старичок все старался обогнать гитлеровца, чтобы оглядеть его со всех сторон. А потом выбрал момент, изловчился и изо всех сил ударил обера по переносице. Старик мстил оккупантам за сына. Потом он брезгливо помахал рукой в воздухе, как бы желая стряхнуть с пальцев что-то отвратительное. Подошел к колодцу, пробил в водопойном корыте тонкую корку льда и опустил руку в воду.

— Что вы делаете?! — закричали на него женщины. — Кони не будут пить!

И вот стоит обер перед нами. Лицо выхоленное, а нос подбитый, посиневший. Кто мог сказать, что Горбачев сделал не полезное дело!

На совещание в обком прибыли все командиры и комиссары отрядов, секретари райкомов партии, руководители подпольных групп. Пленный фашист, да еще в офицерской форме, привлекал внимание. Решено было тут же допросить фашистского офицера. Это было не лишне перед началом совещания, на котором должны были решаться важные тактические и поли-

тические задачи партизанского движения. Мы еще недостаточно знали замыслы врага в этой зоне.

Зашли в землянку, конвоиры ввели туда эсесовца, развязали ему руки. Пленный остановился у нижней ступени, сделал неопределенное движение рукой, что-то похожее на приветствие.

— Из какой части? — спросил я.

Эсесовец медленно поднял на меня глаза и перевел взгляд на Горбачева.

— Воды! — выразительно промолвил он.

Гальченя поднес ему берестовую кружку с желтоватой болотной водой. Обер, должно быть, принял ее за остывший чай, глотнул, потом сморщился, pokrutil носом и плюнул себе под ноги. Отдав обратно кружку, он спросил:

— Вы ест партизаны или коммунисты?

Герасим Маркович объяснил, что мы и коммунисты и партизаны.

Из допроса и из документов гитлеровца мы получили очень важные сведения. Разгром фашистских войск под Москвой и те огромные потери, которые несут захватчики под ударами Советской Армии, вызвали у фашистов большую тревогу. Они впервые почувствовали серьезную опасность и готовились к решительным боям.

Эсесовец говорил об этом сквозь зубы, злобно, исподлобья бросая на нас колючие взгляды. Ему хотелось видеть, какое впечатление производят на нас его слова. Он говорил с явным расчетом на то, чтобы смутить нас, ошеломить неожиданностью. Зная, что это последние часы его жизни, он всеми силами старался показать, что и мы не жильцы на этом свете.

— Мы не будем отступать под Москвой, — по-змеиному шипел он, — мы будем только выравнивать фронт. А если отступим, после нас останется только шварц земля и — это... шварц пепел. — А потом, немного помолчав, добавил: — Пусьтыня.

— Захлебнешься, бандит! — с отвращением бросил Гальченя. — Тому, о чем ты тут говоришь, не бывать никогда!

В полевой сумке эсесовца были найдены копии приказов командования центральной группировки войск СС. В них указывалось, что в связи с ухудшением положения на фронте надо более энергично и более жестко взяться за «наведение порядка» в тылу, на оккупированной территории. Эсесовской дивизии и отрядам СС, расположенным на территории Слуцкого, Старобинского, Копыльского, Гресского, Краснослободского, Стародорожского, Любанского, Осиповичского, Глусского, Октябрьского районов, приказывалось немедленно уничтожить партизан, очистить территорию и коммуникации, создать благоприятные условия для маневрирования и перегруппировок фашистских войск.

Специальной инструкцией определялись формы и методы диверсионной и шпионской работы. Намечалось создание провокационных партийных органов в городах и районных центрах, организация провокационных партизанских отрядов и групп, открытие диверсионных школ во многих городах Белоруссии, в частности в Слуцке, Бобруйске и Борисове.

Засылая в отряды всякого рода шпионов и диверсантов, фашисты рассчитывали ослабить партизанское движение, дезорганизовать его, сыграть на некоторых слабых сторонах партизанской жизни. Особо была разработана инструкция о выведении из строя командно-политического состава, работников партийного подполья. Здесь враг пускал в ход все: отравы, и тифозную вошь, и заражение венерическими болезнями.

Материалы допроса оказались очень полезными. Трудно было предвидеть все то, что услышали мы от пленного эсесовца, о чем узнали из документов. Все это еще раз убеждало в своевременности нашего совещания и важности тех вопросов нашей борьбы, которые мы собирались обсудить.

Совещание должно было разработать конкретный план совместных действий наших отрядов и групп на зиму 1941/42 года. Мы хорошо понимали, что если теперь не укрепить отряды, не объединить их дей-

ствия, то некоторые из них зимой могут ослабить свою деятельность.

Нам же надо было расти и расти, умножать и умножать свои силы.

Было ясно, что перед нами возникали дополнительные сложные задачи: охрана нашего населения, наших городов и деревень, наших материальных богатств. Всего этого не сделаешь с малыми, не окрепшими и не объединенными под единым руководством силами.

Ненависть и гнев против захватчиков росли с каждым днем, охватывая все более широкие массы белорусского народа. Это обязывало Минский подпольный обком подумать и о том, чтобы организовать единый штаб по руководству партизанскими отрядами Минской, Полесской, Пинской и ряда районов Барановичской, Молодечненской и Могилевской областей.

Отрядов было уже немало, и с каждым днем они все росли и укреплялись. Отряды Коржа и Меркуля уже насчитывали по нескольку сот человек каждый. Никита Бондаровец и Федор Ширин часто получали ответственные задания и проводили самостоятельно сложные операции. Они действовали отважно. А когда проводилась крупная операция, старобинцы выступали вместе, и общее командование в таких случаях брал на себя Василий Захарович Корж. Отряды Павловского, Храпко, Покровского, Зайца, Жуковского, Далидовича, Ходоркевича, Филиппских насчитывали более сотни партизан каждый; значительно выросли за последнее время отряды Патрина, Розова, Столярова, Шашуры и других.

Совсем недавно начал самостоятельно действовать довольно сильный отряд Антона Петровича Пакуша и Анатолия Яковлевича Жулуги. Это те самые люди, с которыми мы встретились в июле в деревне Заболотье. Тогда у них была небольшая группа, и возглавлял ее председатель сельсовета Русаков. Теперь Русаков отрядом не командовал. Пожилой, слабый здоровьем Русаков мог принести пользу на месте, когда группа была еще на положении скрытых резервов, а когда пришлось действовать в открытую,

командиром стал председатель колхоза Пакуш. В этом человеке удачно сочетались редкая душевная доброта с решительностью и твердостью характера. Был он инициативным, смелым, но иногда смотрел на свой отряд, как на колхоз в подполье. У него и в самом деле были только местные колхозники.

На войне по-военному, но поскольку в отряде те же самые колхозники, тот же самый председатель колхоза, то по традиции они иной раз и военные вопросы решали по-колхозному. Устроят собрание и решают, что как лучше сделать. Они и Пакуша выбрали командиром на своем общем собрании, и в протоколе записали: просить Минский обком утвердить командира отряда. Антону Петровичу было оказано предпочтение и потому, что он командир запаса: хорошо знает оружие, разбирается в тактике и сам смелый, решительный.

В соседнем, Копаткевичском, районе начал активно действовать отряд Михайловского и Жигаря. Председатель Копаткевичского райисполкома Михайловский и директор МТС Жигарь с первых дней войны были оставлены в тылу врага, но долгое время им не удавалось организовать в районе сильного партизанского отряда. Они вынуждены были довольствоваться маленькой группой и кочевали где-то в лесных дебрях. Должно быть, поэтому мы в первые дни подполья не могли установить с ними постоянную связь. Но после того как по заданию обкома отряды Далидовича и Павловского разгромили гитлеровский копаткевичский гарнизон и мы встретились с Михайловским и Жигарем, они твердо стали на ноги, возглавили партийное подполье и партизанское движение в районе. В этом большую помощь оказали им Савелий Константинович Лященья и группа коммунистов из отряда Далидовича, которых направил обком со специальным заданием в Копаткевичский район.

Уже давно было известно о героической борьбе дукорских, руденских, пуховичских, борисовских партизан.

Хорошие известия поступали и из Осиповичского района. Там действовали отряды Шашуры и Ольхов-

ца — бывшего заведующего земотделом. Под Минском укреплялся отряд «Штурм». Он состоял главным образом из минчан и местных жителей. В Пуховичах активно действовал на коммуникациях отряд Евгения Филиппских.

Все это ставило в порядок дня вопросы координации боевых действий, централизованного и систематического руководства партизанским движением. Важно было умело сочетать партийную работу в подполье с оперативным руководством боевыми действиями партизан.

Совещание началось уже вечером: слишком долго провозились мы с эсесовцем и, кроме того, ожидали некоторых командиров.

Мы еще раз внимательно прочитали доклад Иосифа Виссарионовича на торжественном заседании Московского Совета депутатов трудящихся и его речь на параде войск Советской Армии 7 ноября 1941 года. Каждое слово было для нас руководством к действию.

И так с первого дня подполья. Какие препятствия не встречались на нашем опасном и трудном пути! Угроза провала, гибели, неправильная ориентация, непонимание ответственности момента, недостаток опыта. И каждый раз при решении сложных задач, при обсуждении наших перспектив, в поисках выхода из тяжелого положения мы обращались к указаниям товарища Сталина. И всегда находили в них поддержку, находили тот живой источник, который освежал нас, давал нам силы и непоколебимую уверенность в победе.

Краткий курс истории ВКП(б) был нашим неразлучным спутником, с тех пор как мы выехали из Минска. Выступление товарища Сталина 3 июля 1941 года по радио стало нашим маяком.

Вывод был ясен: надо было все шире и шире развертывать партизанское движение, все сильнее и сильнее бить врага. Я от имени обкома предложил следующую план действий на ближайшие месяцы: все отряды должны обеспечить себя транспортом из расчета примерно одни сани и пара лошадей на двух-трех человек; объединить отряды под еди-

ным руководством и провести большой рейд по районам Минской, Полесской, Пинской и частично Барановичской, Молодечненской и Могилевской областей. Рейд будет иметь две цели: во-первых, разгром немецких и полицейских гарнизонов в деревнях и районных центрах, разрушение мостов, складов, нефтебаз; во-вторых, проведение широкой политико-массовой работы среди населения и вовлечение его во всенародную борьбу с врагом.

Предложение обкома совпало с желанием всех командиров и комиссаров и было единодушно принято. Это было единственно правильным решением. Кто мог сомневаться в том, что население везде поддержит нас и обеспечит всем необходимым? В свою очередь, и мы поможем населению. В гарнизонах обычно было немало всяких складов с зерном, продуктами, одеждой. Все это можно будет раздать людям.

Нельзя было не учитывать и того, что у нас все еще не хватало оружия. Рейд по вражеским гарнизонам помогал нам решить и эту задачу.

Таким образом, выходило: оставаться на зиму в лесу на одном месте — значит, рисковать отрядами; идти же в рейд, иначе говоря, идти смело и решительно в наступление на врага, — значит, расти, крепнуть, закаляться в боях, расширять связи с населением, воспитывать в народе веру в великую жизненную силу советской власти, в победу Советской Армии.

Идея создания единого оперативного руководства отрядами также не встретила возражений. Был создан главный штаб из семи человек. В него вошли Мачульский, Бондарь, Бельский, Варвашеня, Горбачев, Корж и я. Позже мы распределили обязанности между собой. На меня, как на секретаря обкома, были возложены обязанности командующего партизанскими отрядами Минской и Полесской областей, Роман Наумович и Корж были моими заместителями по руководству боевыми операциями, Алексей Георгиевич — по разведке и контрразведке, Иосиф Александрович и Иван Денисович занимались работой подпольных партийных организаций, выпу-

• ском листовок и газет, массово-разъяснительной работой среди населения.

Так у нас официально было создано соединение партизанских отрядов. Но это совсем не означало, что в дальнейшем отряды лишались самостоятельности и не имели права проявлять собственную инициативу. Наоборот, создание единого оперативного руководства способствовало наиболее полному использованию инициативы и сил наших отрядов. Все зависело от условий и обстановки. Если нужно, отряды могли действовать отдельно, в одиночку, даже разделившись на группы. А в случае необходимости массированного удара, они должны были выполнять общий план штаба.

XVII

Разошлись командиры, в лагере снова стало тихо. Эсесовца увели в один из отрядов. Его следовало бы немедленно доставить в белорусский штаб партизанского движения или в штаб фронта, но такой возможности мы не имели. Нам необходимо было как можно быстрее переправить за линию фронта документы, отобранные у фашистского офицера.

Бывает, что первые дни зимы вдруг захотят порадовать людей теплом и светом: разбрасывает яркие лучи ласковое солнце, в воздухе снова заблестит паутинка. И не хочется верить, что зима на пороге, что со дня на день нужно ожидать морозов и метелей.

Сегодня один из таких дней, и никому не сидится в землянке. Даже Алексей Георгиевич вышел вместе со всеми и примостился возле огонька. За последнее время он заметно поправился, понемногу начал ходить.

Два маленьких костра горят на площадке нашего лагеря. Так более удобно и практично. Когда в холодную погоду горит, потрескивая, огонек, каждому хочется подойти к нему, погреть руки. А места возле маленького костра на всех нехватит. Раскладывать же большой нельзя: далеко будет виден дым. Поэтому и горят два маленьких костра, возле каждого

из них сидят по три-четыре человека, свободных от службы.

Горбачев разговаривает с нижинскими комсомольцами. Они пока еще здесь, но ночью снова должны итти на конспиративные квартиры. Рядом с Горбачевым сидит Адам Майстренко, секретарь Любанского райкома комсомола. Речь идет о комсомольском подполье и, в частности, о Фене Кононовой, руководительнице нижинской комсомольской подпольной организации. Кононовой нельзя больше оставаться в своей зоне. После похищения эсесовского офицера партизанами в Любани оккупанты начали гоняться за ней, специальные разведотряды рыскали по всем окружающим деревням и особенно бесновались в Нижине.

К огню подошли Бельский и Варвашена. Они приняли участие в обсуждении положения Фени Кононовой и комсомольского подполья. Этот вопрос очень беспокоил нас. С комсомольским подпольным руководством в области до сих пор не ладилось. Правда, у нас был уже обком комсомола, большинство районов имели райкомы комсомола, но работали они еще слабо. В первые месяцы войны комсомольскую работу в подполье возглавлял бывший секретарь Минского обкома комсомола Мальчевский. Подполье, как известно, требует большой силы воли и твердости от руководителя, а Мальчевский показывал себя человеком неустойчивым. Через некоторое время он оставил обком и самовольно стал пробираться в советский тыл.

Подпольный обком партии обратился в ЦК КП(б)Б к товарищу Пономаренко и в ЦК комсомола Белоруссии к товарищу Зимянину с просьбой прислать на Минщину сильных, проверенных комсомольских работников. Вскоре были присланы к нам товарищи Коноплин, Денисевич и Степанцов. Михаил Васильевич Зимянин прибыл в штаб Минского партизанского соединения и отсюда руководил работой по вовлечению молодежи Белоруссии в активную борьбу с фашистскими захватчиками. Комсомольская работа начала быстро укрепляться. Партизанское движение с каждым днем разрасталось, и нам особенно

важно было усилить воспитательную работу среди молодых партизан и комсомольцев.

Слуцкая, копыльская, стародорожская, любанская и старобинская комсомольские организации были самые сильные. Из деревенских самой крупной и активной считалась нижинская комсомольская организация. В этом была большая заслуга комсомолки Фени Кононовой. И если теперь перебросить Кононову на другой участок, вставал вопрос: не ослабнет ли работа в Нижине?

Это обстоятельство очень беспокоило Ивана Денисовича, который сам бывал несколько раз в нижинской организации, знал там почти всех комсомольцев, систематически помогал им в работе. Бюро обкома детально обсудило дальнейшую судьбу нижинской комсомольской организации и ближайшие задачи некоторых подпольных молодежных групп. Мы пришли к выводу, что Кононову необходимо забрать из Нижина и направить на работу в Любанский райком комсомола. У нее имеется богатый опыт, пусть связывается с деревенской молодежью и комсомольцами помогает им включиться в подпольную борьбу. Если поискать хорошо, то в Нижине можно найти ей замену.

Родственников Фени и близких, которым мог угрожать арест, а также ее новую подругу, «подпольную сестру» Любу, мы решили забрать в отряды или переселить в другие, более отдаленные деревни района, где их никто не знал. Осуществить это было поручено Адаму Майстренко.

Возле другого костра сидели Бердникович, Гальченя и Андрей Трутиков. Из посторонних людей только один Трутиков знал тропинку на наш новый островок и мог ходить к нам самостоятельно. Гальченя показал ему эту тропинку, так как Трутиков был хорошим у нас помощником во всех подпольных и интендантских делах. Он вывел из окружения сотни наших бойцов, создал несколько складов оружия, когда фронт проходил уже возле Гомеля. Он сумел уберечь все колхозное добро. Когда к району приближались оккупанты, Трутиков с колхозниками

разрушил все ближайшие мосты, завалил дороги срубленными деревьями, засыпал в нескольких местах мелиоративную канаву и заболотил гати. Поэтому в летнее время оккупанты не могли попасть в деревню, а если иной раз им и удавалось пробраться туда, то они ничего не могли найти, так хорошо все было спрятано.

В Озерном были большие запасы хлеба, овощей и скота. Недаром партизаны называли эту деревню центральной партизанской базой. Старый Андрей всегда помогал партизанам, когда те или иные отряды нуждались в продуктах.

Очень ценно было и то, что практичный и заботливый Трутиков организовал нам помол зерна. В первые месяцы партизанской борьбы это имело большое значение. Зерно у нас было; при разгроме гарнизонов мы забирали немецкие запасы, зерна нам могли дать и колхозы, а муки мы в достаточном количестве не имели. На оккупированной фашистами территории почти все мельницы во время войны не работали, да и нельзя было привезти на мельницу сразу несколько мешков зерна: это вызвало бы подозрение оккупантов. Поэтому Трутиков молот понемногу, якобы для себя. Позже он нашел еще один способ увеличить помол зерна: пустил в ход все жернова, какие только были в деревне, и сделал с полдесятка новых. Колхозники вручную мололи для партизан муку. Разумеется, это не разрешало нашей мучной проблемы полностью, но все-таки помощь была значительная, тем более, что и многие другие колхозы взяли с Озерного пример. Позже Трутиков усовершенствовал свое мукомольное дело. Недалеко от деревни стояла старая, заброшенная ветряная мельница. Колхоз раньше не использовал ее, так как ремонт стоил бы слишком дорого. И вот, заглянув однажды на мельницу, Трутиков осмотрел ее и решил: «Вчера это была куча дров, а сегодня мы сделаем из этого мельницу. Кто догадается, что партизаны здесь будут молоть себе муку?» И взялись колхозники за работу. Укрепили стоян, подняли наверх новые камни, крылья облицевали, смазали где нужно — и заверте-

лась мельничка. Привозят колхозники сюда зерно, просушенное в печах, чтобы камни не заклеивались и мука была бы посуше да полегче. На всякий случай на мешках подписывают фамилию, как будто каждый мелет для себя. Когда вблизи немцев нет, мельница работает, а как только появляются гитлеровцы, зерно прячется в тайник, переплет с крыльев снимается, разбираются шестерни, и снова мельница стоит ненужная, заброшенная; никому из посторонних и в голову не придет, что здесь важный снабженческий пункт партизан.

Герасим Маркович Гальченя, подбрасывая время от времени в огонь небольшие сучки, жаловался Трутикову на непоседливость здешних людей.

— Поверишь, Андрей, — поглаживая отросшую, поседевшую бороду, говорил он, — когда выбирал я это место для штабного лагеря, примеривался со всех сторон, и все кажется было хорошо. На лошади сюда не подъедешь и пешком не доберешься, не зная дороги. Зимой, скажем, — что тут кому может приглянуться? Дров нет, лыка теперь не надерешь, ничего подходящего для человека здесь, кажется, не найдешь. И все-таки нет-нет, да и замечаю, что кто-то здесь был. Немного подморозило, — уже и пришел.

— А откуда это тебе видно? — спросил Трутиков. — Может, тебе просто показалось?

— Нет, не показалось, — возразил Гальченя. — Я тут по духу чужого человека почую. А на этот раз яснее ясного, тут и гадать нечего. Вчера шагов за сто от лагеря кто-то срубил две орешины. Я и забыл про этот орешник. Из наших, знаю, никто не рубил: у нас только один топор, и тот всегда у меня. Срубил кто-то из деревенских, должно быть на обручи. Кто тут у нас поблизости бондарит, не помнишь? Ты ведь сам когда-то бондарил, на весь район славился. Совсем упустил из виду эти орешины, когда выбирал место для лагеря. Вот, пропади они!

Трутиков начал старательно перечислять всех местных бондарей. Повернув голову в сторону ближайшей деревни Пластки, он загибал один за другим

пальцы и считал: «Иван раз, Иван два, Никифор, Петро...»

Потом, повернувшись в сторону деревни Озерное, назвал еще несколько имен и кличек: «Зеленуха, Ефрем, Чигирь, Кастын, Филипповка».

— Кто ж из них мог тут лазить? — настойчиво спросил он у Гальчени, будто тот обязательно должен был знать об этом. — Следы не остались?

— Да какие следы! — озабоченно ответил Герасим Маркович. — Снежок было присыпал землю, да скоро растаял. Если б были следы, никуда бы он от меня не скрылся, нашел бы я его хоть под землей. Тут главное — узнать, кто это, и видел ли он лагерь?

Трутиков на минуту опустил голову, уперся бородой в воротник черного полушубка.

— Не тревожься, Маркович, — вдруг заговорил он. — Ничего не случится, я все улажу.

— Правда? — Гальченя добродушно улыбнулся.

— Говорю, улажу, — значит улажу. Я сам спрошу, кто приходил, мне скажут. Тогда посмотрю в глаза тому человеку и узнаю, что у него на душе.

— А если человек видел лагерь? — не успокаивался Гальченя. — Что тогда?

— Тогда скажу ему, чтобы держал язык за зубами, — и будет держать.

— Нет, тогда скажи, чтобы он наколол себе язык, — предложил Гальченя. — Пусть иголкой наколет язык.

Трутиков улыбнулся, широкая борода его шевельнулась:

— Хорошо, так и скажу.

* * *

В сумерки Адам Майстренко, а с ним и нижинские комсомольцы простились с нами и пошли в направлении Барикова, чтобы оттуда пробраться в Нижин. В густых зарослях между Нижином и Бариковом их должна была встретить Маруся Кононова, сестра Фени и жена Адама Майстренко.

К вечеру подморозило, последние пожелтевшие листья падали на землю, и под ногами шуршал лиственный покров. Лесом трудно было идти. Комсомольцы разделились на две группы и пошли проезжей дорогой.

К условленному месту пришли поздно. Маруся уже ожидала их. Она была взволнована, лицо заметно похудело, вытянулось, даже при лунном свете можно было разглядеть синие круги под глазами. Видно, она много страдала в эти дни.

Она рассказала, что недавно эсесовцы перетрясли весь Нижин, многих арестовали, в том числе нескольких девушек, подруг Фени и Маруси. Ни самой Фени, ни родителей ее не нашли, только хату сожгли. Ни вещей, ни хаты не жаль было Марусе. Она волновалась и переживала за своих подруг, попавших в лапы фашистов. Среди них были комсомолки, были и такие, которые не состояли в комсомоле, но принимали участие в работе подпольной организации. За комсомолок Маруся была спокойна: эти выдержат, не сдадутся, а вот как будут вести себя остальные девчата? Очень уж молодые есть среди них, только семилетку окончили, а некоторые даже из шестого класса. Начнут гестаповцы истязать их, могут и не выдержать. А тогда погибнет вся организация.

— Кто арестован? — спросил Майстренко.

Маруся назвала всех арестованных девушек, и, когда назвала последнюю, голос ее задрожал.

— Может, Фене надо быть там, с ними, или мне? — неожиданно сказала она. — Может, им легче было бы. Одна из нас погибла бы, а организация работала бы попрежнему.

— Неверно! — резко остановил ее Майстренко. — Знали бы об этом девчата, обиделись бы на тебя. Мало веришь ты им — значит плохо знаешь их. Я уверен, что ни одна из них не дрогнет.

— Разве только Лида, — задумчиво сказал один из парней. — Такая она еще слабенькая, несамостоятельная. Недавно брошку потеряла, так чуть не заплакала.

— Там она не заплачет, — уверенно заметил другой парень. — Ты еще не знаешь ее.

Видя, что комсомольцы действительно сомневаются в одной из арестованных подруг, Маруся тоже начала заступаться за нее.

— Не знаешь ты Лиду, — горячо запротестовала Маруся, — не знаешь! А если так, то и не говори. Вот на, смотри.

И Маруся протянула руку к парню, считавшему Лиду слабенькой и несамостоятельной.

В руке у нее был зажат клочок бумаги.

— Читай! — шопотом сказала Маруся. — Читай, что здесь написано. Брат Лиды мне принес, Адамка.

Парень набросил на голову пальто, включил фонарик и стал читать.

«Дорогие мои девочки и все, кто остался! — писала девушка. — Не думайте ничего плохого о нас и не бойтесь. Мы не подведем! Клянемся!»

— Видел? — торжествующе спросила Маруся. — Не знаешь, так и не говори! — снова повторила она. — Вступали наши девчата в организацию, клятву давали.

— Куда их погнали? — спросил Майстренко. — Далеко?

— В Кузьмичи пока, а может, в Постолаы, — ответила Маруся, — там у них отделения гестапо.

— Надо послать им письмо, — немного подумав, сказал Майстренко. — Теплое письмо, сердечное. Надо, чтобы они знали, что мы получили их записку, что верим им и надеемся на них. Им легче будет.

— Верно, — ответила Маруся. — Адамка отнесет.

— Не Адамка, а ты, — перебил Майстренко. — Там ведь надо еще суметь передать.

— Адамка сумеет, ему это легче сделать, чем кому-нибудь другому. Когда нужно было, мы ему и не такие задания давали. Везде проберется, все высмотрит, все узнает.

— Давайте сейчас же напишем, — предложил Майстренко. — А ты, — обратился он к Марусе, — обеспечишь передачу.

Ребята присели под кустом, набросили на головы плащ-палатку и при свете фонарика начали писать, а Маруся пошла тихонько к дороге, думая об Адам-

ке. Вот напишут письмо девочкам, свернут его в трубочку и отдадут ей. А она сегодня же незаметно подойдет к одной знакомой хате, условно постучит мальчику в окно, разбудит его и тихо скажет: «Новое задание тебе от комсомола!»

Мальчик сразу же прогонит сон, выпрямится, серьезно нахмурит брови и ответит по-военному: «Слушаю!»

Маруся отдаст ему маленький листок, а он положит его в потайную распорочку в шапке и молча вернется в хату. А на завтра, еще до рассвета, встанет, наденет длинную дырявую свитку и под видом бездомного сироты пойдет в Кузьмичи или в Постолю.

Сколько раз этот мальчик уже делал так! Как любит его вся организация!

Так вышла Маруся на дорогу. Глянула в одну сторону, в другую, прошла немного по направлению к деревне Нижин и хотела уже повернуть обратно, как вдруг черная фигура с винтовкой в руках загородила ей дорогу.

— Ты куда? — спросил хриплый, приглушенный бас.

— Домой, в Нижин, — стараясь быть спокойной, ответила Маруся.

— Откуда? — изо рта «полицая» резко пахло самогонным перегаром.

— Из Барикова иду, — сказала Маруся.

Подождал еще один «полицай», приблизился вплотную к Марусе и захохотал в лицо ей:

— Старые знакомые, слава богу!

— Я вас не знаю, — твердо сказала Маруся, хотя она сразу узнала в полицейском одного кузьмичского пьяницу и проходимца, которого в деревне никто и за человека не считал. На лице у него был длинный, синевато-красный шрам. Маруся поняла, что наскочила на засаду.

— Стыдно не признавать старых знакомых, — насмешливо говорил полицейский. — Ты, Кононова, не выкручивайся, а говори правду, так лучше будет. К муженьку ходила? Знаю, знаю твоего муженька.

Если бы нарвался он на меня, всей обоймы не пожалел бы.

И, повернувшись к другому полицейскому, прибавил:

— Старые счеты с ее коханым, понимаешь?

— Это, должно быть, сестра Кононовой, — тихо сказал первый полицейский.

— Какой Кононовой? — равнодушно спросил другой.

— Ну той, что ищут теперь, Фени Кононовой.

— Они ищут свое, — хвастливо сказал он, — а мы свое. Если они ищут, то и найдут, наверно, уже нашли. А мы свое будем искать. Ты знаешь, кто такой ее муженек? Вряд ли знаешь. Он тут над всем комсомолом начальник. Понял? А главное — мой давнишний враг. Понял? — Первый полицейский замолчал, видно кузьмичский пьяница был здесь старшим.

— Значит, к муженьку ходила? — крюком согнувшись над Марусей, спрашивал полицейский. — Есть ему носила!.. А как же: носи, носи, а то подохнет в лесу с голоду.

— Мой муж эвакуирован, — решительно заявила Маруся, — и нечего зря болтать.

— Эвакуирован? — полицейский скривил широкий рот в ехидную улыбку. — Врешь ты, молодуха, он здесь. Может, даже вон в тех кустах где-нибудь сидит, — ты, видать, не издалека идешь.

— Я в Барикове была.

— Об этом мы спросим у бариковцев, — заметил полицейский. — Только вряд ли ты там была. Кто там у тебя?

— Тетка.

— Врешь! Никакой тетки там у тебя нет. У нас в Кузьмичах твоя тетка. Но ты к нам не ходишь. А тетка тоскует перед смертью.

Последние слова кольнули сердце. «Почему перед смертью?» — подумала она. Потом отбросила тяжелую мысль: мало ли что скажет пьяный «полицай».

— В Барикове у меня другая тетка, — продолжала Маруся, — сестра моего отца.

— Проверим! — заявил полицейский. — Теперь мы все узнаем, можешь нам поверить: самого дальнего родственника не пропустим.

Подошел еще один полицейский и доложил, что в дальних кустах блеснул огонек. Сначала один раз, потом другой: он следил за тем местом около полу-часа, но ничего больше пока не заметил.

— Где? — спросил старший и сразу отрезвел.

— Вон там, — показал рукой полицейский, и Маруся все поняла. Сердце ее защемило: должно быть, свет фонарика на момент вырвался из-под плащ-палатки и дозорный «полицай» это заметил. Что же теперь делать, как спасти ребят? До этого момента Маруся боялась за себя, а теперь все мысли ее перенеслись к мужу, к ребятам, которые сейчас пишут письмо арестованным подпольщикам. Услыхали ли они разговор, догадались ли об опасности? Может быть, увлеклись составлением письма, прикрывшись плащ-палаткой, и не уловили голосов, тем более что расстояние отсюда довольно значительное и «полицаи» разговаривали вполголоса. Маруся умышленно стала говорить громко, чтобы ребята услышали и приготовились. Подошел старший и поднес к ее лицу кулак: «Тише!» Дернув Марусю за руку, он угрожающе спросил:

— Сколько их там? Говори правду.

— Двадцать человек, — громко сказала Маруся.

— Не кричи!

— Правда, двадцать! — еще громче подтвердила Кононова.

— Не кричи! — вскипел старший и с размаху ударил ее прикладом в грудь. Маруся упала. Полицейский кивнул одному из своих; тот быстро побежал по дороге к Нижину, откуда вскоре показались еще трое полицейских. Старший что-то приказал всему «войску», потом отозвал одного из них в сторону, указав на Марусю, злобно усмехнулся и что-то сказал.

Полицейский подошел к Марусе. Держась за верстовой столб, женщина пробовала встать, ноги ее подкашивались, мучил тяжелый кровавый кашель, шумело в голове.

— Вот мы тебе поможем, молодочка, — с издевкой промолвил полицейский и протянул руки к женщине. Маруся оттолкнула их и, собрав все силы, встала сама.

— Вот и хорошо! — продолжал полицейский. — Поднялась сама — столб помог. А теперь, чтобы ты снова не упала, мы привяжем тебя к этому столбу. Вот так. И руки привяжем, и ноги, и шею. Под ноги вот этот камень подложим. Будешь стоять выше всех. Если твой коханный выстрелит, так пуля прямо в тебя и попадет. Видишь, как хитро придумано, ты не смотри, что наш старший такой нескладный. А чтобы пуля не пробила тебя, ты прикажешь своему коханому не стрелять. Пусть лучше живым сдается нам, потому что лучше живому в пекле, чем мертвому в раю.

— Ада-ам! — крикнула Маруся изо всей силы. Ночное эхо подхватило ее голос и понесло далеко-далеко. — Ада-ам! — повторила женщина. — Полиция!..

Но ребятам уже не нужно было кричать. Заметив, что Маруси долго нет возле них, они стали прислушиваться. Один из нижинцев пробрался к дороге и все узнал. Вскоре Майстренко с комсомольцами был уже возле самой дороги. Не успели полицейские развернуться, как ребята ударили по ним из автоматов. Полицейский, который стоял возле Маруси, сразу упал на землю и быстро пополз в чашу. Оттуда выстрелил несколько раз, но в темноте в Марусю не попал. Майстренко пустил по нему очередь, и полицейский замолчал. Старший первым пустился бежать, но партизанская пуля подбила его. Бросив винтовку, он спрятался в кустах. Искать его не стали. Остальные полицейские, пригибаясь к земле, рассыпались в темноте и, только отбежав больше километра, начали беспорядочно стрелять.

Так в эту ночь и не удалось комсомольцам добраться до Нижина. Маруся еле-еле стояла на ногах, нужен был хотя бы короткий отдых. Да к тому же было ясно, что в эту ночь не могло быть спокойно ни в Нижине, ни в Кузьмичах. С большим трудом подпольщики дошли до Барикова. Там нашли Настю

Феня Кононова,

Ермак и еще некоторых надежных людей. Трактористка Настя сразу оживилась, стала энергичной, деловой, увидав, что партизаны снова нуждаются в ее помощи. Марусю она взяла к себе и поместила ее в той боковушке, где когда-то лежал Алексей Георгиевич Бондарь. Придумала десяток способов, чтобы помочь женщине: компресс положила, отваром мяты напоила, спину растерла. Здесь пробыла Маруся несколько дней, а потом совсем перебралась в партизанский отряд.

Нижинские комсомольцы вскоре восстановили связь со своими односельчанами, передали записку арестованным девушкам, а сами перешли на лагерное положение, стали партизанами.

«Не теряйте надежды, дорогие! — говорилось в записке. — С вами мы все, все наши партизаны и партизанки, все честные люди. Держитесь — скоро мы придем к вам на помощь!»

XVIII

Феня Кононова не вернулась в свою деревню после последней операции Горбачева. Даже когда эсесовцы выехали и в Нижине стало спокойнее, все равно жить дома было небезопасно, шпионы гестапо выследили бы Феню. Родители Кононовой перешли в партизанскую зону.

Феня начала работать в Любанском райкоме комсомола под руководством Адама Майстренко. Любанский райком комсомола, как и райком партии, базировался при отряде Далидовича, но так как комсомольские организации были и при других отрядах и в деревнях, Фене приходилось бывать везде. Ходила она чаще всего одна, иногда со своей сестрой Марусей. В деревни пробиралась глухими тропами, только ей одной известными.

Хуже всего было пробираться в Нижин, но Феня ходила и туда, являлась всегда точно в назначенное время. Сколько раз бывало: соберутся подпольщики на конспиративной квартире, на улице тьма непроглядная, непогода, злая метелница заносит

дороги, а комсомольцы уверенно поглядывают на часы: еще минута, еще две, и должна появиться Кононова. Они знали, если Кононова сказала, то обязательно придет, никакие трудности ей не помешают. И Феня приходила. При ее появлении у комсомольцев поднимался боевой дух, самое сложное задание казалось не таким трудным. Каждому хотелось делать все так, как делает Феня, во всем брать с нее пример.

Однажды Феня получила ответственное задание: ей надо было пробраться в Кузьмичи и Постолаы, раздобыть там планы фашистско-полицейских укреплений, постараться поставить в гарнизоне своих людей, которые обо всем информировали бы партизанское соединение. Майстренко уже давно вынашивал план разгрома кузьмичского гарнизона. Эта идея пришла по душе и Розову. Оба уже несколько раз обращались в штаб соединения с просьбой разрешить им проведение операции. Они ратовали за то, чтобы ударить сразу, хотя и понимали, что это рискованно. Штаб не мог дать согласия на скороспелые операции. Мы знали, что гарнизоны в Кузьмичах и Постолах Любанского района, Ламовичах Октябрьского района, в Погосте Старобинского и Уречье Слуцкого района хорошо укреплены. Расположенные на узлах дорог, они были предназначены главным образом для того, чтобы препятствовать распространению партизанского движения на другие районы, чтобы создать своего рода заслон между районами. В Кузьмичах и Постолах было несколько дотов с подземными ходами между ними, на перекрестках поднимались дзоты. Пулеметов и боеприпасов тоже было достаточно. Ясно, что для того, чтобы операция по разгрому этих гарнизонов прошла успешно, надо было как следует подготовиться.

Феня Кононова должна была помочь в этом деле. У нее были надежные люди в Кузьмичах и в Постолах, но проникнуть туда слишком трудно. И днем и ночью по улицам ходят патрули, отдельные дзоты вынесены далеко за околицы, и здесь гитлеровцы задерживали всех, кто шел или ехал в деревню и из

деревни. Долго думала Феня, как лучше выполнить задание и все никак не складывался у нее надежный план, не определялись верные пути. Пошла она к Марусе. Встретились две сестры в молодом ельнике, присели рядом на пеньках. Начался разговор по душам, совсем по-домашнему, но только тема не домашняя.

— Что ты мне посоветуешь? — спросила Феня. — Ты ведь у меня старшая, лучше все знаешь.

— О чем ты? — немного удивилась Маруся.

— Об одном задании. Надо сходить в Кузьмичи и Постолаы и кое-что сделать там. Люди, ты же знаешь, там есть, только связь с ними теперь порвалась. Не могу придумать, как мне до них добраться через эти посты и дзоты, как встретиться. Десяток вариантов перебрала, все как-то ненадежно выходит.

— Ну, расскажи мне свои варианты, — попросила Маруся.

Феня говорила, а Маруся внимательно слушала, взвешивала мысленно каждый вариант. Некоторые из них были явно не под силу одному человеку, хоть с этим Феня никак не могла согласиться. Она не обращала внимания на трудности, не обращала внимания и на риск: у нее нашлись бы силы преодолеть любые трудности, а рисковать своей жизнью было не ново. Хуже всего, что все варианты не обещали успеха. Это и беспокоило Феню.

— Слишком рискованно все, — заметила Маруся, когда Феня смолкла. — Смелости у тебя, Феня, и находчивости на пятерых хватило бы, но ты слишком не рискуй собой. Тут и в самом деле надо хорошо все обдумать. Может быть, что-нибудь лучшее найдется.

— Для этого и пришла к тебе, — ответила Феня.

— А что, если воспользоваться еще одним вариантом?

— Каким? — обрадовалась Феня.

— Самым простым, по-моему.

— Бывает, что самый простой — самый лучший, — заметила Феня. — Ты говори смело, может быть, на мое счастье, подашь хорошую мысль.

— Ты Адамку, Лидинога братишку, знаешь? — спросила Маруся.

Феня сразу обо всем догадалась.

— Знаю, знаю! — взволнованно заговорила она. — Правильно, Маруся, это и проще и лучше.

— А в Нижин у тебя есть дорожка?

— Есть, туда я хожу, — ответила Феня. — И в самом деле, Адамка, пробравшись в Кузьмичи, может вызвать нашего человека. В условном месте мы с ним встретимся, а там договоримся о дальнейшем. Правильно! Сегодня же, как только стемнеет, пойду в Нижин.

— Может, мне пойти с тобой? — несмело попросила Маруся. — Последнее время ты все одна ходишь и ходишь. Боюсь я за тебя, Фенечка.

— Ты думаешь, я на кузьмичского пьяницу нарвусь? — полушутя спросила Феня. — Не бойся, он уже мертв.

Маруся удивленно подняла глаза. То, что был уничтожен еще один «полицай», конечно, не могло удивить ее, но именно этот «полицай» крепко запомнился, и женщина заинтересовалась.

— А я не слыхала, — сказала она.

— Вчера нам передали, — продолжала Феня, — что тогда Адам подстрелил его, да как следует, так он заживо гнить стал. Когда он служил этим извергам, так хорош был, а как подбили его, — так эсесовцы выбросили вон его, как паршивого пса. Ну, а люди тоже не приняли выродка.

— Я помогла бы тебе это задание выполнить, — с ласковой настойчивостью сказала Маруся. — Когда я с тобой, тогда легче у меня на душе. А то услышу, что ты пошла одна, места не нахожу себе, все тревожусь.

— Ничего, Манечка, — успокаивала ее Феня. — Я ж справлялась раньше и теперь справлюсь. А тебе трудно будет, ты еще хорошенько не поправилась после случая возле Нижина.

— Я быстрой поправлюсь, если буду ходить на задания, — уверяла Маруся. — Разве я ранена в бою или контужена? Ничего еще не сделала, а уж сижу,

как старуха. Адам не пускает, ты не пускаешь, а командиры, так те и слушать не хотят.

Сестры так беседуют около часа. Время терпит: Фене идти только вечером, а расставаться не хочется. Редко выпадают такие милые сердцу минуты. Земля немного подмерзла, но снега еще нет. Погода тихая, а в густом сосняке и совсем тепло, ноги в сапогах не мерзнут.

— А комиссар снова пошел на операцию, — тихо говорит Маруся.

— Какой комиссар? — спрашивает Феня.

— Наш Гуляев, — объясняет Маруся. — Прошлой ночью только вернулся, а сейчас снова пошел. Вот неугомонный, боевой человек! Как подумаешь, кажется, жизнь не жалко отдать за такого. Ранили его фашисты на фронте, захватили в плен. Другой и обмяк бы там. А он, смотри, убежал из плена и сразу в партизаны. Говорят, еще с открытыми ранами сюда пришел. А теперь вот, где он только не побывал, в какой операции не участвовал! Сегодня и мой Адам пошел с ним.

— Он же был с Розовым, — заметила Феня.

— Был, а теперь больше с Гуляевым, — продолжала Маруся. — Видно, понравился ему этот человек.

Маруся глубоко вздохнула, подняла на сестру задумчивый, жалостливый взгляд и спросила:

— А про твоего ничего не слышно?

Феня смутилась: такого вопроса не ожидала.

— А что теперь можно услышать? — вдруг покраснев, спросила она. — Да не был он еще моим. Так только, дружили.

— Если б не война, был бы, — уверенно сказала Маруся. — Ты, Фенечка, не горюй.

— А может, и не был бы, — усмехнулась Феня.

— Вот какая ты! — мягко упрекнула Маруся. — Я ведь знаю, кто он для тебя, а ты все не признаешься, все как будто стыдишься.

— Я часто думаю про него, — проговорила, наконец, Феня. — Особенно, когда иду куда одна. Хоть одно бы знать: жив ли? А то никаких вестей с самого начала войны. Свет велик. Ни части его

не знаю, ничего. Пробовала у людей расспрашивать, письмо в Москву писала, ничего не вышло. Одним теперь живу: надеюсь, что скоро у нас будет постоянная связь с Москвой, тогда письмо в Центральный штаб партизанского движения пошлю. А теперь, как слушаю сводку, так все чего-то жду. Все мне кажется, что назовут по радио знакомое мне имя.

— Знакомое! — снова добродушно упрекает сестру Маруся. — Не то слово.

— Милое, — поправляется Феня, и глаза ее внезапно наполняются слезами.

Маруся молчит. Ей хочется чем-нибудь помочь Фене. Она берет сестру за руку и еще некоторое время молчит, а потом начинает тихо жаловаться.

— А думаешь, мне легко, — говорит Маруся, — хоть Адам и при мне? Каждый день он куда-нибудь идет, каждый день! Если б сама могла ходить с ним, может, немного легче было бы. А так душа болит и болит. Каждый раз провожу его и думаю: «Не выживу, если не вернется, места на земле не найду». А вернется — не верю, что он здесь, все мне кажется, что он где-то на задании, где-то под пулями да под минами. Если б уж не видела его, ничего не знала о нем, может даже легче было бы.

Сердечно простились сестры, и Феня пошла готовиться в дорогу. До Нижина она добралась сравнительно легко. Были здесь не только известные, искоженные тропы, но и потайные ходы, о которых знали только Феня да несколько человек из подпольной организации. Комсомольцы по очереди дежурили на этих тропах. Здесь везде были расставлены условные знаки. Если, например, у мостика притаилась полицейская засада, то на подступе к нему в условленном месте была воткнута в землю маленькая ветка с сухими листьями, если же дорога была открыта, ветка была без листьев. И так на протяжении всей дороги. Небольшая, почти незаметная работа, но какую большую пользу приносила она! Выполняли ее главным образом нижинские мальчишки, бывшие школьники, такие, как Адамка. Поручат им взрослые,

они и пошли. Везде пролезут, все сделают, а наткнутся на «полицаяв», найдут, что сказать, сумеют оправдаться, вывернуться.

Адамка сильно помог Фене и в последнем задании. Он сходил в Кузьмичи и Постолаы, отнес записки нашим людям. Оттуда они вышли навстречу Фене. В Кузьмичах вскоре была создана боевая подпольная группа, а в Постолах — две. Подпольщики доставляли в штаб сообщения о кузьмичском и постоловском гарнизонах, добывали планы укреплений, — активно помогали нам подготовить разгром этих вражеских гнезд.

Спустя некоторое время обком комсомола направил Кононову в Гресский, Стародорожский и Слуцкий районы в качестве своего инструктора. Комсомольская работа в Любанском и Старобинском районах была поставлена неплохо, а в остальных районах, по существу, еще только организовывалось широкое комсомольское подполье. Надо было помочь молодым организациям и установить связь между районными организациями комсомола. Пробыла там Кононова около двух недель, а вернулась, снова взялась за свою прежнюю работу. И, конечно, в первый же день потянуло ее в Ножин: туда, где самые близкие и дорогие сердцу люди, где еще недавно был ее дом, ее школа, ее любимое место на реке Орессе. Хотелось скорее увидеться со своими, узнать что-нибудь об арестованных девушках. Посоветовалась с Майстренко, получила задание и пошла.

Из загалских лесов она вышла на закате, а когда «своими тропками» подошла к Ножину, уже совсем стемнело. Ножинские комсомольцы не знали, что Феня вернулась в район, и поэтому не ждали ее. Должно быть, никого не ждали в этот вечер, потому что никаких знаков на дороге не было. Кононова заметила это, постояла немного, подумала и все-таки пошла дальше. Она была уверена, что куда-куда, а в Ножин она проберется, несмотря ни на какие препятствия. Сколько раз сюда приходила, сколько раз отсюда уходила! Каждый кустик здесь знаком, каждое дерево, каждая ложбинка на дороге.

Вечер был тихий, слегка морозило. Снег не скрипел под ногами, но и не скользил, как в оттепель. Итти можно было быстро, и Феня спешила. Вот взгорочек, а там кустики. За кустиками — открытое место, самое опасное. Опасное потому, что за ним нижинское кладбище. Пока перебегаешь это место, все время кажется, что с кладбища кто-то следит за тобой. И обойти его нельзя, нет здесь другого, более удобного подхода к деревне. Как только вскочил на кладбище, считай, что ты уже дома, потому что отсюда рукой подать до явочных квартир.

Бывало, ожидая Феню, нижинские комсомольцы дежурили на кладбище и время от времени подавали оттуда условные сигналы. Если же никто не дежурил, открытое место приходилось переползать: в темную ночь человек на земле незаметен. А теперь снег кругом. Выходя из лагеря, Феня и не подумала, что на этом опасном месте снег. Если бы вспомнила, взяла бы маскировочный халат. Феня остановилась в кустах. Страшновато выходить. У нее появилось чувство, которое бывает у бойца, в первый раз идущего в атаку. Пока были кустики, дерева, хотя они и не закрывали от вражеской пули, но все-таки итти было как-то легче: нога ступала твердо, глаз видел далеко. Как только кончались кустики, тянуло бойца к земле, начинало казаться, что все пули полетят именно сюда.

Притаившись за кустом, девушка стала вглядываться и прислушиваться. Ничего не видно на кладбище, ничего не слышно. Легкий ветерок изредка налетал на сосенник и глухо шумел в вершинах. Да кто там может быть в такую пору? Феня вышла из-за куста и быстрым шагом направилась к кладбищу. На всякий случай вынула из потайного кармана пистолет и спрятала его в рукав шубки. Вышла на дорогу, и тут ей смешно стало: сколько везде ходила, никогда ничего не боялась, а тут, возле дома, вдруг охватил какой-то страх. Может быть, потому, что когда-то в детские годы очень она боялась этих могил. Девушка все прибавляла шаг, а под конец не выдержала — побежала и уже не останавливалась до

самого сосняка. Хотелось скорее прийти на место, постучать в окно к своим людям. Еще немного, еще несколько шагов. Феня перескочила через канавку, которой было обнесено кладбище, и припала грудью к сосне. Она вся дрожала от волнения. Так когда-то прижималась она к своей матери, когда на сердце было тяжело, когда к горлу подступали слезы. Мать обнимала ее за плечи, целовала мягкие волосы, — и любое горе сразу становилось меньше. Как бы хотелось и теперь прижаться к ней, расспросить, как она живет. Но теперь Феня даже не знала, где ее мать. Отец ушел в лес после того, как гитлеровцы сожгли их хату, а мать пошла куда-то в Глусский район, к родственникам.

И все-таки легче стало на душе, она чувствовала себя дома. Здесь почти в каждой хате убежище и радость встречи с близкими и дорогими людьми. Глянула в сторону деревни: вон там должна быть самая близкая хата. Прямая дорожка к ней — каких-нибудь пять-шесть минут ходу. Только ограда впереди да несколько плоских деревянных памятников. Феня собралась уже идти, но вдруг ей показалось, что за одним из этих памятников что-то шевельнулось. Показалось или нет? Девушка присела на корни сосны, стала вглядываться в темноту. В самом деле, кто-то там есть, только нельзя разобрать — человек или собака. Перевела взгляд на другие памятники и с тревогой заметила, что и за ними тоже кто-то есть. Потом разглядела человеческую фигуру за деревом. Теперь сомнений быть не могло: на кладбище люди и, скорее всего, недобрые люди. Вряд ли это свои комсомольцы.

Человек отделился от сосны и двинулся по направлению к тому дереву, где сидела Феня. Поднялись те, кто сидели за памятниками и пошли за первым. Кононова машинально сосчитала: один, два, три... Шесть человек с этим передним. «Нет, это не наши. Наши выслали бы одного, двух. Тут что-то недоброе».

Передний сделал шагов десять, потом снова зашел за ствол дерева.

— Кто там? Вылезай!

Голос был незнакомый. «Не видит, чтоб ему пусто!» — подумала Феня.

Девушка, не спуская глаз с притаившегося за деревом человека, обдумывала, что делать. Когда опасность нависла над головой, исчез куда-то страх, который совсем недавно давал себя знать. Решимость, упорное желание бороться до последнего дыхания наполнили душу девушки. Она понимала, что легко здесь не отделаешься, что она, очевидно, натолкнулась на полицейскую засаду и что полицейские будут стараться захватить ее живой. «Но и им жарко будет!» — это решение созрело сразу, твердое и непоколебимое. Феня достала пистолет и легла на землю. Человек за деревом махнул рукой, и полицейские, пригибаясь, побежали вперед: три справа и два слева. Перебегая от дерева к дереву, они приближались к Фене, а человек за деревом оставался на месте. «Значит, это старший, — подумала Феня. — Если бы его прикончить, остальные не проявили бы особой активности». Она старательно взяла на прицел ту сосну, за которой стоял «полицай», и, выбрав момент, когда тот высунулся, выстрелила.

«Полицай» рухнул на землю у сосны и потом закричал диким голосом:

— Ложись!

Все попадали еще до его команды. Справа и слева от Фени прогремели винтовочные выстрелы. Пули прозвенели над ее головой. «Должно быть, видят», — подумала Феня и рывком вскочила в канавку, отползла немного в сторону. Можно было бы попробовать ползти дальше, но...

— Живым его, живым! — крикнул старший «полицай», но сам не тронулся с места.

Феня устроилась в канавке у куста, отгребла от себя тонкий слой снега. Сквозь ветки куста ей видны были враги. Хоть не было у девушки настоящей военной практики, однако она чувствовала, что пуля ее теперь не достанет, а их можно всех перебить, жаль только, что патронов мало. Она решила подождать, пока «полицаи» подползут совсем близко, вы-

пустить по ним половину обоймы и попробовать перебежать в кусты.

— Живым его-о! — кричал из-за сосны старший «полицай». — Говорю, живым!

А «полицай» боялись итти в обход и непрерывно стреляли. Пули летели куда попало.

Высунулся, наконец, и старший, неуклюже на четвереньках пополз в направлении канавки. Феня выстрелила и быстро отползла влево. «Полицай» залег. В этот момент девушка заметила, что «полицай», которые ползли с левой стороны, оказались совсем близко.

— Ого-онь! — закричал старший.

Пули летели в то место, откуда только что блеснул пистолетный выстрел. Старший пришел в ярость, поднялся за деревом и бросил гранату. Она взорвалась за несколько метров от того места, где только что лежала Коконова.

Феня еще раз взглянула влево: три «полицая» в десяти шагах от нее. Они палят без разбора, а ползти дальше не решаются. Нужно незаметно подползти немножко ближе, перебить тех, что слева, и по канавке, которая огибала кладбище, пробраться до Загуменьев, а там можно будет и спрятаться.

Девушка затаила дыхание: и ползти не нужно, вот они сами крадутся по-волчьи. Вдруг двое приподнимаются и бегут к канаве. Расчет ясен, хотя перескочить канаву и зайти сзади. Еще момент — Коконова стреляет почти в упор. Один раз, другой. Стреляет и, согнувшись, бежит канавкой к Загуменьям. Бежит не оглядываясь, не чувствуя под собой земли. В ушах все еще слышатся сухие звуки собственных выстрелов. «Кажется, попала, — мелькает мысль, — кажется не на ветер...» Больше ничего пока не слышно. Даже стрельба справа затихла. Должно быть, растерялись, не знают, что делать. Бежать и бежать...

Девушка спотыкается о корень и падает. «Ранили», — мелькает мысль. Минуту лежит и не может понять, почему упала. Сзади послышались глухие стоны. «Значит, попала», — радуется Феня и, быстро поднявшись, бежит дальше.

Вот огород, высокий плетень до самого гумна. Фене хочется выяснить, чей это плетень, но на кладбище снова начали стрелять. Девушка выскочила из канавки и побежала вдоль плетня.

А «полицаи» еще около получаса обстреливали канаву. Стреляли в темноту, потеряв надежду на успех. Расстреляв патроны, начали бросать в канаву гранаты. Вскоре пришли еще несколько «полицаяв» и группа эсесовцев из Барикова. Гитлеровцы решили, что целый отряд партизан наступает на Нижин, и поспешили на помощь местной полиции. Узнав, что стрельба поднята из-за одного человека, эсесовский офицер разозлился, потряс пистолетом перед носом старшего «полицая» и велел окружить кладбище, сбysкать его. Офицер кричал, но сам тоже боялся, хотя гитлеровцев было около полусотни.

И только тогда, когда была обыскана вся канава, осмотрены все кусты, ограды, памятники, «полицаи» подошли к своим раненым. Один из них, с простреленным животом, был уже мертв, а другой, пристроившись на упавшем памятнике, перевязывал себе ногу выше колена, стонал и ругался на чем свет стоит.

— Почему того не перевязал? — грозно спросил у него старший.

— Я сам весь кровью изoшел, — огрызнулся «полицай». — Что же я мог сделать?

— Покажи! — старший включил фонарик, осветил рану. — Глупости, комар укусил... У меня в руке дырка побольше, и то я не вышел из строя.

— Ты под корчем лежал...

— Молчать!

Эсесовец разразился хохотом. Размахивая пистолетом, он тыкал им в живот старшего «полицая»:

— Вояки, опора гитлеровского командования... Один партизанский разведчик всех перебил...

— Я хотел взять его живым, — оправдывался «полицай».

— Так вот бери неживых, — ехидно ответил эсесовец.

Вскоре был поднят на ноги весь гарнизон деревни Кузьмичи и соседние полицейские участки. Нижин

окружили со всех сторон, начались лихорадочные поиски исчезнувшего партизанского разведчика.

«Полицаи» взяли в Нижине подводу, взвалили на сани труп убитого, рядом с ним посадили раненого и повезли в Кузьмичи. Когда подвода выезжала с кладбища, эсесовец пренебрежительным кивком головы подозвал к себе одного из «полицаев».

— А почему бы его здесь не закопать? — спросил он.

— Там у него родственники, — ответил «полицай», — и свое кладбище возле деревни.

Эсесовец скривил губы.

— Слишком много чести, — заметил он, усмехаясь, — возить с одного кладбища на другое. — Потом сердито спросил: — Какой дьявол выдумал делать здесь засаду?

— Пан Дубик посоветовал, — отрапортовал «полицай».

— Наплевать! — крикнул эсесовец. — Кто такой Дубик?

— Наш бургомистр, — объяснил «полицай», — тот, что в Кузьмичах.

— А зачем была эта засада?

— Уже несколько дней тут следим, — понизив голос, объяснял «полицай». — В этой деревне крупная подпольная организация... Недавно они одного вашего... — «полицай» запнулся, — одного нашего пана обер-лейтенанта живым в плен захватили.

— Это они? — эсесовец резко повернулся к «полицаям».

— Они, пан офицер. И нашего одного недавно ранили, помер... Тесная связь с отрядами, — продолжал «полицай». — Пану Дубику удалось узнать, что на этом кладбище организуются тайные встречи партизан с местными подпольщиками.

Эсесовец бросил на «полицая» злой взгляд, махнул рукой и пошел к своей команде.

В ту ночь не нашли Феню Кононову. Да если бы и нашли, вряд ли поверили, что это она была вчера на кладбище. Кузьмичская полиция больше всего склонна была думать, что это был Горбачев, которого

знали во всех гарнизонах, гонялись за ним и боялись его.

Утром эсесовцы согнали в одно место всех нижинцев. Долго держали на широкой площади возле Орессы.

Многие из нижинцев были легко одеты, дрожали от холода. Эсесовцы нарочно затягивали допрос, угрожая и надеясь, что перемерзшие люди выдадут партизана. Но никто не сказал ни слова, хотя почти все знали, что их Феня, молодая учительница, комсомолка, вчера вечером навевывалась в деревню. Они укрыли ее в таком месте, куда ни один «полицай», ни один эсесовец не догадался бы заглянуть. Как ни трудно было, но Феня выполнила все поручения райкома. Перед рассветом комсомольцы вывели ее из деревни. Провели ее снова через кладбище, как раз через то место, где ночью она выдержала неравный бой.

* * *

Спустя несколько дней Кононова снова появилась возле Нижина и уже не одна. С ней была боевая, хорошо вооруженная группа партизан во главе с Розовым, Патриным, Смирновым и Майстренко. Отложив до поры до времени планы полного разгрома кузьмичского гарнизона, они решили поздно ночью пробраться туда и освободить нижинских девушек. Феня и местные комсомольцы были проводниками. Важно было подойти незаметно, снять часовых без всякого шума.

Операция прошла успешно. Освободили не только нижинских девушек, но и всех, кто в то время находился в фашистском застенке. На другой день утром в лагере Кононова ласково обнимала Лидочку и своих подруг.

— Ну как вы там, мои милые, мои дорогие? — спрашивала она.

— Не бойся, Фенечка, — ответила за всех Лида, — как фашистские каты ни издевались над нами, мы ни одного словечка не сказали.

На протяжении декабря и почти всей первой половины января мы готовились к большому партизанскому рейду. Это был очень сложный и тяжелый период борьбы с фашистскими захватчиками. В районах Минской и других смежных областей Белоруссии непрерывно проводили свои операции крупные подразделения эсесовцев. Гитлеровцы поставили своей целью во что бы то ни стало расправиться с белорусскими партизанами. Нашим отрядам приходилось ежедневно вести жестокие бои, маневрировать, часто менять места дислокации. Особенно трудное положение создалось в Старобинском, Краснослободском, Гресском, Копыльском, Слуцком, Руденском, Борисовском и Смолевичском районах. Отрядам Коржа, Меркуля, Бондаровца и некоторым другим пришлось временно перебраться на Любанщину, Глущину и в район Старых Дорог. Базы этих отрядов, подготовленные к зиме, были оставлены под наблюдением партизанских связей.

Партизанские отряды Минской и Полесской областей сдерживали бешеный натиск немецко-фашистских войск и настойчиво, упорно готовились к большому рейду по преследованию гитлеровцев и разгрому их гарнизонов. Нам необходимо было значительно пополнить отряды людьми, как можно лучше обеспечить их оружием, организовать хороший санный транспорт. Стоять на одном месте в такой ответственный момент со сравнительно небольшими силами было для нас рискованно и опасно. А решительное и стремительное наступление должно было принести успех.

Гитлеровцы досмерти боялись нашей зимы. Надеясь закончить войну до наступления сильных морозов, гитлеровское командование не обеспечило теплым обмундированием даже свои передовые части, а тыловикам и совершенно ничего не выдавалось из теплой одежды и обуви. Гитлеровское командование рассчитывало, что тыловики сами себя обеспечат за счет награбленного у населения имущества. Кое-где фашистам удавалось ворваться в деревню, ограбить

жителей, отнять у них одежду, обувь, чтобы спастись от жестоких морозов. Но население Минщины прятало одежду, а партизаны принимали все меры к тому, чтобы не пускать эсесовские отряды в деревни. Заходить в леса оккупанты не решались, боялись партизан. Им приходилось почти все время торчать на ветрах и морозах. От обмораживаний и простуды выбывали из строя и гибли сотни гитлеровцев. Наши связные доносили, что Слуцкая мебельная фабрика не успевала выполнять заказы на гробы для замерзших гитлеровцев.

Саннный транспорт должен был еще больше увеличить маневренность отрядов, увеличить наш перевес над врагом. Зима была многоснежная и лютая. Чем дальше, тем трудней и трудней становилось оккупантам ездить по Минщине и Полесью на машинах, а мы, партизаны, на санях могли проникнуть в любое место, двигаться в любом направлении для неожиданного нападения на врага или захода ему в тыл.

С нашими советскими людьми нетрудно было решать любую, самую сложную задачу. Для того чтобы посадить на сани отряды, которые должны были участвовать в рейде, нам необходимо было добыть шестьсот пароконных саней. Кроме того, мы решили сформировать один конный отряд, а для этого также нужны были лошади, седла, уздечки. Население активно пришло нам на помощь: советские патриоты с великой радостью отдавали нам все необходимое. Выполняя указания ЦК КП(б)Б, подпольные партийные органы Минской области в начале войны помогли колхозам правильно решить задачу охраны общественного имущества. Еще до прихода врага колхозники спрятали инвентарь, упряжь, фураж. Многие колхозы угнали лошадей, которых не успели эвакуировать на дальние выпасы, а зимой вывели их в лес и организовали там прокормочные пункты. Теперь, когда Минский подпольный обком обратился с соответствующим призывом к народу, все это было передано партизанским отрядам. Так было всегда: если партизаны испытывали в чем-либо нужду, население немедленно шло навстречу. Народ жил одним желанием: как можно

скорее уничтожить врага. Вот почему мы с первых же дней нашей борьбы чувствовали под собой твердую почву, смело брались за довольно сложные, широкие по масштабам и рискованные задачи.

В рейд должны были идти наиболее сильные отряды. Минский подпольный обком возглавил это большое, по существу решающее, наступление. Часть отрядов целесообразно было оставить на месте, чтобы не оголять районы. С нашей помощью они могли действовать и развиваться. На Любанщине оставались Патрин, Столяров, в Октябрьском районе — Павловский, в Глуском — Храпко, в Копаткевичском — Михайловский, в Копыльском — Жижик, в Гресском — Заяц, в Пуховичском — Филиппских, в Осиповичском — Ольховец и Шашура, в Руденском — Покровский. Эти отряды мы не втягивали в рейд. Они должны были сковывать силы врага, все время беспокоить его, держать гитлеровцев под постоянным страхом налетов.

Перед самым выходом в рейд погиб наш боевой товарищ, член бюро подпольного обкома Евстрат Горбачев. Погиб этот человек так же мужественно, как и воевал, погиб смертью героя, не выпуская из рук оружия. Возвращался Горбачев из отряда Столярова в штаб и возле хутора Подклетное наткнулся на конный отряд эсесовцев. Эсесовцы, как видно, догадались, что им встретился один из партизанских руководителей, и решили взять его живьем.

Место, к несчастью, было открытое: до леса не бежишь и до хутора далеко. Сбоку стояла деревня Азломль, но и та не близко. Горбачев решил принять бой в открытом поле. Окопавшись в глубоком снегу, он вынудил спешиться и залечь весь отряд.

Горбачев во время боя проявлял силу и выдержку необычайную. Сколько раз доводилось ему сталкиваться с фашистами, и всегда он побеждал. Фашисты один за другим падали вокруг Горбачева, а он оставался целым и невредимым.

«Партизан должен быть неприступной огневой точкой!» — всегда говорил он и сам служил лучшим тому примером. Интересно было посмотреть, как Горбачев вооружался, отправляясь на задание. Он брал

два пистолета с запасом обойм, автомат с запасом дисков, штук пять гранат, кинжал. Все это в нужную минуту пускал в ход.

И на этот раз Евстрат Денисович, как только залег, открыл шквальный огонь по фашистам, уверенный, что боеприпасов у него хватит надолго. Важно было ошеломить гитлеровцев, прижать их к земле, а самому попробовать отползти к лесу.

Но эсесовцы упорно стремились зайти в тыл Горбачеву, отрезать ему дорогу в лес. Спустя некоторое время им это удалось.

Окружив Горбачева, эсесовцы стали приближаться к нему, и тут Евстрат Денисович, должно быть, понял, что выйти ему из окружения невозможно. В самый критический момент он швырнул в наиболее плотную группу гитлеровцев несколько гранат, потом поднялся во весь рост и бросился на прорыв, чтобы выбежать к лесу. В этот момент его тяжело ранили. Зарывшись в снег, он снова стал мужественно и упорно отбиваться, но скоро кончились боеприпасы. Евстрат Денисович решил притвориться убитым и подпустить к себе гитлеровцев как можно ближе. Почти целый час эсесовцы не подходили к раненому Горбачеву, боялись. А когда они, наконец, приблизились на пять-шесть шагов, Евстрат Денисович швырнул в них две гранаты, а последней взорвал себя. Как мы потом узнали из допроса «полицая», который сопровождал эсесовцев, а после был пойман партизанами, взрывом последних гранат было убито одиннадцать гитлеровцев.

Заехав в деревню Азломль, эсесовцы приказали колхозникам свезти трупы своих убитых в деревенскую школу, подготовить все для похорон, а тело Горбачева не трогать и ни в коем случае не хоронить. Сами двинулись дальше, объявив, что похороны убитых состоятся завтра утром. Фашисты боялись оставаться на ночь в деревне, расположенной у самого леса.

Вернувшись утром в деревню, эсесовцы пришли в ярость: ни один убитый не был подобран с поля, а Горбачева крестьяне похоронили. Эсесовцы выгнали

всех жителей на улицу, начались допросы, пытки. Крестьяне отвечали:

— Как только вы ушли отсюда, не больше как через час наехало к нам столько партизан, что всю деревню заняли... Они взяли да и похоронили партизана... Вот они только что поехали отсюда, может, еще и на километр не отъехали.

А потом один пожилой колхозник, Щербаченя, не выдержал и так ответил фашистам, которые его допрашивали:

— Мы ваших фашистских законов не знаем и знать не хотим. Ваши трупы могут валяться, сколько угодно, могут лежать сотнями под одним крестом, а мы с нашими людьми поступаем по-нашему, по-русски. Умер человек честно, праведно, его надо и похоронить как следует!..

Светлое имя Горбачева памятно и дорого всему белорусскому народу. Никогда мы не забудем этого воистину прекрасного человека — бесстрашного большевика, партизана, партийного работника, чекиста. Ряд групп и партизанских отрядов названы были именем Горбачева. Во всех отрядах и группах, во всех населенных пунктах партизанской зоны были проведены митинги, посвященные светлой памяти героически погибшего Горбачева. На этих митингах партизаны поклялись жестоко отомстить гитлеровцам.

Первой операцией нашего рейда был разгром фашистско-полицейского гарнизона на станции Постолаы Житковичского района. Фашисты сильно укрепились в Постолах, в совхозе «Сосны» и еще в некоторых населенных пунктах района. В Постолах к тому же находились и охранные войска, — на деревообрабатывающем заводе оккупанты производили железнодорожные шпалы, дубовые брусья для дзотов и другие материалы.

Выехали мы точно в назначенное время. Каждый отряд вышел с определенного, заранее условленного места. Мы не могли сосредоточивать все отряды в одном пункте, это было бы опасно, да и не вызывалось необходимостью. Часть отрядов к моменту

выступления расположилась в лесах, недалеко от деревни Углы, некоторые стояли у совхоза «Жалы», возле деревень Живунь, Старосек. Все взяли направление на деревню Убибачки. Приехали мы сюда часов в двенадцать ночи. Заняли и ряд соседних деревень, выставили заслоны. С такой силой можно было вступать в бой с любым противником. В то время у нас были станковые и ручные пулеметы, даже минометы. Кроме винтовок, многие партизаны имели автоматы, пистолеты. Гранаты были почти у каждого. И еще одно замечательное, универсальное и доступное для всех оружие — бутылка с горючим. Мы пользовались этим оружием давно, с того времени, когда Бумажков и Павловский употребили его в бою с колонной гитлеровских танков.

На стоянке в деревне Убибачки я со штабом зашел в одну просторную хату в середине деревни. Со мной были Мачульский, Бондарь, Бельский, Варвашеня, Лященя. В рейд отправились почти все члены обкома,—кроме боевых операций, у нас было немало других важных дел по созданию партийного подполья и организации партизанского движения в тех областях и районах Белоруссии, где подпольных обкомов и райкомов еще не было. Помощник начальника штаба вызвал к нам командиров и комиссаров отрядов. Пришли Меркуль с Коржем, Далидович, Гуляев, Бондаровец, Ширин, Розов, Плышевский, Пакуш, Жулега. Чистая половина хаты, которую гостеприимно отвела для нас старенькая, но еще подвижная хозяйка, наполнилась людьми. Приятно и радостно было смотреть на них. Все бодрые, подтянутые, сильные. Почти у каждого была хорошая верхняя одежда: бекеша на меху или тулуп, теплая шинель. На плечах поскрипывали военные ремни, на поясе висели пистолеты и гранаты. Командир, как и полагается. Ему доверена судьба многих людей, он несет большую ответственность, его слушают, берут с него пример. Поэтому и внешне он должен выглядеть культурно и внушительно. Мы специально занимались этим, готовясь к рейду. Партизаны у нас тоже были одеты тепло и добротно.

Хозяйка пытливо обвела нас взглядом, ничего не сказав, торопливо сняла с крюка деревянное ведро и выбежала из хаты. Через минуту она вернулась, снова повесила ведро, уже с водой, на тот же самый крюк в углу, вытерла фартуком озябшие руки, подошла ближе.

— Я все гляжу, гляжу, — ласково склонив голову набок, говорила она, — гляжу — и глазам своим не верю. И в хате и на улице полным-полнешенько людей... Говор наш, дух, чую, наш... И одежда на всех, и кони тоже, сани, амуниция — все наше... Неужто это вы пришли, соколики мои, вернулись к нам?

— Нет, бабуля, — отвечаю я хозяйке, — мы тут и были. Мы — партизаны.

— Партизаны? — с искренней радостью переспросила старушка. — Партизаны... Вот какие вы!.. И много ж как, ой, много!.. На фашиста идете?

— Да, на фашиста.

— Знаю, хлопчики, знаю... Так это вы его врасплох, правда? Спит, лихо ему, сны видит, а вы его по затылку, а если который не спит, так того по бельмам, чтоб они у него кровью заплыли.

— Так, бабуля, приблизительно так.

— Может, вам сварить чего тепленького?

— Спасибо, нам уже пора ехать.

— Так, может, я хогь воды вам скоренько нагрею, — просила она, — да заварю липовым цветом, малинки сушеной всыплю. Напейтесь на дорогу, — бог даст, ни кашель, ни простуда никакая не пристанет.

Хоть и жаль было обижать бабулю, но пришлось отказаться от ее угощения. Надо было спешить. Необходимо было разделить отряды на две колонны и пустить их параллельно по двум маршрутам. Одна колонна должна была пройти с юга от совхоза «Сосны», возле деревни Кузьмичи, а другая — значительно левее, в направлении деревни Городячицы с заходом на Ветчин. Маршрут штабной группы и конного отряда лежал между колонн. До рассвета мы должны были подойти к намеченным пунктам близ постоловского гарнизона.

Я указал командирам их маршрут, еще раз объяснил обязанности каждого отряда в операции. Всего заранее нельзя предвидеть, но, хорошо зная местность и силы противника, можно поставить задачу в основном правильно.

Старушка все суежилась в углу возле посуды, все что-то готовила, и когда мы вышли из горницы и стали прощаться, она настоятельно начала задерживать нас:

— Побудьте еще немножко,— просила она, — хоть одну минуточку, я тут огурчиков соленых достала, капусты квашеной... Вот и чарочка нашлась, к счастью, как знала, сберегла... Хоть по капле возьмите на дорогу.

Корж широко усмехнулся, погладил ладонью усы:

— Эх, и догадливая же ты, бабуля!.. Не годится отказываться, идя на мороз.

— Вот и я говорю! — подхватила хозяйка. — Хоть по капле, хоть по росинке... Не взыщите только, что рюмочка у меня одна: немцы — чтоб им пусто было! — молоко искали, так перебили всю посуду... Давайте я сама вам поднесу.

Корж снова добродушно засмеялся, и старушка поднесла ему первому. Василий Захарович взял рюмку, поклонился хозяйке и одним глотком выпил. Потом взял из миски круглый, как моченое яблоко, огурец. Старушка поднесла Меркулю, а потом всем остальным по очереди.

— На здоровье вам, детки, — говорила она, провозжая нас. — На доброе здоровье, счастливо вам, спасибо, что зашли. Простите, если что не так. Может, обратно когда будете ехать, так не минуйте моей хаты.

Мороз был сильный и колючий. Кажется, и ветра не было, а пробирало до костей. Кони намерзлились на привале и неудержимо рвались в дорогу. Мы дали им волю, — дорога предстояла не близкая. Чем раньше будем на месте, тем лучше, — еще до рассвета надо было ударить по врагу.

С постоловским гарнизоном мы справились сравнительно быстро. Пулеметные гнезда на подступах

к железнодорожной станции и часовые были уничтожены без единого выстрела. Фашисты не ожидали нападения в такой ранний час.

Сопrotивление было оказано главным образом в двух местах: на железнодорожной станции и на заводе. Станцию мы взяли до рассвета, а завод продержался еще часа три. Там засела большая половина гарнизона. Из комендантского управления был прорыт подземный ход в корпус завода, и гитлеровцы перебрались туда. Со всех сторон здесь стояли пулеметы.

Как только фашисты почувствовали, что гарнизон окружен и им нет спасения, они заставили машиниста держать двигатель под парами и давать тревожные гудки, чтобы вызвать на помощь соседние гарнизоны. Рев сирены разносился далеко по окрестности. Только этот способ поднять тревогу у гитлеровцев и оставался, так как телефонную и телеграфную связь мы давно повредили.

Но не помогла фашистам эта хитрость: наши снайперы вскоре сбили сирену, и завод замолчал.

Спустя некоторое время мы предложили гитлеровцам сдаваться, но они усилили огонь. Тогда я приказал выбить ворота с завода.

Партизаны залегли у самых стен здания и начали бросать в окна гранаты. Неподалеку находился склад с горючим. Чтобы сохранить завод и в то же время парализовать гитлеровцев, группы бойцов, прячась за строения, подползли ближе к складу и забросали его бутылками с бензином. Раздался сильный взрыв, взметнулся столб огня. Стрельба с завода немного утихла, а потом возобновилась с еще большей силой. Что такое? Оказывается, гитлеровцы начали бить по своим. Как потом выяснилось, когда пожар стал угрожать всему гарнизону, у гитлеровцев начался разлад: одни стояли за то, чтобы сдаться в плен партизанам, другие выступали против. И началась перепалка.

К девяти часам утра вся операция была закончена. Наши партизаны потушили пожар, спасли завод. В этом бою было уничтожено больше сотни гитлеров-

цев, часть фрицев и «полицаев» сдались в плен. Мы взяли здесь не малое количество вооружения, много винтовок, боеприпасов и сотни тонн награбленного хлеба. Все зерно роздали местному населению.

После небольшого отдыха левая колонна нашего соединения взяла направление на Ленинский район Пинской области, а правая — на деревни Старобинского района: Скавшин, Сухую Милю, Милковичи. Мы со штабной группой и конницей двигались в направлении деревень Махнавичи и Долгое. В Долгом был большой фашистско-полицейский гарнизон. Необходимо было изолировать его от соседних гарнизонов и уничтожить.

Ночью прибыли в деревню Махнавичи Старобинского района. Здесь уже были два ударных отряда: Гуляева и Розова. Основные силы левой колонны под командованием Мачульского остановились в Милевичах Пинской области, отдельные группы в Ананчицах и Морочи. Вскоре прибыл посыльный от Романа Наумовича. Он сообщил, что в Милевичах задержана группа каких-то военных. Все люди нездешние, никому не известные. Один из них вызывает особенное подозрение, так как держится слишком уж независимо и даже утверждает, что он наш советский генерал.

Я приказал немедленно передать Мачульскому, чтобы он выяснил, что это за люди, а их командира направил в штаб соединения.

Спустя некоторое время таинственный генерал явился. Это был очень подвижной человек, невысокого роста, худощавый, с широкими усами. На нем была обыкновенная кожаная куртка на меху, шапка-ушанка, поношенные армейские сапоги. С ним пришел еще один человек в шинели.

Начался разговор. Оказалось, что это действительно наш советский генерал, бывший командир кавалерийской дивизии. Его часть стояла под Белостоком. В первые дни войны она приняла на себя страшный удар врага. После долгих, суровых боев Михаил Петрович Константинов (так звали генерала) был тяжело ранен и с группой бойцов попал в окру-

жение. С Константиновым остался его адъютант. Это он теперь и сопровождал генерала.

Подлечившись, Константинов со своими людьми перебрался в Минскую область, сначала действовал в Воробьевских лесах самостоятельно, а потом вошел в группу Владимира Зайца, секретаря Гресского подпольного райкома партии. Но генералу, должно быть, не понравилось быть в подчинении у районного партийного работника. Вскоре он расширил свою группу за счет поправившихся после ранения бойцов и отошел от Зайца. Двинулся сначала на Копыльщину и в западные области Белоруссии, потом повернул на Старобин, Житковичи, Ленино. Здесь наши отряды и встретили его.

Узнав, что мы уже воюем по-настоящему, Константинов сразу выразил желание идти с нами. Ему понравилось, что у нас во всем надлежащий порядок, дисциплина, все делается по определенному плану, под единым руководством. Нам тоже было интересно иметь у себя такого опытного командира.

— Давайте будем воевать вместе, — предложил я Константинову.

На это он ответил просто и искренне:

— Я человек военный, генерал, мое место в армии, но, поскольку так получилось, очутился в тылу у врага, постараюсь быть полезным родине и здесь. Свою воинскую присягу я не нарушу!

В штаб соединения доставили двух «полицаев» из долговского гарнизона, задержанных в деревне Махновичи. На допросе они подробно рассказали, как размещен их гарнизон, где ночуют гитлеровцы, в каком месте стоят пулеметы. Назвали и пароль на сегодняшнюю ночь.

Я обещал «полицаям», что им будет сохранена жизнь, если они проведут наших партизан в гарнизон.

Дмитрий Гуляев попросил, чтобы операцию в Долгом поручили ему. В начале рейда он командовал у нас отдельным отрядом, а комиссаром у Далидовича остался Александр Боровик. Гуляев брался справиться с долговским гарнизоном своими силами,

тем более, что с ним шли люди из отряда Меркуля, которые хорошо знали деревню Долгое.

И действительно, не было необходимости посылать туда несколько отрядов, так как гарнизон фактически был уже изолирован. В помощь Гуляеву мы дали Пакуша.

Перед выступлением Пакуш собрал своих партизан, построил их и торжественно объявил, что обком и штаб соединения поручили отряду ответственную задачу.

Гуляев приказал поставить на сани два станковых пулемета и прикрыть их сеном. На передние сани, рядом с собой, посадил одного «полицая» и дал ему винтовку без затвора. На других санях сидел Пакуш и с ним тоже «полицай». Договорились, что при встрече с часовыми «полицай» назовут пароль и скажут, что везут в гарнизон продукты.

Отряды ехали немного поодаль. «Полицай» всю дорогу советовали не очень спешить, чтобы приехать в деревню попоздней. Они уверяли командира, что перед рассветом можно будет захватить гарнизон без единого выстрела, потому что в это время все спят. Подъехав к деревне, Гуляев приказал отрядам быть наготове и ждать сигнала, а сам с Пакушем и группой бойцов направился прямо к казарме. Пленные «полицай» провели Гуляева и Пакуша мимо часового, открыли им дверь в казарму и готовы были помогать бить своих же. Гуляев огляделся. Все шло, как полагалось. Он отступил на несколько шагов в сторону, дал сигнал — белую ракету. В один миг были захвачены комендатура и казарма. Гитлеровцев перебили всех до единого, около двух десятков «полицаев» взяли в плен. Налет был такой внезапный и стремительный, что фашисты даже винтовки не успели разобрать. Они так и остались в пирамиде, вычищенные, смазанные. Пакуш посмеивался, довольнo потирая руки: «Вот находка, так находка! Всем теперь винтовок хватит, еще и в запасе останется». Он тут же снова выстроил своих людей, дал по винтовке тем, у кого были только пистолеты и гранаты. А остальные винтовки обернул обычной крестьянской

постилкой и положил на сани: «Пусть будут в резерве».

Антон Петрович так увлекся трофеями, что хотел забрать не только весь запас боеприпасов, но даже и пирамиду, где стояли винтовки. По его приказанию бойцы уже вытащили ее на улицу, но тут вмешался Гуляев и отговорил Пакуша.

— Ты не в мирное время живешь, — сказал он, — и не в летний лагерь собираешься. Если понадобится такая штука, сам не хвор смастерить.

В Старобинском и Ленинском районах мы простояли несколько суток. Партизаны в свободное от службы время отогревались, отдыхали. Многие, главным образом коммунисты и комсомольцы, выехали в ближайшие деревни с докладами о положении на фронтах и задачах партизан и населения в борьбе с оккупантами.

Так мы делали всегда. Остановившись в том или ином пункте, прежде всего старались собрать местное население, рассказать о последних сообщениях с фронта, наладить массовое слушание радиопередач из Москвы. Это всегда так подбадривало и вдохновляло присутствующих, что они не знали, как отблагодарить нас, как выразить свою бесконечную радость.

Помню, пришли мы однажды в деревню Обидемля Старобинского района. Оккупантов там не оказалось, а «полицаи», как это почти всегда бывало, спрятались при нашем появлении. Колхозники встретили нас с искренней радостью, с сердечным волнением. Все, от старого до малого, высыпали на улицу. Среди прибывших партизан была часть старобинцев. Их узнали жители деревни. Начались радостные дружеские объятия, приветствия. Различным вопросам и пожеланиям не было конца: «Что нового на фронтах? Как наша Москва? Как здоровье товарища Сталина? Передайте привет товарищу Сталину! А можно ли послать письмо в Москву?»

Мы попросили колхозников собраться всем где-нибудь и послушать доклад.

В деревне был довольно просторный клуб. За несколько минут народу собралось столько, что все

не могли поместиться в здании. Колхозники заполнили весь клуб, стояли в дверях, под окнами.

С докладом выступил Иван Денисович Варвашеня. Он подробно рассказал о положении на фронтах, о героической борьбе Советской Армии, о методах борьбы народных мстителей в тылу врага. Вопросов было столько, что одному Варвашене трудно было на все ответить. Пришлось и нам помогать Ивану Денисовичу.

Колхозники были несказанно довольны тем, что партизаны обо всем знают. Это еще выше подняло наш авторитет, но людям хотелось услышать, как это партизаны обо всем узнают, откуда у них такие свежие и волнующие известия? Пришлось сказать, что у нас есть радиоприемник. Ну, тут и пошло!.. Начались просьбы, пожелания. Некоторые настаивали даже на том, чтобы сейчас же было установлено радио, чтобы партизаны включили Москву или какой-либо город возле Москвы. Радиоприемники были у нас с собой. Сакевич принес радиоприемник и быстро установил его. И когда в помещении послышались знакомые и близкие людям слова из родной столицы, все затаили дыхание и у многих заблестели на глазах слезы.

В этот день мы поздно расстались с обидемлянскими колхозниками. Прослушав сводку, люди просили не выключать радиоприемник. В продолжение всей оккупации они носили в своих сердцах тревогу за судьбу Москвы, Ленинграда. И вдруг им выпало счастье своими ушами услышать голос любимой столицы, так разве можно было ограничиться одной сводкой? Слушателей интересовало многое, многое...

Когда мы закрыли собрание и собирались уходить на место стоянки, к нам один за другим начали подходить пожилые мужчины, женщины и молодежь. Они спрашивали нас, как можно присоединиться к партизанам, просили зачислить их в отряды. Наиболее надежным колхозникам мы дали адреса наших связных.

Такие собрания во время рейдов проводились во многих деревнях.

Секретарь Старобинского подпольного райкома Меркуль созвал заседание бюро райкома, на котором обсуждались очередные задачи по развертыванию партизанского движения и политико-воспитательной работы среди населения. Кроме того, был составлен план работы райкома на первый квартал нового года. Бельский, Варвашеня, Бондарь, Лященя, Сакевич побывали в Ленинском и Ганцевичском районах. Они связались там с местными коммунистами, комсомольцами и беспартийным активом, помогли им создать действенное партийное подполье. Большую помощь оказал им Василий Захарович Корж, который хорошо знал здесь многих партийных и советских работников, поддерживал контакт с ними с первых дней войны.

Утром следующего дня наша левая колонна пошла на Ганцевичский район Пинской области, мы на Красную Слободу, а правая колонна двинулась между Красной Слободой и Слуцком. Была сильная вьюга, дороги занесло. Люди стали замерзать. Чтобы дать людям обогреться и не вывести из строя транспорт, я приказал сделать небольшой привал. Место для штабной группы было очень неподходящее, за три-четыре километра от нас находился большой гитлеровский гарнизон, но другого выхода не было. Простояли здесь больше шести часов. Лошади отдохнули, люди обогрелись, и вьюга стихла.

Поздно ночью мы выехали в Величковичи. Здесь у нас был намечен привал. Левая колонна разместилась в районе Ганцевич, а правая недалеко от совхоза Плянты Старобинского района.

Во многих деревнях, через которые мы проезжали, были немецко-полицейские пункты, однако «полицай» не решались выступить против нас. Фашистско-полицейские гарнизоны боялись нас, как огня, разбегались и прятались. Правда, было немало и провокаций и разных вражеских хитростей. Был такой случай. Приехав в деревню Величковичи, мы выбрали хату с двумя половинами, рассчитывая, что она будет очень удобна для штаба. Обыкновенно население везде встречало нас с большой любовью. И на этот раз в деревне встретили нас хорошо, только хозяин

хаты, которую мы облюбовали для штаба, почему-то на стук наш не отозвался. Это нас насторожило. Потом слышим, внутри кто-то стонет. Я послал Бондаря выяснить у соседей, есть ли в этой хате больные? Соседи сказали, что до вчерашнего дня никто там не болел. Мы стали стучать сильнее. Наконец нам открыли. В первой половине хаты никого не было, а во второй лежала женщина и громко стонала, два подростка сидели на печи. Сначала мы подумали, что поступили не совсем хорошо, — не следовало бы нам беспокоить больную. Через некоторое время женщина успокоилась. Мы спросили ее:

— А где же сам хозяин?

Она снова застонала и ответила:

— Поехал в Старобин за доктором, скоро должен вернуться.

Прозябшие и усталые после большого переезда, мы быстро уснули. В это время из-под кровати «больной» выполз ее муж и, приподняв в другой половине избы доски в потолке, вылез на чердак. Ни мы, ни наши часовые, стоявшие во дворе, ничего не слышали. С чердака он пробрался на сеновал и спрятался там. Днем мы узнали, что хозяин этой избы изменник родины, что он расстрелял несколько местных активистов и выдал гестаповцам проходивших через деревню в первые дни войны красноармейцев. Теперь он служил тайным агентом у фашистов и одновременно был заведующим заготовительного пункта сена для воинских частей гитлеровцев. Стали узнавать у жителей, где его можно найти. Нам сказали, что днем он принимал сено для фашистских войск и одного колхозника из деревни Капацевичи избил палкой досмерти за то, что тот привез сено невысокого качества. Если он во время приезда партизан в деревню не успел убежать, то его нужно искать здесь. А у нас было такое правило: подъехав к деревне, мы окружали ее и никого не выпускали и не впускали. После соответствующей проверки мы убедились, что ни один человек из деревни не выходил. Тогда мы начали искать предателя. Когда мы объявили жителям, чтобы они забирали себе сено, колхоз-

ники нашли предателя в сене и привели его к нам. Его жена созналась, что она притворялась больной, чтобы помочь спастись мужу. Но эта уловка не удалась, не удавались врагу подобные уловки потому, что честные люди, настоящие патриоты своей родины всегда помогали нам, всегда внимательно следили за всякими вылазками и происками врага.

По всем районам и областям разнеслись слухи, что очень большое соединение Советской Армии перешло линию фронта, продвигается по тылам врага и беспощадно уничтожает фашистов и их прислужников. Народ охотно многое добавлял к этим слухам, и получалось, что у нас есть своя легкая и тяжелая артиллерия и даже танки. В дни рейда над районами, по которым проходили наши отряды, очень часто пролетали советские самолеты, направляясь на запад. И вот кое-где пошли разговоры, что у партизан есть свои самолеты. Позже рассказывали нам, что когда в деревню Долгое приехали гитлеровцы и попытались узнать о численности и силе той армии, которая здесь проходила, колхозники объяснили им так:

— Неисчислимая сила их здесь, — утверждал старик, бывший колхозный сторож. — Когда шли, так, должно, верст на пять дорога была занята. Передние уже здесь, а задние далеко-далеко, где-то за самыми Махнавичами. Я в тот день как раз из лесу шел. Как свернул с дороги, чтоб их пропустить, так, верно, часа два стоял в снегу. Хорошо, что тут недалеко хата нашего лесника Григория, так я пошел к нему и там сидел часа три, а они все ехали да ехали... И это еще не все. Там, где-то в сторону Пинска, говорят, еще больше прошло. Ходят слухи, что идут они на Барановичи и хотят освободить нашу столицу Минск.

— А какое у них оружие? — спрашивал немец-переводчик.

— Всякое там есть, всякое, — кивая головой, продолжал старик. — И какие-то очень длинные ружья, и покороче, со сковородами, и пулеметы, и пушки сзади везли.

На самом же деле в Долгом, может, и сотни наших партизан не было. И оружие они имели самое обычное, как и все отряды. Немного позже мы обзавелись уже пушками и противотанковыми ружьями, а в первые дни партизанского рейда у нас их не было.

Наш привал в Величковичах немного затянулся. Дорога была до того тяжелая, что лошади совсем выбились из сил. И еще одно обстоятельство задержало нас. На очереди у нас была операция по уничтожению гестаповцев, которые разместились в Красной Слободе. Краснослободские партизаны ожидали нас, только они не знали о времени нашего прихода. До сегодняшнего дня трудно было сказать об этом. Теперь нам оставался только один переход и можно было связаться с краснослободцами непосредственно. Мы направили в Краснослободский район специальную группу с заданием помочь краснослободцам подготовиться для совместных операций. Побывать в Красной Слободе было необходимо. Не так давно в жестоких боях с оккупантами погиб руководитель краснослободских партизан, секретарь подпольного райкома партии Максим Иванович Жуковский. Выбыла из строя и часть бойцов. Очень важно было подержать краснослободских партизан в самый тяжелый и сложный период их деятельности.

На другой день гитлеровцы узнали, что наши передовые отряды стоят в Капацевичах и Великовичах, и, обойдя нас с юга, начали обстреливать деревню из пушек и минометов. Одна крайняя хата, стоявшая несколько особняком от деревни, загорелась, но пожара мы не допустили. К сожалению, мы не могли еще ответить на артиллерийский огонь, а из пулеметов далеко не достанешь. Но все-таки как-то нужно было пугнуть фашистов.

И тут я вспомнил о Константинове. Удобный случай для основательной проверки человека. Вызвав его к себе, я приказал ему взять группу партизан, зайти гитлеровцам в тыл и выбить их из соседнего совхоза. Он попросил разрешения взять группу верховых, поспешно козырнул и выбежал из хаты. Сам

Доклад начальника штаба соединения тов. Гнусова о ходе боевой операции.

Константинов кавалерист, поэтому он и попросил конников. Видно было, что он мастер своего дела.

Не прошло и трех часов, как гитлеровцы замолчали. Михаил Петрович блестяще выполнил свою задачу. Умело используя местность, он зашел врагу в тыл и так ударил, что добрая половина их легла на месте. Фашисты не ожидали, что у них в тылу могут появиться наши конники. Партизаны подошли так близко, что кинжальным автоматным огнем перебили многих гитлеровцев. Многие из них, убегая, побросали оружие, и Константинов вернулся с богатыми трофеями. Мы обзавелись тяжелым оружием: несколькими минометами и пушками.

И еще не раз генерал Константинов проявлял себя в смелых, находчивых налетах, не раз выполнял самые ответственные и сложные задания. Мы убедились, что это действительно опытный и храбрый командир. Сначала я назначил его заместителем начальника штаба соединения, а немного позже мы ввели его в состав подпольного обкома. На следующий день ночью мы подошли к Красной Слободе. Здешние партизаны были уже наготове. Краснослободский гарнизон разбежался при нашем приближении. Соппротивление было совсем незначительным. И гитлеровцы и «полицаи» убежали в панике, оставив почти все оружие с боеприпасами, воинское имущество. Краснослободцам была оказана надлежащая помощь, а мы двинулись дальше. Время было, наконец, по-настоящему заняться старобинским гарнизоном. Меркуль бил его не раз, но гарнизон пополнялся, гитлеровцы не выпускали районный центр из своих рук.

Теперь, изолировав этот вражеский гарнизон, можно было полностью его уничтожить. Мы остановились в районе деревни Кривичи, чтобы уточнить план операции, расставить соответственно силы. А тут получаем донесение от передовых дозорных групп, что оккупанты еще ночью сбежали из Старобина. Направилась вся эта нечисть в Слуцк, убежала, когда партизаны были за несколько километров от Старобина.

Решили повернуть на Копыль. Здесь необходимо было встретиться с секретарем Копыльского подпольного райкома партии товарищем Жижиком и его людьми, установить более тесную и непосредственную связь с копыльскими партизанами.

В Копыльских лесах не один раз бывал Иван Денисович Варвашеня, часто навевывалась сюда Александра Игнатьевна Степанова. Как член Минского подпольного обкома, она занималась не только Слуцким районом, куда была направлена, но и соседним — Копыльским. Жижик при постоянной поддержке Варвашени и Степановой создал в районе широкое партийное подполье. У него было уже несколько партизанских отрядов. Выделялся здесь отряд Ивана Николаевича Тереховича, по кличке Дунаева. Об этом человеке среди населения и партизан Случчины шла слава. Это очень отважный и энергичный командир, боевые дела которого хорошо были известны в партизанских отрядах соединения. Меня особенно интересовал Дунаев, так как Иван Денисович Варвашеня в своих докладных записках всегда хвалил его.

Жижик встретил нас в старицком лесу. Мы увидели невысокого, худощавого человека лет под сорок, с добродушным лицом и светлыми волосами. Это был на первый взгляд неприметный человек. Между тем Жижик обладал твердой волей, был чрезвычайно смелым и выносливым, умел ладить с людьми и пользовался большим авторитетом среди партизан и населения.

Под могучим развесистым столетним дубом ютилась землянка штаба отряда. Совсем маленькая снаружи, она оказалась довольно просторной внутри: весь наш штаб без особого труда разместился в ней. В маленькие круглые окна падал свет. Хозяин землянки уселся под одним из окон, сдвинул со лба ушанку. Он начал рассказывать нам о своих людях, о делах, и чем дальше, тем больше увлекался, и, если речь шла о людях, говорил о них сердечно, с большим уважением.

— Вот к нам недавно пришел один человек, — улыбаясь одними глазами, говорил он. — Боец

Советской Армии, с тремя ранами. Поправился здесь, в деревне, стал на ноги... Наши ребята давно знали о нем, ожидали... И когда окреп парень, поехали наши к нему. Приехали и говорят: «Собирайся, пойдом с нами». А сами все в полицейской форме, некоторые в немецкой. Забрали парня, вывели за деревню — и за горло: «Будешь служить нам, — это, значит, фашистам, — все твое, а не будешь, копай себе яму!» — «Не буду я вам служить!» — твердо ответил боец.

Пошли дальше. Завели парня в лес, еще раз пригрозили: «Будешь или нет?»

«Выродки! — крикнул боец. — Не на такого напали. Делайте, что хотите, не буду служить фашистам!»

Тогда один из «полицаев» не выдержал, рассмеялся: «Молодчина, Рожков, так и нужно! Теперь пойдом к нам, в отряде таких любят».

Досталось хлопцам от меня за такую проделку!..

Воин смелый и человек прекраснейший этот Рожков. Уже не раз показал себя в боях. А на тех хлопцев и теперь сердится, — не может простить им, что выбрали такой унижительный способ проверки.

Жижик повернулся к двери, словно ожидая кого-то, окинул взглядом землянку и, должно быть вспомнив, что перед ним нездешние люди, начал рассказывать о своих командирах.

— Да, есть с кем воевать, — не без гордости продолжал он. — Вышли в лес с группами Еременко, Изюмский, Межнавец, Шестопалов. С первого дня оккупации они руководили у нас подпольем в сельсоветах, а теперь командуют отрядами. Дунаев давно в лесу, сейчас должен явиться сюда. Все рвался к вам парень, хотелось ему большего размаха, большего простора.

Дунаев пришел к нам около полуночи.

— С отрядом? — спросил Жижик.

— С отрядом.

Мы уже кончали разработку плана операции по разгрому копыльских гарнизонов. Наиболее сильные

из них мы рассчитывали уничтожить объединенными силами, а с остальными копыльцы и сами справятся. Дунаев запротестовал и начал спорить горячо и азартно. Он настаивал на том, чтобы пройти рейдом по всему Копыльскому району и стереть с лица земли все фашистские гарнизоны и полицейские пункты в деревнях. Откровенно говоря, мне понравилась эта настойчивость. Молодой парень, с мягкими юношескими чертами лица. Ему, казалось бы, сидеть молча да слушать, что говорят старшие, а он спорит, чтобы добиться своего.

В Копыльском районе мы долго не задерживались. Жижикю трудновато было справиться с фашистскими гарнизонами в Копыле и на станции Тимковичи. Тут мы помогли ему, а остальные полицейские пункты и мелкие гарнизоны сами разбежались, услышав о нашем наступлении.

Через несколько дней двинулись в Барановичскую область. Пошел с нами и Дунаев.

Перед партизанами была поставлена задача — быть не только воинами, но и неутомимыми пропагандистами и агитаторами. Я не помню случая, чтобы, останавливаясь в деревне, и особенно в западных областях Белоруссии, мы не провели собрания крестьян и не рассказали им о положении на фронте. А когда разбивали фашистско-полицейский пункт или гарнизон, созывали население и показывали всем, сколько эти выродки награбили, чем занимались эти защитники фашистского «нового порядка».

На протяжении всего нашего рейда мы возили с собой портативную походную типографию. Было у нас также несколько пишущих машинок. На каждом привале мы выпускали листовки, обращения обкома к населению, сводки Совинформбюро. В тысячах экземпляров расходились они по деревням и городам, звали и поднимали людей на борьбу. Наши листовки были почти в каждой деревне тех районов, где мы проходили. Одна из таких листовок, выпущенных подпольным обкомом в то время, призывала:

«Под знаменем Ленина—Сталина вперед, до полного уничтожения фашизма!

Дорогие товарищи!

Красная Армия, ведя наступательные бои с противником, все дальше и дальше продвигается вперед. Фашисты откатываются на Запад, неся большие потери в живой силе и военной технике.

Только одна часть (Западный фронт) под командованием генерала Еременко освободила шесть крупных городов, больше 2 500 населенных пунктов и продвинулась вперед на 260 километров.

В настоящее время войска товарища Еременко ведут бои за города В. и С.

За 12 дней марта наши войска освободили 385 населенных пунктов, гитлеровцами оставлено на поле боя 49 900 трупов. Захвачено в плен 6 263 солдата и офицера. Немецкие войска за это время потеряли 863 самолета, 1 220 пушек, 1 512 пулеметов, 14 600 винтовок, 216 танков, 5 105 автомашин и много военного имущества.

Фашистские войска, отступая под натиском Красной Армии на Запад, еще более нагло расправляются с мирным населением. В районах Белоруссии гитлеровские палачи расстреливают мирное население, сжигают села и деревни, бросают в огонь женщин и детей, грабят личное имущество трудящихся.

Повсюду слышны плач, стоны и крики женщин, стариков и детей, замученных фашистскими убийцами.

Пусть знают гитлеровские шакалы, что никакие зверства и террор не сломят народного движения, поднявшегося против немецкого фашизма.

Товарищи! Приближается время освобождения белорусской земли от фашистской нечисти. Приближается время, когда белорусский народ снова заживет счастливо и радостно.

Отомстим же немецким бандитам за пролитую кровь наших отцов, матерей, братьев и сестер. Не выпустим ни одного живого фашиста с нашей земли, залитой кровью нашего народа!

Пусть белорусская земля станет могилой для немецких захватчиков! Все, как один, на борьбу с врагом! Организуйтесь в партизанские отряды.

Разрушайте мосты, железнодорожное полотно, пути отхода противника. Не давайте лошадей, повозок, мяса и хлеба фашистам. Пусть эта грязная, вшивая погань, которая пришла на нашу землю в качестве оккупантов, подыхает с голоду.

Всеми способами помогайте Красной Армии и партизанам громить врага.

Наше дело правое, мы победим!

Минский областной комитет коммунистической партии (большевиков) Белоруссии».

В правом углу листовки стояло: «Прочитай и передай другому».

В Барановичской области мы разбили около десятка фашистско-полицейских гарнизонов. Прошли через Несвиж, Городею, возле самых Столбцов. Оттуда через Дзержинский и Узденский районы направились на Гресск. Здесь совместно с отрядами Владимира Зайца захватили бывший военный городок Конюхи со всем вооружением и имуществом и взяли в плен несколько десятков гитлеровцев и полицейских. Из Конюхов мы фактически контролировали почти весь район, потом передали эти функции Зайцу, а сами пошли дальше. Авторитет гресских партизан настолько поднялся, что население, в особенности молодежь, начало вступать в партизанские отряды целыми группами. Через некоторое время в Гресском районе были организованы две партизанские бригады.

Недалеко от Слуцка мы остановились — необходимо было решить одну довольно сложную задачу. Некоторые наши командиры, и особенно Дунаев, настаивали на том, чтобы выступить против большого слуцкого гарнизона, зажать его с четырех сторон и уничтожить. «Что мы ходим все по мелким гарнизонам? — говорили они. — Сила у нас есть, надо брать большие города». В то время обком не мог поддержать такое предложение. В Слуцке находилось много фашистских регулярных войск, техники. Не в этом наша тактика. На врага надо нападать внезапно, неожиданно наносить ему сокрушительные удары и отходить в неизвестном для него направлении.

Так следовало действовать и в данном случае. В Слуцк я предложил послать две-три сильные группы партизан с определенным заданием: с помощью слуцких подпольщиков освободить из лагеря наших военнопленных, захватить банк, затем сжечь мосты через Случь, привести в негодность железнодорожную линию. И этим мы нанесем больший ущерб, чем атакой в лоб.

Штаб соединения согласился с обкомом. Мы решили послать в Слуцк отряд самых смелых и хорошо знающих город бойцов во главе с опытным, отважным командиром. Мы имели в виду, кроме освобождения наших военнопленных, проведение еще одной операции. Во время рейда мы начали сбор средств на вооружение Советской Армии. Население с величайшим энтузиазмом отдавало нам свои сбережения. Приносили кто что мог: деньги, облигации, ценные вещи. Таким образом мы собрали сотни тысяч рублей, много ценностей, а тут подвернулся удобный случай сделать дополнительный вклад в фонд обороны родины. Из донесений наших связных и слуцких подпольных групп, в частности группы Александра Фомина и Петра Маглыша, мы хорошо знали обо всем, что делалось в городе. Знали мы и о том, что в слуцком банке хранится много народных средств и различных золотых вещей, награбленных у населения. Об этом сообщали наши люди, работавшие в банке. Почему бы не захватить банк и не забрать средства в фонд обороны? Эта идея нравилась всем. Я вызвал Дунаева и сказал:

— Вот тебе задание. Подбери людей, возьми побольше тех, кто из Слуцка, составь план операции.

Времени для составления плана и подготовки отряда было дано меньше суток. Дунаев разработал план, и обком утвердил его с небольшими поправками.

Вскоре Иван Николаевич Дунаев блестяще выполнил задание и полностью оправдал доверие обкома. Ночью он с группой партизан при помощи местных жителей пробрался в город, окружил лагерь военнопленных, снял часовых, выпустил всех наших бойцов, потом подошел к зданию районного банка. Здесь его

ожидали случкие подпольщики во главе с Петром Маглышем. Без шума были сняты часовые. Открыть сейфы помогли работники банка, с которыми у нас была установлена связь. Часть денежных средств работники банка доставили в штаб еще раньше, а теперь они разыскали ключи от сейфов.

Вышли партизаны из города без потерь. Только один боец был легко ранен.

Золота и серебра в банке оказалось немало. Тут были также золотые и серебряные вещи бытового употребления. Было сразу видно, что все это награблено у населения, захвачено в наших государственных и финансовых учреждениях.

Позже, когда мы посылали собранные населением и партизанами средства в советский тыл для передачи их в фонд обороны, мы присоединили к ним и эти ценности. Одновременно мы отправили тогда письмо товарищу Сталину:

«Дорогой Иосиф Виссарионович! С первых дней Отечественной войны трудящиеся Минской области ведут непримиримую борьбу с немецко-фашистскими оккупантами, вероломно напавшими на нашу Родину.

Немецкие фашисты превратили национальную столицу Белоруссии, город Минск, в груды развалин. В самом Минске и его окрестностях немцы расстреляли, повесили, заживо сожгли свыше 80 тысяч человек. Страшным издевательствам они подвергают женщин, стариков и детей.

Немецкие захватчики рассчитывали беспощадным террором запугать белорусский народ, подавить его волю к борьбе. Но белорусский народ никогда не покорится захватчикам. Со все нарастающей силой ведут минские партизаны беспощадную войну против немецких угнетателей. Множество партизанских отрядов, сотни групп и десятки тысяч одиночек народных мстителей днем и ночью ведут борьбу за освобождение своей Родины.

В окрестностях Минска, в Антоновском и Комаровском лесах, на дорогах, ведущих на запад и

на восток, во всех районах области все чаще и чаще слышатся взрывы и выстрелы. Это действуют отважные белорусские партизаны.

Трудящиеся города Минска и Минской области, партизаны и партизанки, следуя благородному почину патриотов нашей Родины, полные жгучей ненависти к врагу и желая как можно скорее прогнать немецких захватчиков с родной земли, собрали на строительство самолетов денег и облигаций на сумму 3 075 827 рублей. Кроме того, собрали золотых монет царской чеканки 2 810 рублей, золота бытового — один килограмм, серебра — 10 килограммов. Собранные деньги и ценности доставлены через линию фронта в советский тыл и сланы в Государственный банк. В сборе средств приняли активное участие рабочие, работницы, колхозники, колхозницы и интеллигенция временно оккупированной Минской области. Сбор средств продолжается.

Просим Вас, родной Иосиф Виссарионович, дать распоряжение о строительстве на собранные нами средства самолетов для Красной Армии и присвоить им названия «Партизан Минска», «Партизан Слуцка», «Партизан Борисова».

Партизаны и партизанки города Минска и Минской области заверяют Вас, дорогой Иосиф Виссарионович, что и впредь еще безжалостней и в большем количестве будут уничтожать ненавистных гитлеровских оккупантов до полного их уничтожения и оказывать всяческую помощь нашей доблестной Красной Армии, во главе которой стоите Вы.

От имени трудящихся Минской области, от партизан и партизанок примите наш горячий привет и пожелания Вам здоровья и долгих лет жизни на счастье нашего социалистического отечества.

Секретарь Минского обкома КП(б) Белоруссии

К о з л о в».

И товарищ Сталин вскоре прислал следующую телеграмму:

«Секретарю Минского обкома КП(б) Белоруссии товарищу Козлову.

Передайте трудящимся города Минска и Минской области, партизанам и партизанкам, собравшим 3.075.827 рублей деньгами и облигациями, 2.810 рублей золотыми монетами, золотые и серебряные вещи на строительство самолетов «Партизан Минска», «Партизан Слуцка», «Партизан Борисова», — мой братский привет и благодарность Красной Армии.

И. Сталин».

Эта телеграмма была огромным счастьем для каждого минчанина, рабочего, служащего, колхозника, для каждого партизана и партизанки. Областным комитетом партии были выпущены большим тиражом листовки с телеграммой товарища Сталина, которые разошлись не только по Минской области, но и по всем смежным — Полесской, Пинской, Барановичской, Молодечненской, Могилевской. Сбор средств на вооружение Красной Армии развернулся потом по всей Белоруссии, и десятки миллионов рублей внесли трудящиеся республики на оборону своей родины.

В районе Слуцка мы пробыли с неделю. Разбили несколько вражеских гарнизонов, разрушили почти все мосты через Случь, сожгли гитлеровскую нефтебазу. Но на наш след напали крупные подразделения эсесовцев и стали навязывать нам бои. Вступать с ними в бои не было смысла, тем более, что местность вокруг Слуцка не благоприятствовала нам. У эсесовцев было тяжелое вооружение — артиллерия, минометы и танки. Нам пришлось отойти в направлении Сгарых Дорог. Важным пунктом в нашем заранее разработанном маршруте были Осиповичи. Здесь большой железнодорожный узел. Мы рассуждали так: не удастся разбить в Осиповичах фашистский гарнизон и парализовать железнодорожный узел, уничтожим меньшие станции вокруг Осипович. Парализовать гитлеровские коммуникации в этих местах так или иначе было совершенно необходимо. Это были артерии гитлеровского центрального фронта.

На Осиповичи мы не пошли, потому что донесения нашей разведки показывали, что оккупанты готовили здесь ловушку, подтянули крупные силы. Более целесообразно было идти скрытыми местами в направлении станции Телуша, а затем повернуть на Паричи, Шатилки. Пришлось пока что ограничиться отдельными диверсиями. Все в свое время. В Осиповичском районе у нас были силы, и широкие планы вызревали в штабе. Этот важнейший железнодорожный узел, как ближайший к нашему соединению, все время оставался у нас в поле зрения. Здесь действовал довольно сильный партизанский отряд под командованием способного человека — хорошего организатора и военного специалиста капитана Шашуры. Отряд входил в наше соединение, но базировался на территории Могилевской области, недалеко от железнодорожного узла. Мы оказывали всяческую помощь этому отряду, хотя Осиповичи по тогдашнему административному делению не входили в Минскую область. Дело борьбы требовало все более решительных, нарастающих ударов по оккупантам. На этот отряд возлагались ответственные задачи.

Шли лесами, населенными пунктами мимо Бобруйска. Неподалеку от станции Телуша два наших разведчика были свидетелями небывалого коварства врага. К мостику на шоссе на дороге Бобруйск—Жлобин гитлеровцы согнали человек сорок женщин. Стоят женщины возле мостика, а солдат с переводчиком шагов за сто от них. Оба с дубинками. Женщины стоят лицом к мостику, пугливо оглядываются и плачут. Можно было подумать, что их угоняют на каторгу.

— Марш! — кричит переводчик и взмахивает дубинкой.

Женщины стоят.

Тогда гитлеровец медленно опускает руку на кобуру, вынимает пистолет, все так же не спеша нацеливает его на людей и стреляет. Пули свищут над самыми головами, женщины с криком падают на шоссе.

— Встать! — кричит переводчик. — Марш!

Женщины осторожно делают несколько шагов по

направлению к мостику, останавливаются, щупают снег ногами и идут дальше.

— Назад!—кричит переводчик, как только женщины миновали мост. — Назад!

Женщины поворачиваются и снова идут. Проходят мост, ступают несколько шагов по шоссе, и тогда гитлеровец снова гонит их на мост. И так несколько раз. Потом погнали всех на железнодорожное полотно.

В чем дело? Сначала мы не могли догадаться. Потом все стало ясно. Недавно местные партизаны подорвали минами несколько немецких грузовиков, так это эсесовцы выбрали такой способ разминирования.

Гитлеровцы жестоко поплатились за свое преступление. Мы отпустили несчастных женщин домой. А потом ночью внезапным налетом заняли станцию, уничтожили охрану и так поработали на линии, что нескольких сот метров полотна как и не бывало. К нам присоединились железнодорожные рабочие и служащие. Они пришли с ключами, ломami, лопатами. Не прошло и часа, как сюда стали прибывать люди из ближайших деревень. И все принялись за работу. Тут и я вспомнил свою старую специальность железнодорожника. Вот теперь она как раз пригодилась.

Какая могучая энергия появилась у людей, какая неудержимая сила! Они с лютой яростью рвали рельсы, выворачивали шпалы и бросали их под откос. Трудно даже представить себе, что осталось бы от всего станционного оборудования, от стрелок и водокачки, если бы у людей была возможность поработать до рассвета.

Может быть, совсем недавно эти самые люди проклядывали здесь дорогу. Теперь они разрушают ее. Разрушают без сожаления, без раздумья. Люди уверены, что они построят новую дорогу после победы. И уже такую дорогу, которая будет служить только делу мира — мирному труду.

Недалеко от станции была раньше большая машинно-тракторная мастерская. Оккупанты переоборудовали ее и теперь ремонтировали здесь танки. Мастерская охранялась гестаповцами. Наши отряды

окружили мастерскую и уничтожили всех гитлеровцев, которые там были, сожгли все танки, отремонтированные и неотремонтированные, поломали оборудование.

Закончили мы свой рейд в апреле сорок второго года. Прошли еще через Паричи, Шатилки, Азаричский район, побывали в Копаткевичах, Петрикове и ранней весной вернулись на свои базы — в Любанский, Стародорожский, Слуцкий, Старобинский и Глусский районы.

* * *

Первый рейд по областям Белоруссии принес нам огромную пользу. Он укрепил нашу связь с массами, выше поднял авторитет партизанского движения, почти удвоил состав наших отрядов. Мы сами побывали в тех районах, с которыми сносились раньше только через связных или представителей райкомов и подпольных парторганизаций, установили непосредственный контакт с подпольными райкомами, парторганизациями и группами.

В результате рейда мы фактически стали хозяевами в районах Минской и смежных областей, так как почти все деревни были очищены от гитлеровцев и полицейской нечисти.

Наши отряды стали более сильными и боеспособными. У нас увеличилось количество тяжелого вооружения: пушек, минометов. В походах и боях закалялся наш боевой коллектив; он приобрел новый большой опыт. Многие командиры и комиссары отрядов проявили себя в этом походе талантливыми организаторами, которым смело можно доверить судьбу боевых отрядов. Даже Николай Николаевич Розов, который в начале рейда все еще не мог избавиться от своих неправильных представлений о партизанском движении и однажды хотел снова вернуться на Любанщину, теперь под влиянием коммунистов и всего коллектива партизан понял великую патристическую миссию нашего боевого похода и стал действовать как настоящий патриот, большевик, смелый и боевой командир.

Партизанское движение на Минщине после рейда приняло действительно массовый, всенародный характер. Силы наши росли, все чаще и чаще появлялись новые отряды. Еще задолго до нашего возвращения на свои базы в Глуском районе, кроме отряда Храпко, начал действовать отряд Виктора Ливенцева, пришедшего из Бобруйска. Из Старых Дорог пришел с отрядом Петрушеня. В Октябрьском районе успешно развернул свою деятельность Макар Бумажков, брат Тихона Бумажкова. Октябрьский район стал сплошь партизанским. В районе Пухович довольно активно действовали отряды Филиппских, Тихомирова, в Бегомльском районе — Манковича, Мормулева.

Партизанский отряд, организованный секретарем Руденского райкома партии Покровским, за короткое время вырос почти в два раза. На вооружении отряда, кроме винтовок, было пять станковых пулеметов, семьдесят ручных, много автоматов, два батальонных миномета. Партизанские диверсионные группы подрывали эшелоны с танками и живой силой противника, уничтожали гитлеровские обозы.

С каждым днем все страшнее становилось гитлеровским гарнизоном в Руденске и Пуховичах, в Червене и Узде. Большая часть территории этих районов находилась под контролем партизан. Грабительские экспедиции оккупантов в отдаленные от гарнизонов сельсоветы заканчивались полным разгромом эсесовцев.

Гитлеровское командование, встревоженное массовым развертыванием партизанского движения в Руденском и Пуховичском районах, направило против отряда «Беларусь», которым командовал Покровский, дивизию регулярных войск. Отряд в это время базировался в лесу недалеко от деревни Клинок Червенского района. Заняв окружающие деревни, эсесовцы плотно замкнули партизан в блокадное кольцо. Но, несмотря на большой перевес сил, гитлеровцы не решились сразу войти в лес и начали артиллерийскую подготовку. Вражеская батарея была установлена на пригорке возле кладбища деревни Клинок. Снаряды со злобным шипением пролетали над голова-

ми партизан, которые заняли линию обороны на краю леса. После полудня, рассчитывая, что от партизан мало что осталось, эсесовцы двинулись в атаку.

— Подпускайте как можно ближе! — приказал Николай Прокофьевич.

Вражья лава грозно подкатывается все ближе и ближе к замаскированным партизанским окопам и завалам. Некоторые бойцы уже нетерпеливо и тревожно поглядывают в сторону командира.

— Начинать огонь только по сигналу! — предупреждает Николай Прокофьевич.

Пятьсот метров... триста... двести... Фашисты поднялись во весь рост. Длинные, мышиного цвета шинели зловеще приближаются к первой линии обороны партизан. Сто метров...

— Огонь! — кричит Покровский.

Прицельный огонь с близкой дистанции в первую минуту ошеломил эсесовцев. Трусливо они ринулись назад, устилая опушку леса и поляну трупами.

Партизаны ожидали, что гитлеровцы снова начнут артиллерийскую стрельбу. Но вражеская батарея молчала. Фашистское командование, очевидно, выработало какой-то новый план. Партизаны готовились к разным неожиданностям. Когда наступило утро следующего дня, в воздухе появились бомбардировщики. Услышав еще издали характерный вой «Юнкерсов», Николай Прокофьевич приказал поджечь заранее приготовленные кучи хвороста. Чернокрылые стервятники мчались прямо на лесные дымы. Пронзительно засвистели бомбы и начали взлетать огненные столбы. С утра и до вечера гитлеровцы обрушивали на костры тяжелые фугасные бомбы. На заходе солнца, когда прекратился отвратительный вой самолетов, партизаны, которые находились в безопасном месте, пришли взглянуть туда, где утром были разложены костры. Сотни вековых деревьев были вывернуты с корнями, земля вокруг чернела от огромных воронок...

На третий день блокады гитлеровцы снова пошли в атаку. Они, очевидно, считали, что после такой сильной бомбежки в лесу мало кто уцелел. Партизаны

подпустили врага на близкое расстояние и начали расстреливать эсесовцев, как и в первый день.

Три раза в этот день бросались озверевшие фашисты на партизанскую линию обороны и три раза откатывались, оставляя на поле боя сотни убитых и раненых. В это время разведка донесла, что со стороны Пухович и Минска подходят свежие вражеские подкрепления. Чтобы сохранить отряд для дальнейшей борьбы с врагом, надо было выходить из окружения.

Когда наступила ночь, отряд, нащупав слабое место в обороне гитлеровцев, двинулся на прорыв. Железная лавина народных мстителей неожиданным стремительным ударом смяла эсесовские цепи и вырвалась из блокады.

Триста восемь вражеских солдат и офицеров было убито в бою у Клинка. Чтобы скрыть от местного населения и партизан свои тяжелые потери, оккупанты развезли трупы на машинах в нескольких направлениях. Но уже на другой день командование отряда «Беларусь» точно знало о количестве убитых эсесовцев.

— Пусть не очень радуются те, что выскочили от нас только ранеными! — оживленно разговаривали между собой партизаны, узнав о результатах боя. — Полезут после своих госпиталей снова в лес — совсем без головы останутся...

Соединение партизанских отрядов Минской и Полесской областей представляло собой грозную силу, с которой гитлеровцы вынуждены были считаться. В апреле сорок второго года они отозвали с фронта довольно крупные регулярные части для того, чтобы задушить партизанское движение на Минщине и в полесских районах. Против нас была брошена дивизия эсесовцев. Ей были приданы специальные танковые и артиллерийские подразделения.

Согласно донесениям разведки было ясно, что противник собирается нанести главный удар по юго-восточным районам области, где в то время находились основные силы минских партизан. Командиры отрядов получили приказ выслать сильные ударные группы навстречу гитлеровцам. Эти группы должны были выйти в разных направлениях с целью деморализовать

фашистские войска, отрезать части противника друг от друга. Кроме того, был отдан приказ заминировать все подходы к нашим основным позициям. И когда наши ударные группы начали действовать в тылах противника и захватывать обозы и боеприпасы, он вынужден был повернуть назад, не выполнив своих планов.

Партизанские отряды быстро были приведены в боевую готовность, заняли оборону согласно точно разработанному плану. Однажды утром в конце апреля над стародорожскими и любанскими лесами появились вражеские разведывательные самолеты. Порыскали с полчаса и исчезли. Всем было понятно: скоро начнется штурм. Не прошло и часа, как больше десятка бомбардировщиков налетели на базовые деревни, где размещались партизаны. Лес задрожал от взрывов. С правого фланга окопались отряды Далидовича и Гуляева, в центре стоял Корж, дальше — Розов. Отряды Патрица, Столярова, Меркуля, Пакуша и Плышевского были в резерве. Наши оборонительные позиции были выбраны умело, хорошо замаскированы, так что почти все бомбы рвались вдали от них. Вслед за бомбежкой противник открыл огонь из пушек и минометов. Он бил по Загалью, по островам среди болота и по ближайшему от Загалья лесу. Потом пошли на нас танки, а с ними три батальона отборной пехоты.

Отрядам было приказано не стрелять и ничем не выявлять себя. В бой вступили только наши ударные группы. Они заходили противнику с фланга или с тыла, наносили внезапный удар и быстро отходили на новые позиции. Это вносило панику во вражеские ряды, отрывало пехоту от танков. А без танка гитлеровец воевать не мог.

Многие из наших отрядов еще не имели необходимого опыта борьбы с танками, однако это не поколебало нашу оборону. Во-первых, с минуты на минуту мы ожидали, что танки начнут взрываться на наших минах, так как обойти их нельзя, и, во-вторых, в засадах у нас были замаскированы группы, вооруженные бутылками с горючим.

Так оно и вышло: только прибежал посыльный от Далидовича с просьбой позволить ему выслать дополнительную группу истребителей танков, как на левом фланге врага раздалось сразу несколько взрывов. Будто эхо, такие же взрывы повторились и на правом фланге и в центре.

Корж готов был кричать от радости: это его мины устроили заграждение фашистским танкам.

Эсесовское командование, видя, что с их бронированной техникой здесь не пройти, остановило танковую атаку и усилило огонь артиллерии. Но ни танки, ни артиллерия не могли ослабить сопротивление партизан.

Тогда фашистской пехоте было приказано наступать без танков: очевидно, враг надеялся на то, что партизанская оборона ослаблена, а может быть, и совсем уничтожена. Гитлеровцы ринулись в атаку почти во весь рост. Артиллерия перенесла свой огонь в глубь леса. Вот уж совсем близко вражеские подразделения, вот они уже видны партизанам из укрытий.

— Не стрелять! — передается команда по линии обороны.

И только тогда, когда гитлеровцы подошли метров на сто пятьдесят—двести, партизаны открыли ураганный огонь. Далидович так ударил по левому флангу, что добрая треть эсесовского батальона была уничтожена в течение каких-нибудь тридцати-сорока минут. Уцелевшая часть батальона повернула назад, начала отползать, а тут ее встретила из засады ударная группа, которая зашла наступавшим гитлеровцам в тыл.

Корж не выдержал и поднял отряд в контратаку. Его поддержали другие отряды. Много оккупантов было загнано в болото и там уничтожено, остальные откатились.

Эсесовцы вторично пустили в ход авиацию, с новой силой начался артиллерийский обстрел. Собрав силы, противник пошел в атаку — и был отбит. Снова пошел — и опять был отбит. И так до вечера: девять раз эсесовцы атаковали наши отряды, и все девять атак были отбиты. Под вечер мы ввели в бой свои ре-

зервы, пустили в ход артиллерию и перешли в контрнаступление по всей линии. Семь дней шел тяжелый, кровопролитный бой. И победа была наша.

Вражеская дивизия была сначала оттеснена в Октябрьский район, а потом замкнута между деревнями Барбарова—Катки—Хоромцы—Яменск—Пруссы и, наконец, разбита.

Партизанское движение нарастало с невиданной быстротой, превращаясь во всенародную войну белорусского народа против ненавистных оккупантов. Это потребовало от подпольного обкома еще большей оперативности в руководстве, потребовало использования всех средств пропаганды и агитации, всех наших возможностей для организации масс, для активизации борьбы. Работе нашей подпольной печати — выпуску газет, листовок, работе нашего радио уделялось теперь еще больше внимания. Масштабы этой работы значительно расширились, методы усовершенствовались. Все новые и новые районы брали мы под свой контроль и влияние, все новые и новые отряды вливались в наше соединение.

Специальные обкомовские группы во главе с членами обкома были направлены в Минск, Бобруйск, Борисов, Слуцк, Бегомль, Логойск, Заславль в помощь местным партийным организациям. Одну из таких групп, направленную в Минск, возглавлял товарищ Лящениа. Во многих районах регулярно начали выходить подпольные печатные газеты.

XX

После возвращения из рейда необходимо было прежде всего подробнее узнать, как живут и работают партийно-комсомольские подпольные организации и партизанские отряды и группы, остававшиеся на местах. Донесения мы получали от них и во время рейда, но этого было недостаточно. Интересно было встретиться с командирами и политработниками, подпольными партийными и комсомольскими руководителями, поговорить, обсудить планы на будущее. Мы встретились с Луферовым, Патриным, Храпко, Столя-

ровым, Павловским, Жигерем, Бумажковым и рядом других товарищей. В отрядах Патрина и Столярова все было в порядке, только рост отрядов за счет местного населения за последнее время оказался весьма незначительным. Это все нас настораживало и беспокоило; видно, с политической работой среди населения здесь обстояло не совсем благополучно. Правда, отряд Храпко немного пополнился за счет населения Глуцкого района, но и тут настоящей заботы о росте не было: люди идут, просятся в партизанский отряд, а у них требуют оружие — винтовки или автоматы, хоть это оружие не на грядках росло. Областной комитет партии вынужден был еще раз детально и всесторонне рассмотреть вопросы, связанные с развертыванием всенародной партизанской борьбы против врага.

На второй день после нашего возвращения в штаб пришел секретарь Любанского подпольного райкома комсомола Адам Майстренко. Я внимательно выслушал его доклад о работе комсомольского подполья и с тревогой ожидал, что скажет Майстренко о Фене Кононсовой, подтвердит ли он те сведения, которые были получены штабом во время рейда. Майстренко рассказал об активной работе комсомольской организации отряда Храпко, назвал отдельных отличившихся комсомольцев, в частности Николая Татура, который проявил себя во многих боях. Подробно рассказал он мне о деятельности комсомольцев-подпольщиков в Баяничих, Редковичах, Живуни, Загалье, Озерном, а о Нижине почему-то умолчал, в то время как в своих прежних докладах всегда начинал с ведущей нижинской комсомольской организации. В начале разговора я не напоминал ему об этом, а потом спросил:

— А как же твои нижинцы? Как Феня?

Майстренко опустил глаза, лицо его потемнело.

— Не сберегли мы Феню, — промолвил, наконец, Майстренко глухим голосом.

Видно, ему не легко было говорить о Фене. Майстренко понимал, что именно с нее и надо было ему начинать свой доклад, но слишком велико было горе.

И неудивительно: для комсомольцев Минского подпольного обкома это была величайшая утрата, и мы все тяжело ее переживали. Враг нанес нам большой удар. Я сказал Майстренко, что мы должны ответить ударом на удар. Удары ленинско-сталинского комсомола области по врагу должны быть такими, чтобы смерть Фени была стократ отомщена. Я тут же дал задание обкому комсомола обсудить нижинские события во всех комсомольских организациях и подробно разработать планы работы.

— Нижинская комсомольская организация до сих пор в глубоком трауре, хоть работы своей не ослабляет. Подпольщиков там стало больше, но Фени уже нет, не уберегли. Да, не уберегли... Большая потеря для нас, — добавил Майстренко, немного помолчав. — Мне и говорить тяжело...

Позднее он рассказал все подробно.

Больше месяца тому назад Феня была послана райкомом на задание и, возвращаясь в лагерь, наткнулась на большую засаду эсесовцев. Время было предвечернее, но еще не стемнело — девушку схватили. По приметам узнали, что это Кононова, и повели в Нижин. Сосновский комендант и кузьмичская полиция рассчитывали взять реванш за свои прежние неудачи в Нижине и окружающих деревнях. Плюгавый бургомистр Дубик предвкушал свою будущую славу, видел себя с фашистским крестом на груди и старательно обдумывал, какой бы неслыханный допрос учинить нижинской учительнице. Так как в Кузьмичах и в окружающих деревнях тогда уже не было гестаповцев, а находился только комендант совхоза «Сосны», Дубик чувствовал себя здесь полноправным хозяином. Этот выродок решил провести допрос Кононовой в ее родной деревне, на глазах односельчан. Ему очень хотелось отличиться перед оккупантами. Дубик рассчитывал, что через Кононову ему удастся раскрыть всю нижинскую подпольную организацию.

До Нижина Кононову вели трое гестаповцев и девять вооруженных «полицаев». Но даже при таком соотношении сил гитлеровцы, уже не раз проученные, не доверяли себе. Поэтому они связали девушке ру-

ки — и все-таки боялись, что Кононова может как-нибудь перехитрить их и убежать. За последние месяцы слухи о смелой и решительной комсомолке распространились по всему Полесью.

— Ну, теперь все! — оскалив зубы, говорил Дубик. — Помудрила над нашими панами, многим посадила... Теперь все скажешь. Нажмем, так родного отца выдашь.

— Пес ты бешеный, изменник родины! — крикнула в ответ Феня. — И откуда ты взялся, подлюга такой? Как тебя земля держит, выродка?

Дубик старательно перенимал все приемы гестаповцев. Те сгоняли нижинцев на площадь, поэтому и он решил использовать этот способ. Когда народ пригнали, он самоуверенно объявил:

— Сейчас здесь будут названы фамилии всех тех, кто связан с партизанами. Сами не хотите говорить, — скажут другие.

Из толпы послышались гневные возгласы:

— Изменник, прочь от нас!

Приказав вывести на площадь Феню, Дубик сам развязал ей руки, снял с головы платок.

— Показывай, кто здесь бандит! — крикнул он. — Всех укажешь, живой останешься!

— Вот он, — спокойно сказала Феня и показала на Дубика.

— Ну, ты не упирайся! — закричал Дубик и изо всей силы дернул девушку за косу.

— Отойди, — посоветовал Дубику кто-то из толпы.

— Она не пожалеет вас, как некоторые из вас жалуют ее, — обозлился бургомистр. — Не доверяйте этой партизанке, помогите нам. Немецкая власть на местах, — он снова показал на себя, — учтет ваши заслуги.

В этот момент над головой бургомистра пролетел камень и взрезался в переносицу «полиция», который стоял с винтовкой возле Фени. Полицейский схватился руками за лицо. Дубик растерялся... Феня быстро подняла с земли тот же камень и стукнула им бургомистра по лицу... «Власть на местах» повалилась. «Полиция» сбили Феню с ног. Полетели еще камни, «полицай» начали стрелять.

Напуганные оккупанты и «полицаи» больше не сгоняли нижинцев на площадь. Дубик с разбитой физиономией поспешил под защиту кузьмичского гарнизона, а отряд «полицаев» повел вслед за ним Феню, которой снова связали руки. Она держалась гордо, как и подобает мужественным советским людям.

Дня через два Дубик наведлся в Нижин. С ним — конный отряд «полицаев», человек двадцать. Приехали показать свою силу и отомстить за недавний провал. Ничего не добившись от Фени в Кузьмичах, Дубик снова привез ее в Нижин. Девушка была измученная, еле живая.

— Теперь-то ты заговоришь! — шипел разъяренный «полицай».

Он приказал согнать к Орессе почти всех нижинских девушек и пригрозил Фене, что если она не назовет подпольщиков, каждая десятая из девушек будет расстреляна.

Кононова была очень слаба, измучена, но угрозы Дубика она услышала и поняла, что приближается самый трудный и ответственный момент в ее жизни. Надо сейчас что-то придумать, на что-то решиться: девушки, подруги дорогие, должны жить. Все они должны продолжать борьбу с фашистами. Ее подруги должны дожить до победы и увидеть ясное солнце мира над землей!

Феня незаметно взглянула на девушек. Она сидела на возу, — «полицаи» знали, что стоять она уже не может. Девушки стояли плотной кучкой, жались друг к другу и с доверием и горячим сочувствием смотрели на Феню.

«Родные вы мои, — светилось в глазах Фени, — вижу, что верите мне и теперь, верите, жалеете и надеетесь... Надейтесь, девушки, не подведу! За родину, за товарища Сталина не пожалею жизни!»

Феня делала вид, что не слышит угроз фашистского прислужника. Дубик подошел к саням, ударил девушку по голове и повторил свои угрозы. Феня на минуту подняла на него опухшее от перенесенных мучений лицо и снова бессильно опустила голову. Это был единственный метод борьбы, который она могла

применить. Она решила не реагировать ни на какие пытки, не застонать, не вымолвить ни слова. Пусть фашистские выродки думают, что она не может говорить от страшной слабости.

— Признавайся! — кричал Дубик и все бил девушку по голове. — Признавайся!

Феня молчала и ни разу не подняла глаз.

— Видите, дуры, — повернулся «полицай» к девушкам, — ей не дорога ваша жизнь, она даже и слушать не хочет. Одну какую-нибудь покрывает, а вас на смерть ведет.

— Губители! — крикнула одна из девушек. — Людоеды, вы ее замучили, а теперь неживую говорить заставляете!..

К девушке подошел здоровенный, взлохмаченный «полицай», замахнулся кулачищем, потом передумал и ударил прикладом.

Дубик широко размахивал руками.

— У нас и мертвые заговорят. Мы ей развяжем язык! Снимите ее с воза, поставьте здесь перед ними!

«Полицаи» подхватили Феню под руки, подняли и поставили на мерзлую землю. Девушки заплакали, подались вперед: Феня была босая, ноги посинели и опухли от побоев. Шатаясь, напрягая последние силы, Феня постояла с полминуты и упала. «Полицаи» подняли ее.

— Развязать ее? — спросил один из них Дубика.

— Нет, нет! — замахал руками бургомистр. — Вырывайте ей волосы. Держите и вырывайте!..

Девушки кинулись к Фене, сбили с ног «полицая», но конные головорезы преградили им дорогу. Феня мужественно переносила пытки. И уже слабеющим голосом она сказала:

— Бывайте, девочки мои дорогие!

— Да здравствует наша советская родина! Да здравствует товарищ Сталин!

Когда она потеряла сознание, Дубик приказал бросить ее в ледяную воду Орессы...

Так погибла Феня Кононова, пламенная патриотка нашей родины, стойкая волей и духом комсомолка. Как

ее ни пытали, она не сказала ни одного слова, которое мог бы использовать враг, не проявила слабости, не нарушила присяги, данной ею при вступлении в подпольную организацию.

* * *

Через несколько дней после героической смерти Фени Кононовой кузьмичский гарнизон был разгромлен. Майстренко с двумя боевыми группами отрядов Патрина и Столярова ночью внезапно налетел на фашистско-полицейское логово. Изменники родины — «полицаян» и их хозяева — были перебиты.

На кузьмичской улице на высокой колючей груше-дичке был повешен партизанами бургомистр Дубик.

XXI

Велико значение службы связи в народном хозяйстве и жизни страны в мирное время. Не меньшую роль играет она и во время войны. Роль службы связи в партизанской борьбе с первого взгляда может показаться непонятной. Но тот, кто недооценивает службу связи в партизанском движении, глубоко ошибается. Во все периоды народной борьбы против чужеземных захватчиков служба связи действовала, техника ее была различная и использовали ее в зависимости от обстоятельств. Многое подсказывала здесь народная мудрость.

Служба связи в партийном подполье и в организации всенародной борьбы с оккупантами имела исключительно важное значение. Еще перед уходом Минского областного комитета в подполье ЦК КП(б)Б указывал нам на необходимость как можно лучше организовать службу связи. «От хорошо налаженной связи будет зависеть многое, — говорили нам в Центральном Комитете. — За организацию этого дела надо браться немедленно, с первых же дней борьбы с врагом».

Мы заранее установили по несколько пунктов связи почти в каждом районе области и постарались, что-

бы они охватывали каждый завод, фабрику, город, в городе — каждый квартал, в сельской местности — каждую деревню.

До мая 1942 года мы пользовались главным образом живой связью через специальных партизанских связных и через надежных людей из населения.

Связь эта была самым тщательным образом за-конспирирована. Для осуществления связи выделялись люди надежные, стойкие и политически подготовленные. Тут, как и везде в нашей работе, очень помог богатейший опыт конспирации и организации подпольной связи большевистской партии в дореволюционный период. Различные способы использовались для партизанской связи: были у нас свои явочные пункты и квартиры, свои «почтовые ящики» в дуплах старых деревьев, свои «почтовые работники».

И никогда не надеялись только на одну линию связи. Как правило, действовали две или три параллельные линии связи. Когда случался провал на одной линии, выручала другая.

Главным средством связи с советским тылом в первые месяцы партизанской борьбы были люди, наши боевые испытанные подпольщики. Мы поручали им передачу исключительно важных донесений и всегда были уверены, что эти донесения не попадут в руки врага.

Посылались такие группы за линию фронта, в Москву — в ЦК КП(б)Б и Центральный штаб партизанского движения.

Первая группа, которую возглавлял Степан Петрович, доставила наши донесения в Центральный Комитет КП(б)Б, но, к большому сожалению, обратно не вернулась.

Этот вид связи сослужил нам хорошую службу, сыграл свою неоценимую, важную роль в первые месяцы партийного подполья и организации партизанского движения в Белоруссии. Но с каждым днем все более широким и могучим становилось партизанское движение. Изменялись условия борьбы, возникали новые сложные задачи. Стало тесно в рамках нашей первоначальной нелегальной связи, она уже отставала от

наших потребностей, тормозила движение вперед. Назревала необходимость широкого использования технической связи. С первых месяцев 1942 года мы упорно добивались этого, и в начале мая получили рацию. Центральный штаб партизанского движения делал все необходимое для того, чтобы в каждой области, в каждом партизанском соединении и даже в бригадах, а позже и в отрядах, действующих в важных стратегических районах, были свои радиостанции. Это помогало поддерживать непосредственную связь с нашими фронтами и отдельными армиями, координировать действия, регулярно сноситься с Москвой, Центральным штабом партизанского движения и ЦК КП(б)Б. Позже стало известно, что Центральный Комитет КП(б)Б, получив наши донесения, несколько раз пытался установить с нами непосредственную связь, но посланные к нам группы по тем или иным причинам не доходили и оставались работать в партизанских отрядах других областей республики.

Наконец одна группа достигла цели. Она спустилась на парашютах в районе деревень Убибачки и Кузьмичи Любанского района. Два дня люди блуждали по лесу, но так как это была, по существу, партизанская зона, вскоре они наткнулись на наши заставы.

Мы в это время, выполняя план одной операции, двигались в направлении Старые Дороги — Осиповичи. Отряды остановились на привал в районе деревни Озерное, а штаб разместился возле деревни Альбинск. В это время к нам прискакали трое верховых и доложили, что возле деревни Убибачки задержаны двое неизвестных людей с пакетом на мое имя. Держатся эти люди подозрительно, одеты в немецкую форму, с немецкими пистолетами, и, между прочим, проговорились, что где-то в лесу их ожидает еще один человек. Когда задержанные убедились, что перед ними партизаны, они заговорили смелей, но секрета про рацию не выдали: очевидно, ожидали, пока не вручат пакет тому, кому он адресован.

Чтобы быстрее выяснить, кто эти люди, я решил поехать к ним сам. Дорога была не близкая. Прибыл я на место уже утром.

Привели ко мне задержанных, — оказывается, люди мне известные. Один в 1935 или 1936 году работал председателем Узденского райисполкома, фамилия его Жариков, а другой — бывший директор средней школы Старобинского района Скалабан. ЦК КП(б)Б намеренно послал таких людей, которые хорошо знали меня.

Позже они рассказали мне об этом. Когда встал вопрос о непосредственной технической связи с Минским подпольным обкомом и первые связи не достигли своей цели, товарищ Пономаренко приказал подобрать десантную группу из таких людей, которые знали бы меня лично, хорошо ориентировались в нашей местности и могли пользоваться доверием населения.

Это дело было поручено товарищу Авхимовичу, который был тогда секретарем ЦК КП(б)Б по кадрам и который позднее сам побывал в Минском, Полесском, Пинском и Гомельском подпольных обкомах и оказал большую помощь в подборе руководящих партийных кадров.

Занимаясь подбором десантной группы, товарищ Авхимович вспомнил о Скалабане, который в то время работал в Москве. До Отечественной войны товарищ Авхимович приезжал в Старобинский район, там на партийной конференции слышал от районных работников хорошие отзывы о Скалабане. Вызвал его в ЦК, познакомился ближе. Скалабан дал согласие лететь на Минщину. Стали думать о втором человеке, и Скалабан рекомендовал Степана Жарикова, с которым он познакомился в Москве. Во время одной из встреч Жариков сказал Скалабану, что хорошо меня знает.

Таким образом, к нам прибыли знакомые мне люди. Но в то суровое время во всяком деле нужна была особая осторожность. До войны я знал этих людей, но как они вели себя во время войны, неизвестно.

Поэтому мне пришлось немного обидеть прибывших в первую минуту нашей встречи. Они радостно бросились обнимать меня, а я поздоровался сдержанно и даже холодновато.

Было у них письмо для меня от секретаря Центрального Комитета КП(б)Б. Мы внимательно прочитали письмо. Хотелось бы порадоваться по такому случаю и порадовать других, но, к великому сожалению, и здесь мы не могли сразу, без должной проверки, признать подлинность письма. Кто знает, Пономаренко писал это письмо или нет? Мы уже не однажды получали письма, под которыми стояла подпись секретаря ЦК КП(б)Б. С письмами, адресованными всем партизанам Белоруссии, с просьбой оказать всяческую помощь такому-то работнику разведотдела Советской Армии к нам пытались пробраться гитлеровские шпионы. Гестапо придумывало различные провокации. Все провокационные письма, сфабрикованные гестаповцами, были нами разоблачены так же, как и их владельцы.

Вскоре привели третьего человека. Это был совсем еще молодой парнишка, с открытым, немного наивным лицом, с живыми, веселыми глазами. Звали его Володей, фамилия Февралев. Он был родом из станицы Цимлянской Ростовской области и попал в группу после окончания курсов радистов в Москве.

Всех троих допустили мы к работе, только, на всякий случай, Алексей Георгиевич установил над ними наблюдение. Время покажет: будут хорошо, честно работать, значит люди свои. Окажем им тогда должное внимание и доверие.

Составили мы радиограмму для передачи в Москву, в Центральный Комитет КП(б)Б и штаб партизанского движения. Радисты передали. На другой день получаю ответ: «Рады, что связались, поздравляем, желаем успехов...» — и дальше в таком же духе.

«Что ж, — думаю, — первая радиограмма могла быть и такой, нет ничего удивительного». Передаем еще раз и просим конкретных указаний в работе. Вскоре приходит ответ и опять такого же содержания, с небольшими изменениями: «Поздравляем, крепко ждем руку, желаем успехов».

Тут уже мы насторожились: не может быть, чтобы секретарь ЦК КП(б)Б послал нам две одинаковые радиограммы. К тому же он прекрасно знает, что не

поздравления и добрые пожелания нам нужны, а директивы, практическая помощь в работе. Тут явно пахнет провокацией.

Мы решили послать в ЦК еще одну радиограмму, в которой поставили несколько конкретных вопросов. Опять тот же ответ: те же приветствия, поздравления, пожелания и еще несколько, явно выдуманных шифровальщиком, слов.

Что делать? Рация есть, а связи с Москвой, с Центральным Комитетом КП(б)Б как не было, так и нет. Снять радиста, поставить своего, так он не знает кода и шифра. А Жариков специально готовился для работы шифровальщика.

Вызываю его в штаб.

— Скажи, Степан Сергеевич, правильно ты расшифровываешь радиограммы?

— Конечно, правильно, — отвечает Жариков.

— Почему же все три радиограммы одинаковые?

— Не знаю, — отвечает, — они не совсем одинаковые. Должно быть, там так писали, я за это не отвечаю.

Тут у меня уже нехватило терпения.

— Будешь говорить правду или нет? — крикнул я — Говори, кто вас сюда послал?

Он, вижу, заволновался, но все-таки уверяет, что прибыл из Москвы, из Центрального штаба партизанского движения. Говорит, что расшифровка точная.

Долго я с ним разговаривал, но ничего не добился. Вечером собралось закрытое бюро обкома. Докладываю бюро, что полученные из Москвы радиограммы вызывают серьезное подозрение, что они совершенно одинаковые и не могут быть руководством в работе. Нельзя верить, что эти радиограммы от ЦК КП(б)Б. Можно поздравить, пожелать успехов один раз, но не может быть, чтобы это повторялось три раза подряд. Уж очень неподходящее время для любезностей.

Долго мы думали, как быть. Срыв непосредственной связи с Москвой не на шутку обеспокоил всех членов бюро. Надо было немедленно искать выхода.

Бельский предложил вызвать на бюро Жарикова и потребовать от него объяснений. Я не возражал послушать Жарикова на бюро, но предупредил Бельского, что шифровальщик говорит не совсем искренне. Жариков пришел хмурый, растерянный. Задаем вопрос — отмалчивается или крутит головой, если сурово говорим о его вине. Ничего плохого не признает за собой, даже бесспорные факты отрицает.

Тогда я вношу предложение — отстранить от работы шифровальщика Жарикова и поручить товарищу Бондарю провести расследование. Если будет обнаружено предательство, применить закон военного времени. Бюро обкома приняло это предложение.

Только теперь понял Жариков, что запирается больше нельзя. От волнения он заплакал, а потом признался, что просто забыл шифр. Московские радиogramмы остались нерасшифрованными.

— Разве моя голова — энциклопедия? — оправдывался Жариков. — Я не могу долго помнить такие сложные вещи. Когда заучивал, казалось, хорошо знал, а пока летел на место, все забыл, все выскочило из головы.

— Значит, эти радиogramмы, которые читал нам, ты просто выдумал? — спросил я.

— Да, — отвечает, — выдумал. Я думал, что все будет хорошо.

— А Скалабан знал об этом?

— Нет, не знал.

Я приказал изолировать Жарикова, так как у меня и у остальных членов бюро обкома КП(б)Б, по вине самого же Жарикова, появилось недоверие к нему.

Уже выходя из штаба, Жариков, наконец, сказал, что у радиста Февралева есть запасной, аварийный шифр. Только этот шифр не очень сложный, гитлеровцы могут разобраться в нем.

Пришлось пойти на риск. Я вызвал радиста Володю Февралева и приказал ему передать следующую радиogramму в ЦК КП(б) Белоруссии: «Нормальную связь установить с вами не могу. Жариков забыл шифр. Полученные от вас радиogramмы не расшифрованы.

Прошу срочно командировать нового шифровальщика».

Но радист отказался передавать радиogramму запасным шифром.

— Это шифр аварийный, — заявил он, — им разрешается пользоваться только в самых крайних случаях — в случае аварии.

— Так у нас ведь как раз авария, — говорю ему, — у нас проваливается связь с Москвой и ЦК КП(б)Б.

— Почему проваливается? — спрашивает он. — А Жариков зачем?

— Жариков забыл шифр, — объясняю я радисту.

— Не может этого быть, — не верит Февралев. — Мне приказано подчиняться только Жарикову, и я должен выполнять приказ. Пусть Жариков напишет мне, в чем дело.

Пришлось принести радисту записку от Жарикова. Узнав его почерк и окончательно убедившись, что положение с радиосвязью и в самом деле угрожающее, Февралев передал радиogramму своим шифром.

В тот же день пришел ответ от товарища Пономаренко: «Радиogramму получил. Принимаю меры. 29-го будет самолет. Ждите. Укажите место и установите наземные сигналы».

Мы указали место, и 29 мая 1942 года ровно в двенадцать часов ночи к нам прибыл самолет и сбросил радиста и шифровальщика.

С этого времени у нас устанавливается регулярная радиосвязь с ЦК КП(б)Б. Немного позже нам прислали еще несколько раций и радиоузел. Мы наладили радиосвязь с соседними областями, районами, с наиболее крупными бригадами и отрядами. Каждый день ЦК получал от нас сообщения о наших партизанских делах, о гитлеровских вооруженных силах и направлении их движения, о гитлеровских гарнизонах и укреплениях на территории Белоруссии.

Товарищ Скалабан работал комиссаром одного отряда, много раз участвовал в тяжелых боях. Это

Заместитель начальника соединения Р. Н. Мачульский (в центре) и партизаны гражданской войны дед Талаш (слева) и Г. Н. Гальчюня (справа).

был человек добросовестный и способный. Мы представили его к правительственной награде и потом по поручению Президиума Верховного Совета Союза ССР я вручил ему орден Красного Знамени.

Что же касается Жарикова, то он сначала действительно не понимал всей серьезности и ответственности партизанской борьбы. На партизанскую деятельность он смотрел вначале, как на некую романтику. Долгое время не верил, что партизаны и в самом деле могут заниматься чем-нибудь серьезным. Ему казалось, что все эти рации, шифры никому не нужное фантазерство. Кому из партизан понадобится этот шифр? Зачем он? Какая там может быть связь? Живут люди в лесу, спрячутся от гитлеровцев, им и в голову не придут эти шифры. Важно только одно: позаботиться, чтобы не попасть гитлеровцам в лапы.

В отношении шифра он скоро увидел, что ошибся. Мы послали его рядовым бойцом в отряд Далидовича. Воевал Жариков неплохо, заслужил доверие партизан и через некоторое время был назначен командиром взвода в одном из отрядов на Пинщине. За боевые заслуги товарищ Жариков был награжден правительством Союза ССР орденом Красной Звезды и медалью «Партизану Отечественной войны» первой степени.

Погиб Степан Жариков из-за своей неосторожности. Шел с Пинщины к нам за оружием и боеприпасами для отряда. Около Копыля зашел к знакомому колхознику, с час отдохнул у него, подкрепился и пошел дальше. Вместо того чтобы пробираться незаметно, двинулся открытой дорогой. Так он наткнулся на гестаповцев.

Потом я тяжело переживал, очень жалел, что погиб человек так нелепо. Я считал, что не только он сам в этом виноват, но частично и мы. Не сумели подойти к человеку, не помогли ему окончательно переломить себя. Немало приходилось переживать и страдать и за некоторые свои ошибки и за ошибки своих товарищей...

* * *

Другой радист, прилетевший к нам из Москвы, привез мне письмо от товарища Пономаренко. Письмо было довольно загадочное. Пантелеймон Кондратьевич писал: «Известите меня, когда вы в последний раз были в Москве, в ЦК ВКП(б), с кем имели разговор, какой документ оформляли?»

Некоторое время я не отвечал, все думал, в чем дело, зачем мне задают такие вопросы? Потом понял, что это делается для проверки. Последний раз в Москве я был в 1940 году, встречался там с товарищем Андреевым и писал один важный документ. Об этом знал в ЦК КП(б)Б только Пантелеймон Кондратьевич. Теперь он решил проверить, тот ли это Козлов посылает в Москву радиogramмы о партизанской деятельности или какой-нибудь другой, может быть подосланный врагом? Всего можно было ожидать в то время.

Я послал в ЦК КП(б)Б подробный ответ: и когда был в Москве и с кем встречался, о чем шел разговор при встрече и какой документ тогда я оформлял. После этого сомнения исчезли. Пантелеймон Кондратьевич потом рассказывал мне, что, получив мою радиogramму, он окончательно убедился, что это тот самый Козлов, которого ЦК оставил на Минщине для организации партийного подполья и партизанской борьбы. Пантелеймон Кондратьевич так и доложил Андрею Андреевичу:

— Это наш Козлов.

Приходит через несколько дней шифровка. Нам передают благодарность, всему составу обкома и всем партизанам соединения, затем извещается, что Центральный Комитет ходатайствует перед правительством Союза ССР о награждении белорусских партизан, отличившихся в боях с немецкими фашистами, орденами и медалями Советского Союза.

В этой же телеграмме было сказано, что Иосиф Виссарионович все время следит за борьбой белорусских партизан, все знает о их деятельности и, может быть, вскоре вызовет к себе отдельных руководителей партизанского движения, находящихся на временно оккупированной территории Белоруссии.

М.Б.

В одном из живописных уголков Любанщины, недалеко от деревни Старосек, затерялся малозаметный среди лесных зарослей островок Зыслав. Река Ореса, с широкими болотистыми берегами, огибает его с востока. Вокруг острова болото, поэтому даже в самое сухое лето добраться туда не легко. Место это красивое и богатое разнолесьем. Растет на острове стройный сосняк, густой орешник, встречаются березы и дубы. Деревенские мальчишки и девчата, проваливаясь по пояс в трясину, иной раз пробирались туда за земляникой и малиной, а ближе к осени за орехами. Птица там водилась разнообразная: что ни дерево, то гнездо. Иногда какой-нибудь озорник приносил в деревню полную шапку разноцветных яиц.

Едва ли обозначался на какой-нибудь карте этот островок. Некоторое время наши отряды не обращали на него особого внимания, но потом Далидович разместил там свои запасные базы. После этого стали навевываться туда и другие командиры партизанских отрядов. Seriously заинтересовались мы этим островком, когда встал вопрос о постройке большого партизанского аэродрома. Потребность в этом назрела летом сорок второго года, — оставаться дольше без аэродрома было невозможно, а аэродром нужен был такой, который имел бы республиканское значение. У нас уже хорошо наладились радио и живая связь с Большой землей, часто прилетали в партизанский край самолеты, но приземлиться им было негде. Летчики сбрасывали нам грузы, но не все, присланное таким образом, мы могли получить. Бывали случаи, когда тщательно упакованное оружие и боеприпасы попадали в болото или в такую чашу, что найти их было нелегко и некоторые грузы не достигали цели своего назначения.

Аэродром помог бы нам еще больше приблизиться к Большой земле, к родной Москве, к нашему дорогому товарищу Сталину. Минским партизанам да и всему белорусскому народу хорошо было известно, что товарищ Сталин с особым

вниманием следит за их борьбой с врагом, интересуется их жизнью и деятельностью. Это придавало людям силу и отвагу, укрепляло их в тяжелой, героической борьбе.

Советский человек воспитан так, что ему трудно жить и работать, не чувствуя локтя братских народов, не имея ежедневной живой связи со своим правительством, со своей партией и ее вождем. Товарищ Сталин неустанно следил за развертыванием партизанского движения в Белоруссии. Весть о том, что в ближайшее время должна состояться встреча великого вождя с представителями белорусского народа, необычайно обрадовала нас и еще больше активизировала партизанские отряды в борьбе с оккупантами. Послать своего представителя в Москву, к товарищу Сталину, было большим счастьем и честью для каждого партизана и партизанки. Тем более, что нам уже было о чем рассказать товарищу Сталину. К 1 августа 1942 года только в одном нашем соединении насчитывались тысячи человек — десятки партизанских отрядов и групп. Мы имели большое количество винтовок и автоматов, ручных и станковых пулеметов и около двух десятков пушек. У нас были такие силы, что мы могли оперировать во всех районах Минщины и Полесья, а также оказывать помощь партизанам других областей, особенно западных областей Белоруссии. Мы установили контакт с украинскими и польскими партизанами. Чувствительна была наша помощь украинским партизанам, в частности бригаде Ковпака, который на протяжении почти трех месяцев находился на территории Белоруссии в критические для его бригады дни. Большую и активную помощь оказали белорусским партизанам москвичи и население других областей РСФСР. В наше соединение прибыл отряд имени Гастелло под командой Пушина, Пантелеенко и Жуковского. Этот отряд автоматчиков был сформирован почти исключительно из москвичей-комсомольцев. Затем прибыл конный отряд под командой Флегентова. Перебравшись через линию фронта, отряд провел неслыханные, действительно героические рейды по тылам вра-

га. Бойцы отряда служили образцом мужества, отваги и военной выучки.

До половины лета 1942 года отрядами нашего соединения были уничтожены и выведены из строя тысячи фашистских солдат и офицеров. Мы пустили под откос три вражеских бронепоезда, пятьдесят восемь эшелонов с живой силой и техникой, разрушили пятнадцать железнодорожных мостов, восемьдесят шоссейных, разбили сто сорок семь автомашин, разгромили сто двадцать фашистско-полицейских гарнизонов и участков, сожгли тридцать нефтебаз, уничтожили оборудование на двадцати смолокурных заводах.

Были у нас определенные достижения в партийно-организационной и пропагандистской работе. В соединении и в районах насчитывалось семьдесят четыре парторганизации, которые объединяли около двух тысяч коммунистов; работало девяносто шесть комсомольских организаций. В них насчитывалось больше трех тысяч человек. Во многих районах выходили печатные подпольные газеты, а потом они стали выходить во всех районах. Несколько позже был налажен выпуск центральных газет «Звезда» и «Чырвоная змена».

Но для того чтобы иметь возможность побывать в Москве, чтобы расширить связь с Большой землей, необходимо было ускорить подготовку к приему самолета. Где же посадить нашего крылатого гостя, если кругом леса да болота? Правда, посадить не так уж трудно, но надо было потом и подняться.

Помню, в начале августа мы собрались и пошли осматривать островок Зыслав—Бельский, Мачульский, Бондарь, Варвашеня, Ляшеня, Далидович, летчик Павел Симов, который пришел к нам после ранения, и я. Повел нас Герасим Маркович Гальченя. Перед этим несколько дней лил дождь, вода на болоте поднялась, пройти трудно, но у Гальчени везде были свои тропинки. Выйдя из деревни Старосек, Герасим Маркович покружил немного по зарослям и быстро выбрал тропинку, по которой можно было идти спокойно.

Он шел впереди, а мы за ним. Зеленый островок интересовал нас и тем, что он находился в центре наших основных баз и был незаметен для оккупантов.

«Найдется ли здесь подходящее место для будущего аэродрома?» — это беспокоило нас всю дорогу. Если найдется, то сразу же приступим к работе.

На острове Гальченя шел впереди, шел уверенно, видно, хорошо знал, куда ведет. Под ногами шелестела густая трава. В некоторых местах она была выше колена и обдавала нас росой, хотя солнце было уже высоко. В чаще пахло болотной сыростью, местами трудно было пролезть: орешник, переплетаясь с березником, стоял живой стеной.

Пройдя около двух с половиной километров, Гальченя остановился, посмотрел на солнце и повернул вправо. Через несколько минут он вывел нас на довольно просторную полянку и удовлетворенно сказал:

— Вот вам и аэродром. Подчистить немного, траву скосить, и считай, что готов.

Симов не удержался от смеха.

— Двухмоторный сядет, — добродушно пошутил он, — так всю нашу площадку и накроет. А хвост вон на том дубе повиснет.

Гальченя недоверчиво покачал головой, однако, посмотрев на столетний дуб, который возвышался на краю поляны, немного смутился:

— Дуб действительно будет мешать, — согласился он, — придется его выкорчевать, а площадка здесь хорошая. Ты разве не садился на таких?

— Садиться-то садился, — объяснил летчик, — только на других марках. Вот когда меня недавно подбили, я сел прямо в кусты, да только подняться не мог.

— Сядешь и здесь, — сказал Герасим Маркович. — Сядешь и взлетишь. — При этом он так уверенно показал на площадку, будто здесь уже приземлялся самолет.

— Для того чтобы взлететь на транспортном самолете, — терпеливо объяснил Симов, — нужно самое малое пять-шесть таких площадок сложить в одну. Да землю утрамбовать, вымостить камнем.

Что площадка была мала для грузовых самолетов, было ясно, так как нам не раз приходилось наблюдать за устройством аэродромов. Однако хорошо, что удалось найти на острове хотя бы такую полянку.

Будто сама природа позаботилась о нас. Оставалось ее расширить.

— Сколько, вы думаете, тут метров? — обратился Симов к Герасиму Марковичу, хотя тот уже и не хотел продолжать спор.

Вместо ответа Гальченя пошел к восточной стороне полянки и оттуда начал мерять ее широкими, быстрыми шагами. «Раз, два, три, четыре...» Нам было слышно, как он, досчитав до сотни, начинал снова: «Раз, два, три, четыре...» Ноги его неслышно ступали по мягкой, пересыпанной курослепом траве, и следы от лаптей быстро исчезали.

Мы шли за Гальченей.

— Метров четыреста! — громко сказал он, дойдя до конца полянки. — Но ее можно еще немного расширить.

Потом начал мерять Симов. Он делал шаги примерно такие же, как и Гальченя, старался перешагивать через кочки и пни, чтобы идти по прямой. Скоро летчик исчез в зарослях и только по его голосу и треску сухих сучьев мы определяли, где он.

— Тысяча пятьсот, — услышали мы, наконец, последний счет Симова. — Идите сюда!

Гальченя не на шутку удивился:

— Разве целые эскадрильи здесь будем принимать?

— Возможно, что и так.

Прошлись мы по отмеренной Симовым территории: длина около полутора километров, ширина — около километра. Почва хорошая: кое-где болотинка — ее нетрудно засыпать, местами холмики — можно срезать. Хуже всего раскорчевка. За исключением небольшой полянки, на которой Гальченя собирался принимать самолеты, вся площадь густо заросла орешником. Встречались довольно толстые сосны, кое-где березы. Выкорчевывать все это не так-то просто, но другого выхода не было.

— Будет здесь работки!.. — со вздохом заметил Далидович.

Тревога его была понятна. Для того чтобы оборудовать площадку достаточно быстро, нужно бросить сюда значительные силы, а где их возьмешь? Окку-

панты наводнили районы эсесовцами и делали попытки в опорных пунктах создать свои гарнизоны. Наши отряды непрерывно вели боевые действия, и снять их было нельзя.

Разумеется, кое-какие резервы могли бы найтись и в самом соединении, но если принять во внимание, что строительство аэродрома дело срочное, что здесь необходим соответствующий размах, то этих резервов было далеко не достаточно.

Подошел Симов.

— Приходилось вам иметь дело с таким строительством? — спросил я.

— Приходилось, — ответил летчик.

— Дадим вам тысячи полторы рабочих, — предложил я, — тягловую силу, лопаты, топоры и дадим две-три недели. Справитесь?

— Нет, не справлюсь! — решительно заявил Симов.

— Что вам еще надо? — спросил я. — Если мало людей, организуем еще человек пятьсот.

— Не справлюсь! — повторил Симов.

— А что вам надо?

— Людей мне хватит, — ответил летчик. — Мне надо еще около тысячи подвод, потому что без камня и гравия аэродрома не построишь.

— А если мы все это сделаем? — говорю я.

— Тогда справлюсь! — уверенно ответил Симов.

Потом мы подобрали место для фиктивного аэродрома, и когда возвращались, Далидович осторожно спросил:

— Где это мы возьмем полторы тысячи человек и тысячу подвод? В отрядах и трехсот свободных партизан не наберется, а подвод и совсем мало. У нас все больше лошади верховые.

— А наши зоны?

Далидович задумался.

— Это правда, — в раздумье произнес он, — там людей много. Но ведь строительство у нас необычное, необходима конспирация.

— Будет и конспирация.

Я глубоко верил, что колхозники окружающих деревень активно помогут нам. Они пойдут навстречу

по первому же нашему призыву, как шли уже не один раз. И сами придут и доставят все, что нужно.

Мачульский молчал, раздумывал, а потом начал вслух подсчитывать, сколько человек можно взять из деревни Старосек, сколько из Загалья, Альбинска, Калиновки, Нижина, Скавшина, Сухой Мили, Убибачек. Он начал перечислять надежных людей из Старосека, которых можно было бы поставить во главе бригад. Перечислил по именам и насчитал больше десяти.

Гальчenea внимательно слушал, кивал одобрительно головой, а потом вдруг запротестовал:

— Одних стариков берешь, это неправильно.

— А кто там из молодых? — усмехнувшись, спросил Мачульский.

— Женщин бери, вот кого, — настаивал Герасим Маркович. — Чем плохие будут бригадиры или начальники?

На следующее утро Симов, Филиппушка и представители штаба соединения отправились в ближайшие деревни, и работа началась.

К болоту подошли люди с лопатами и топорами, подъехали подводы. Пришли все, кто мог быть полезным: пожилые мужчины и старики, женщины и подростки.

Предполагалось брать на работу только здоровых и физически сильных людей, но это правило в некоторых деревнях пришлось нарушить. Узнав, что партизанам нужна помощь, на работу начали собираться все колхозники. В хатах оставались только малые да совсем старые. Попробуй скажи кому-нибудь, что он не подходит для работы. Обидится человек, примет за оскорбление.

В Старосеке был такой случай. Набирая бригаду, Симов отвел в сторону пожилого, слабого здоровьем колхозника Антона Синицкого и посоветовал ему:

— Побудь пока дома, пусть идут те, кто поздоровее. Если не управимся, тогда позовем тебя.

Синицкий даже в лице изменился.

— А я что? — растерянно спросил он. — Мне не доверяете?

— Доверяем, — оправдывался Симов. — Только тяжело будет тебе на земляных работах. Там ведь и день и ночь придется работать.

— Значит, не годен? — обиженно спросил Синицкий. — На разведку посылали за пятьдесят километров — был годен, фураж отрядам доставлял — годен, а тут — в сторону. Да я не хуже другого молодого еще потяну! Не берете, сам приду!

Женщины, услышав этот разговор, тоже запротестовали:

— Без него и мы не справимся, он тут у нас все-му селу голова.

Подошел Корнеев и, как председатель местного совета, порекомендовал взять Антона Синицкого на строительство.

— Таких смело бери, — сказал он Симову, — я его давно знаю. Хочешь, скажу тебе один секрет: я тут смотрю, чтобы в каждой бригаде были люди стойкие, проверенные. Сейчас они будут копать, землю возить, а пройдет время — дадим в руки оружие и пойдут воевать, бить оккупантов. В моем сельсовете можно десяток отрядов организовать.

Для того чтобы с самого начала обеспечить необходимые темпы работы, надо было доставить на площадку будущего аэродрома транспорт, тягловую силу, щебень, катки. А для того чтобы все это доставить через болото и в дальнейшем иметь нормальное сообщение с островом, нужна была хорошая дорога.

Начали гатить болото. На трясику насыпалась земля, — ее возили, носили. Понадобилось много леса, — его рубили тут же. Гать была сделана за несколько суток, и тогда островок впервые за время своего существования заселился людьми. Несмотря на то, что бригады были из ближайших деревень и многим можно было ходить на отдых домой, каждому хотелось считать себя мобилизованным, и на время работы люди переселились на остров. Вокруг строительства скоро выросли шалаши, палатки. Все это нужно было на случай дождя, так как обычно люди спали

прямо под открытым небом, на сухих листьях, на охапках сена или соломы.

Определенных часов для отдыха не было. Ночи стояли ясные, прохладные. После небольшой передышки бригады выходили на работу в любое время суток. Ночью они работали так же напряженно, как и днем.

В работе все шло обычным колхозным порядком: бригады имели свои участки, свои производственные задания, соревновались между собой. Посмотришь — колхоз вышел на работу! Но когда приглядишься внимательно, увидишь, что это не обычный колхоз мирного времени. Все здесь колхозники, но они не те, что были раньше. Работают они с еще большим напряжением, с уважением поглядывают на партизан и немного завидуют, что у тех есть оружие. Они охотно примут на себя обязанности воинов, отложат в сторону топор и возьмутся за винтовку. Поэтому в бригадах существует военная дисциплина, образцовый порядок.

Когда однажды мы с Мачульским пришли на остров, со всех сторон начали подбегать к нам бригадиры, или, как называл их Симов, старшие команд. Некоторые из них старались быть похожими на настоящих командиров и докладывали по-военному. Они сообщали, сколько у них людей, что уже сделано и что надо сделать. Иногда такой рапорт слишком затягивался и был похож на доклад колхозного бригадира, но колхозник все время стоял навытяжку, руки по швам и держался браво.

Доложив, он бегом возвращался в свою бригаду, на ходу торопливо закуривая. В бригаде не командовал, не важничал, что он начальник, а брался за топор или лопату и работал наравне с другими. Обычно бригада работала так: одни расчищали площадку, выдирали кустарник, занимались раскорчевкой, отвозили деревья и хворост, а другие выравнивали землю: срезали бугры, кочки, засыпали ямы. Работа была трудоемкая, требовала много времени и силы, но люди работали с большой охотой, с желанием оправдать доверие партизан, и площадь будущего аэродрома на глазах расширялась и преображалась.

Все знали, зачем расчищают такую огромную площадь, и это вдохновляло людей, придавало им силы. Бригада из Старосека полудновала, когда мы подошли к ее участку. Кое-где горели небольшие костры, люди пекли картошку, поджаривали на вертелах сало. Некоторые варили что-то в чугунках. Тут же сидело несколько человек из Загалья. Возле них прилег Антон Синицкий и что-то с воодушевлением рассказывал, энергично размахивая рукой.

— Должно быть, все про свою овечку рассказывает, — улыбнулся Корнеев, подойдя к нам с соседнего участка.

А история с его овечкой была и в самом деле известна чуть ли не всей нашей зоне. Однажды Антон Синицкий привез партизанам свою овечку и бидон молока. Потом, когда приехал в деревню отряд гестаповцев и полицейских, кто-то донес, что Синицкий помогает партизанам, его схватили, начали бить и допрашивать: куда завез овечку и молоко?

«Паночки, — притворно дрожащим, жалобным голосом взмолился Антон. — Это все неправда, это вам кто-то наврал. Тут не только что одну мою овечку, а целое стадо партизаны забрали. Шли недавно и забрали штук сорок. И не один бидон молока выпили, а целых восемнадцать. Каждый раза два глотнул, так даже восемнадцати бидонов нехватило».

На самом же деле никого из партизан в деревне не было, никто не брал овечек и не пил молока, но Синицкому удалось таким образом не на шутку напугать фашистов.

Теперь, увидев нас, Синицкий поспешно встал и сделал несколько шагов навстречу. Он был здесь старшим и считал своей обязанностью первым поздороваться и пригласить нас полудновать. Мы присели на пеньки.

— Ну, как идет работа? — спросил я.

Антон сообщил, что не больше как через день они закончат раскорчевку и тогда вся бригада переключится на выравнивание площадки.

Один из загальцев заявил, что они сегодня закончат раскорчевку.

Синицкий недовольно посмотрел в его сторону и как бы вскользь заметил:

— Ну какой там у вас лес, кусты одни.

На это загалец спокойно ответил:

— Такой же самый, как и у вас, — рядом наши участки.

Синицкий возразил:

— Сравнил! У нас сосны, хоть на доски пили, ольха, береза.

— И у нас есть лес, — примирительно ответил загалец. — Да что ты волнуешься? Когда мы кончим работу, придем и вам поможем.

— Лучше мы вам поможем, — упрямылся Синицкий.

Потом он обратился ко мне:

— Скажите, а скоро сюда прилетит самолет из нашей родной Москвы?

— Как только закончим аэродром, так и прилетит.

— А можно будет тогда в Москву письмо послать или в Казань?

— Думаю, что можно будет.

— А если б нам всем собраться да написать письмо товарищу Сталину, как когда-то до войны. Описать, как мы тут живем, как бьем врага. Можно было б такое послать?

— Можно, и обязательно напишем товарищу Сталину письмо в Москву.

Постепенно вокруг нас собирался народ. Каждому хотелось услышать что-нибудь новое про наш советский тыл, про Москву, про родного Сталина, про его здоровье. Синицкий встал, окинул всех быстрым взглядом и сказал:

— Идемте, женщины, и вы, мужчины! Сегодня и нам надо закончить раскорчевку.

Все сейчас же собрались и пошли на работу.

Хотя на острове работали главным образом колхозники и партизан было совсем мало, сюда то и дело, иногда всего на несколько минут, приходили командиры отрядов, комиссары, а чаще всего вестовые из боевых отрядов и групп. Они рассказывали об обстановке и, если позволяло время, делились со знакомы-

ми колхозниками своими впечатлениями о боях, передавали им наиболее важные боевые эпизоды. И колхозники жили этими новостями, мысли их были там, где шли бои, где их товарищи, братья били фашистов.

Во время строительства аэродрома наиболее крупные боевые операции проходили в районе деревни Катка на Глушине и в близлежащих населенных пунктах: Слободка и совхоз Холопеничи. Во вражеском гарнизоне Катка насчитывалось свыше трехсот фашистов. На вооружении у них были три сорокамиллиметровые пушки, семь минометов, больше десятка станковых и ручных пулеметов, автоматы, винтовки. Деревня была обнесена окопными укреплениями.

Штаб соединения решил уничтожить этот гарнизон потому, что он находился на стыке трех районов и сковывал действия партизанских отрядов. На операцию было приказано выйти отдельным подразделениям отрядов Павловского, Храпко, Гуляева, Пакуша и Макара Бумажкова. Вышли также отряды Цикунова, Патрина. Отряд Цикунова был создан несколько месяцев назад и только теперь начал действовать как самостоятельная боевая единица. Всего было послано на Катку человек около пятисот с хорошим вооружением. При подразделениях было четыре пушки, один ротный миномет, шесть станковых и восемнадцать ручных пулеметов, много автоматического оружия. Общее руководство операцией было возложено на заместителя начальника штаба соединения Константинова.

Первоначальный план операции был примерно такой: подразделения Гуляева, Пакуша, Бумажкова и отряды Цикунова и Патрина наносят главный удар по гарнизону с западной и северной стороны. Для прикрытия флангов Павловский и Храпко выставляют боевые засады у деревни Косарычи и на дорогах, ведущих к гарнизону. Сигналом к началу боя должны служить две красные ракеты, пущенные в сторону противника.

Но перед самым наступлением разведка донесла, что противник с обозом и основным вооружением вы-

шел из деревни Катка и движется в направлении деревни Хоромцы Октябрьского района. К вечеру гитлеровцы заняли Хоромцы и выставили усиленные посты и патрули. Пришлось спешно изменить план операции. Командирам отрядов и подразделений были поставлены дополнительные задачи: резервной группе, находящейся при штабе, нанести удар по противнику, в деревне Хоромцы с юга, Пакушу и Патрину неожиданно ворваться в деревню с востока, а Бумажкову ударить по вражескому гарнизону в совхозе имени Потапенко. У противника оставалась свободной дорога на деревню Бобровицы, поэтому Гуляеву и Цикунову было приказано разместить засады в лесу и отрезать эту дорогу.

Наступление началось утром 10 августа 1942 года. В результате стремительной атаки гитлеровцы были выбиты из деревни, но им удалось отойти в небольшой лесок на север от Хоромцев и там укрепиться.

Тем временем подразделения Павловского и Храпко, форсировав реку Птичь, внезапным ударом разбили противника в совхозе Холопеничи, а затем повели наступление на деревню Катка. Здесь еще оставались охранные группы вражеского гарнизона. Основное военное имущество гитлеровцев тоже не было вывезено. Партизаны уничтожили остатки катковского гарнизона и захватили богатые трофеи. В ходе дальнейшего наступления был разбит гитлеровский гарнизон в деревне Слободка по дороге к Хоромцам.

Бой с основными силами гитлеровцев, укрепившихся в лесу на север от Хоромцев, продолжался более суток. Многие фашисты были перебиты. Оставшиеся ночью рассыпались и по одному или небольшими группами сбежали в Глусск, оставив на поле боя почти все вооружение и боеприпасы. Несколько «полицаев» сдались в плен.

Наши отряды потерь не имели, только двое партизан были легко ранены.

Успехи партизан на поле боя ободряли колхозников — строителей аэродрома, вдохновляли их на самоотверженный труд. За две недели с небольшим вся площадь будущего аэродрома была раскорчевана.

Всего несколько дней потребовалось для того, чтобы выровнять ее, засыпать щебнем и утрамбовать.

К концу августа аэродром был готов. Оставались только различные второстепенные хозяйственные работы и оборудование ложного аэродрома на случай налета вражеской авиации. Это могли бы сделать и сами партизаны, но мы заметили, что строители не хотят расходиться по домам. Однажды Филиппушка пришел в штаб и сказал:

— Мои бригады просят еще работы.

Мы посоветовались между собой и решили позволить строителям остаться на острове. Одну группу организовали для маскировки аэродрома, и она прекрасно справилась с этой задачей. Когда мы не ожидали самолетов, аэродром был засажен соснами и елками, и с воздуха невозможно было установить, аэродром это или лес. Колхозники построили землянки для обслуживающего персонала, для раненых бойцов, которых надо будет отправить в советский тыл, оборудовали ложный аэродром. Потом нашлась еще работа, в результате только небольшая часть строителей вернулась в деревни и была нашим постоянным резервом. А большинство осталось в партизанах: кто вошел в команду обслуживания, кто в хозяйственные взводы, некоторые получили оружие и стали в боевые ряды.

С первых дней сентября 1942 года на наш аэродром начали прилетать крылатые гости из Москвы и из других мест Советского Союза. Наш небольшой аэродром скоро стал известен советским людям за тысячи километров. О нем знали на Украине, в Литве, Латвии, Эстонии. О нем знали партизаны Польши, Чехословакии.

Сотни раненых народных мстителей Белоруссии и Украины были отправлены с этого аэродрома в советский тыл. Аэродромом пользовалось на протяжении нескольких месяцев партизанское соединение Ковпака. Однажды, в трудное для украинских партизан время, когда нельзя было сесть на свой аэродром, к нам прилетели секретарь ЦК КП(б) Украины товарищ Коротченко и начальник партизанского штаба Украины Строкач. С лесного аэродрома были вывезены в со-

ветский тыл и размещены в специальных домах тысячи детей погибших партизан и воинов Советской Армии. Отсюда вылетели в Москву видные ученые и крупные специалисты нашей республики, которые не успели эвакуироваться в начале войны.

Все годы войны пользовались мы Зыславским аэродромом. Воздушная связь была одним из важнейших средств прямой связи с Большой землей для всех партизанских соединений Белоруссии.

Это был первый в республике партизанский аэродром.

XXIII

Как только аэродром был готов, мы стали с часу на час ожидать самолета из Москвы. Он мог появиться в любой момент. Тоска по родной советской земле была настолько сильной, что многие в нетерпеливом ожидании круглые сутки не спали. Волновались все: и те, что дежурили на аэродроме, и те, что оставались в лагере. Да и сам я был очень взволнован: стало известно, что с первым же самолетом, который у нас приземлится, я должен буду вылететь в Москву, — Центральный Комитет КП(б)Б и Центральный штаб партизанского движения вызывали для отчета.

Москва, любимая столица нашей родины! Во все время суровой партизанской жизни ты была в наших сердцах. Каждую минуту, каждое мгновение мы думали о тебе, великой и могучей, неповторимо прекрасной, по-матерински ласковой и заботливой для всех сынов и дочерей, которые, не жалея жизни, защищали священную землю Советов под боевыми знаменами Ленина — Сталина!

При воспоминании о тех днях и сегодня взволнованно бьется мое сердце. Помню одну ночь. Это была тихая сентябрьская ночь, какие бывают часто у нас в Белоруссии, когда над головой небо будто стеклянное, и звезды кажутся особенно близкими к земле, когда тишину ночи нарушает только небольшой ветер, сдувающий с ветвей первые осенние листья. Я лежал на взгорке вблизи аэродрома, положив под себя ват-

ную куртку. Глаза мои блуждали по восточному краю неба. Я ждал, что вот-вот среди множества синих звезд вспыхнут другие, летучие звезды, вестники дорогой нашему сердцу Большой земли. Перед глазами всплывали волнующие картины Москвы — той Москвы, которую я помнил еще с мирных дней: Красная площадь, знакомый гранит мавзолея, зубчатая стена и Спасская башня, ровные ряды молодых, сереброигольчатых елей, высокие рубиновые звезды над дворцами Кремля. Сколько раз я ходил вокруг Кремля в мирное время!.. И теперь, на партизанском аэродроме, мне казалось, что я снова иду знакомым путем. Но теперь башни Кремля вставали передо мной могучими воинами-богатырями с нахмуренным челом, несокрушимые в бою. Мне представлялось освещенное окно в величественном здании, где, наверно, в эту ночь сидел над картой родины самый дорогой нашему сердцу Человек.

Мне очень хотелось побывать в Москве. Но, даже зная, что меня вызывают, я не мог представить себе, что буду в родной столице до окончания войны. Легко понять, как обрадовался я, получив радиogramму о вылете в Москву. Но одно беспокоило меня: надолго ли меня вызывают? Я рвался в столицу, но в то же время считал, что я не должен в такое суровое время оставлять товарищей по оружию. В то время положение наше было довольно сложным. Гитлер бросил против партизан крупные силы. Отряды нашего соединения вели жестокие непрерывные бои по всей территории Минской, Могилевской, Полесской, Барановичской и Пинской областей. Правда, мы наносили врагу, применявшему против неуловимых партизан фронтальную тактику, большие потери в живой силе и технике, срывали его планы. Но со дня на день нужно было ожидать подхода новых частей противника.

Время было очень напряженное. Надо было как можно больше активизировать деятельность подпольных партийных организаций, усилить их работу среди населения, увеличить боеспособность партизанских отрядов. Я неоднократно задавал себе вопрос: можно ли, даже на несколько дней, оставить подпольный

обком и отряды в такой ответственный момент? И хорошо ли вообще уезжать при таких обстоятельствах и оставлять боевых товарищей и друзей.

Но потом я отогнал все свои сомнения. Из Центрального партизанского штаба поступил вызов, а вызов штаба — приказ. А раз есть приказ, надо собираться. Мы все — члены бюро обкома, партийные руководители, командиры отрядов — правильно оценили эту поездку в Москву: это исключительно важное событие, оно будет иметь большое значение не только для нашего соединения, но и для развития партизанского движения в Белоруссии. Каждый из нас хорошо понимал, что в Москву нужно привезти точные сведения о деятельности белорусских партизан и получить там указания о дальнейшем развертывании всенародной борьбы с врагом.

Надо было видеть, с каким волнением готовились товарищи к этому ответственнейшему делу. Командиры отрядов ходили озабоченные. В своих рапортах им хотелось как можно подробнее рассказать об отрядах, о партизанах-бойцах, об их боевых делах. Члены обкома партии писали об опыте партийной работы в подполье, о политической работе в отрядах. Идешь бывало и видишь: светится огонек в лесном шалаше. Заглянешь в него и удивишься: после дневных боевых операций сидит ночью при лампе командир отряда и пишет рапорт в Москву. Каждому хотелось рассказать обо всем как можно подробней. Члены обкома приводили в порядок материалы о нашей боевой деятельности.

Приближалось время вылета. Необходимо, чтобы в партизанском соединении были хорошо продуманные задачи на ближайшее время. Вот почему незадолго перед вылетом мы вызвали в штаб на беседу командиров и комиссаров отрядов, секретарей подпольных райкомов. Мы не думали, что я надолго задержусь в Москве. Однако необходимо было, чтобы все командиры и комиссары отрядов хорошо знали, чем они будут заниматься. Мы считали необходимым поставить перед соединением первоочередные задачи.

В охранных и экспедиционных фашистских войсках были чехословацкие подразделения. Нам удалось выяснить, что многие солдаты и офицеры этих подразделений не хотят воевать против нас и что фашисты насильно мобилизовали их на службу. Чехи и словаки несли охрану многих мостов на важнейших железнодорожных путях. Нашей задачей было взорвать эти мосты и парализовать движение врага. Надо было немедленно связаться с чехословаками, развернуть среди них агитацию и, по возможности, перетянуть их на свою сторону. С помощью солдат и офицеров, сочувствующих нам, легче будет выполнить задачу деморализации тыла врага.

Наша разведка работала хорошо. Нам доносили, что многие чехи и словаки сами желают перейти к партизанам, чтобы вместе бороться против немецких фашистов. Людей, которые сочувствовали нам, можно было найти также и среди насильно мобилизованных поляков, румын, французоз и даже среди немцев. Вот эту задачу мы и поставили перед всеми партизанскими руководителями. Своим заместителям — Мачульскому, Бельскому, Бондарю и Варвашене — я посоветовал вести это дело осторожно, чтобы избежать всяких неприятных случайностей. К первоочередным задачам относилась организация взрывов больших мостов на вражеских коммуникациях. Мы и раньше придавали этому особое значение, но в большинстве случаев наши отряды разрушали мосты только на шоссе и грунтовых дорогах. Большие железнодорожные мосты первое время мы не всегда отваживались взрывать: у нас мало было подрывных средств, не хватало специалистов, и, кроме того, эти мосты охранялись крупными силами гитлеровцев.

Теперь же мы были достаточно подготовлены к тому, чтобы решительно взяться за дело и нанести врагу сильные удары по его коммуникациям: задержать, не пустить на фронт сотни военных эшелонов с живой силой, вооружением и техникой.

Мы решили, что прежде всего надо взорвать большой мост через реку Птичь. Этот мост находился на стратегически важной железнодорожной линии

Брест — Лунинец — Калинковичи — Гомель, по которой гитлеровцы перебрасывали в район Сталинграда свежие подкрепления. Охранялся он специальным батальоном гитлеровцев. Охрана была и на ближайших станциях. Крупные гарнизоны размещались в Петрикове и Копаткевичах.

Начать подготовку к этой операции мы решили немедленно. Она являлась одной из наиболее важных в нашем боевом плане. Руководство операцией возлагалось на Мачульского и Бельского.

И вот в это напряженное время пришел, наконец, долгожданный час вылета. Это было ночью 22 сентября. Над нашим островом в условленное время появился советский самолет. По условным знакам, по гулу моторов мы узнали его. Помню, от внезапно охватившей меня радости сердце забилося так сильно, что слышны были его удары.

Мы зажгли факелы, показывая гостю место посадки. Самолет покружился над лесом и, приглушив мотор, пошел на снижение. Все, кто был в это время на аэродроме, молчали в волнующем ожидании. Каждый из нас видел в самолете живой привет родины, Москвы, Сталина.

Самолет сел. Я, Мачульский, Бельский, Бондарь, Константинов, штабные работники и партизаны, дежурные по аэродрому направились к нему. Но из самолета никто не выходил. Летчики, должно быть, не были уверены, что попали к своим. Я назвал пароль. Один из пилотов быстро сошел на землю и пошел навстречу.

— Привет вам, товарищи! Привет из Москвы!

Мы по-братски обнялись. Летчик крепко пожал всем руки. Лицо его, простое и открытое, светилось радостью.

— Капитан Груздин.

Героя Советского Союза товарища Груздина мы знали хорошо, хоть и встретились с ним впервые. Он не раз прилетал к нам и вместе с грузами часто сбрасывал нам приветственные письма. Капитан попросил срочно разгрузить самолет, так как намеревался вылететь немедленно.

На площадке собралось много народу. Каждому хотелось взглянуть на посланцев Большой земли, побыть с теми, кто вылетал сейчас в родную Москву, кто увидит Красную площадь, Кремль, а может быть, и товарища Сталина. Люди жали мне руку, обнимали. В эти пожатия они вкладывали всю душу, которая рвалась к Москве, к Сталину. И я с особой силой почувствовал, какая ответственность лежит на мне: люди видели во мне своего представителя, того, кто должен доложить правительству, партии, великому Сталину, как борются с врагом народные мстители, как велико чувство народной преданности и любви к родному вождю, учителю и другу.

У многих товарищей были родные и близкие на Большой земле: у кого жена и дети, у кого родители, братья, сестры. Многие из них эвакуировались и работали в различных братских республиках. Много было и знакомых в разных краях и областях необъятного Советского Союза. Я получил для них письма и упаковал ими свой ватник. В карманах не помещалось. Я оторвал с одной стороны подкладку и зашил туда часть писем. Я знал, что частицу сердца партизана везу любимым, дорогим людям, и, когда садился в самолет, чувствовал на себе горячие взгляды своих товарищей.

Никогда не забыть этих минут!..

Но пора. Мы сели. Летчики долго не могли залезть в самолет. Партизаны все подходили и засыпали их разными вопросами и просьбами. Самой большой просьбой было — опустить письма в московский почтовый ящик. Иные просто просили передать привет всем советским людям, которые вместе с армией и партизанами ковали победу над врагом. Каждому хотелось быть как можно ближе к Большой земле, полней и глубже почувствовать ее дорогие просторы. А она вставала перед нами необъятная, от Белого моря до вершин Кавказа, суровая в борьбе.

Наконец самолет поднялся в воздух. Со мной полетели Константинов и Бондарь. Алексею Георгиевичу необходимо было основательное лечение, рана его часто открывалась.

Я летел, и мне не верилось, что я уже далеко от своих друзей. Еще так ясно стояли передо мной партизанские лагеря: шалаши, оружейные мастерские, герои-воины с красными лентами на шапках. На память приходили слова народного поэта Янки Купалы:

Партизаны, партизаны,
Белорусские сыны!
Бейте врагов поганых,
Режьте свору окаянных,
Свору черных псов войны.

Скорее в Москву! Но впереди была трудная дорога. Над линией фронта нас сильно обстреляли, один из моторов был поврежден. Нашему опытному летчику удалось проскочить опасную полосу и к назначенному времени привести самолет в Москву.

Прилетели мы перед рассветом, и вот самолет приземлился на московском аэродроме. В первый момент как-то не верилось, что фронт остался далеко позади, что мы в Москве. Это был первый день за все время войны, который мы начинали не в боевой обстановке.

Нас встретили командир авиационной части Коротков Вениамин Михайлович и начальник политотдела Карпенко Иосиф Михайлович. Я и сейчас их хорошо помню и буду помнить всю жизнь: это были первые люди, с которыми я встретился на Большой земле.

Высокий, стройный, немолодой командир части радостно пожал нам руки, глаза его блестели возбужденно и взволнованно, он широко и приветливо улыбался. Посыпались нескончаемые вопросы. Боевой, опытный командир смотрел на нас, как на каких-то необыкновенных людей, хотя мы, конечно, ничего необыкновенного собой не представляли.

Наши военные друзья пригласили нас к себе, хорошо угостили и разместили на отдых. Здесь я первый раз с начала войны разулся, стянул с себя верхнюю одежду,—между прочим, сильно уже поношенную,—снял даже оружие, с которым не расставался ни днем, ни ночью. Когда я положил кобурку на стол, мне казалось, что я делаю что-то непростительно рискован-

ное и опасное, — до того уже я, в прошлом гражданский человек, привык к оружию.

Немного отдохнув, мы переехали в гостиницу. На завтра не успели мы оглядеться, как за дверями послышался сдержанный, но довольно многоголосый говор. Я открыл дверь и вижу: стоят у дверей человек десять. Здесь мужчины и женщины, штатские и военные. Стоят и переговариваются между собой.

Мы пригласили их в комнату. Среди наших гостей было несколько белорусов, которые надеялись услышать от нас что-нибудь о родных городах, деревнях, узнать о близких и знакомых. Остальные были москвичи, военнослужащие, работники Центрального и Белорусского партизанских штабов. Всем им хотелось познакомиться с нами, поговорить, расспросить, как мы воюем, как борются в тылу врага советские люди.

Завязался сердечный, дружеский разговор. Народу все прибавлялось. Наша небольшая комната не могла всех вместить. Одни выходили, другие приходили. Тут я убедился, что не из простого любопытства старался обо всем у нас расспросить командир авиационной части. Мне стало ясно, что люди всей страны следят за нами, за неустанной борьбой белорусских партизан.

Мы разговаривали бы с людьми, пожалуй, до самого вечера, если бы не приехал Пантелеймон Кондратьевич Пономаренко. Он тепло поздоровался, расспросил о здоровье, о самочувствии. Нам очень хотелось скорее сделать подробный доклад о деятельности Минского подпольного обкома и партизанского соединения, но Пантелеймон Кондратьевич попросил только коротко проинформировать его о событиях самых последних дней.

Внимательно выслушав мою информацию, он поднялся и, подавая на прощанье руку, сказал:

— Все дела — потом. Запритесь на сутки, забудьте обо всем, отдохните, тогда начнем работу.

Но нам не удалось исполнить его совет: гости продолжали заходить, и не было почти ни одного свободного часа.

Через несколько дней мы встретились с товарищем Пономаренко в Центральном штабе партизанского движения. Пантелеймон Кондратьевич расспросил обо всем, что касается Белоруссии. Он интересовался не только тем, что делается в областях, но и в отдельных городах, городских поселках, деревнях. Особенно он интересовался людьми. Надо сказать, что Пантелеймон Кондратьевич до войны знал не только партийных и советских работников, но и рядовых коммунистов и беспартийных, работников науки и культуры, многих рабочих, колхозников республики. И теперь он внимательно расспрашивал о людях, где они, что делают, как борются с врагом. Судьба каждого человека глубоко волновала его.

Мы хорошо знали, что делается в деревнях и городах не только Минской, но и других областей республики, и старались обо всем подробно доложить. Я коротко рассказал о первых днях в подполье, о наших поисках правильных путей в новой, еще совсем не изведанной области работы. Были у нас и непомерные трудности и ошибки. Но мы ни одного часа не потратили на бесцельные блуждания, не порвали связи с народом, с партийными организациями. Мы всегда были с народом и все время пользовались его полной поддержкой. Наша сила, источник наших успехов заключались в мудром руководстве партии, в том, что нашу борьбу направляли, вдохновляли Центральный Комитет Всесоюзной Коммунистической партии и великий вождь товарищ Сталин.

XXIV

Когда Климент Ефремович Ворошилов через товарища Пономаренко сообщил, что Иосиф Виссарионович, вероятно, примет нас в Кремле, меня охватило радостное, невыразимое волнение. Я почувствовал, что это мое пребывание в Москве будет самым знаменательным, самым памятным в моей жизни.

Под вечер того же дня мы с Константиновым приехали на прием к товарищу Ворошилову. Теплой и радостной для нас была эта встреча. С глубоким внима-

нием и интересом слушал Климент Ефремович наш рассказ о борьбе белорусского народа против гитлеровских захватчиков, о том, как преодолевает наш народ тяжелые испытания, о стойкости и непоколебимости советских людей в тылу врага.

Особенно интересовался Климент Ефремович тактикой партизанской борьбы. Я доложил, как мы воюем теперь и как думаем воевать в дальнейшем. Коротко рассказал о наиболее важных и сложных операциях, проведенных партизанами в городах Минске, Борисове, о Старобинской и Любанской операциях, о нашем рейде, а также о боевых действиях в Слуцке и Красной Слободе, которыми руководил первый секретарь Краснослободского райкома партии Максим Жуковский. Рассказал также про героический бой партизан под руководством секретаря Руденского райкома партии Николая Покровского возле деревни Клинок, про большой бой в Октябрьском районе.

Я привел ряд примеров подлинного героизма и самопожертвования трудящихся Белоруссии в борьбе с врагом, рассказал о бессмертных подвигах Фени Кононовой, Евстрата Горбачева.

Задав несколько вопросов, товарищ Ворошилов попросил Константинова также поделиться своими впечатлениями о деятельности белорусских партизан.

— Я хотел бы сказать лишь одно, товарищ Маршал Советского Союза, — немного волнуясь, начал Константинов. — Я более года жил среди белорусов, вместе с ними воевал, плечо к плечу с белорусскими партизанами не раз ходил в атаку против врага и от души скажу, что глубоко полюбил белорусский народ, этих мужественных, свободолюбивых людей, и сегодня мне как-то грустно оттого, что я расстался с Белоруссией, хотя, может быть, и ненадолго. Я просил бы вас, товарищ Маршал Советского Союза, послать меня на Белорусский фронт. Я оправдаю доверие партии и великого Сталина. Правда, хотелось бы и в дальнейшем оставаться в рядах боевых партизан, в этой славной народной армии...

Мы оба, я и Константинов, были в довольно поношенной одежде. Заметив это, Климент Ефремович

поинтересовался, как партизаны обеспечивают себя обмундированием. Мы рассказали, что когда круто было, партизаны мастерили себе любую обувь даже из лозы, научились плести теплые одеяла из сена или соломы... Теперь же у нас есть все необходимое. Наши люди инициативны. Из любого положения они найдут выход. Чувство солидарности, товарищества, воспитанное у советских людей коммунистической партией, помогает преодолевать любые трудности. С величайшим энтузиазмом во всем помогает нам население.

— Белорусские партизаны, в каких бы тяжелых условиях ни находились, ни одной минуты не чувствовали себя одинокими, — сказал я товарищу Ворошилову. — Мы все время ощущали твердую поддержку советского народа, всей Советской страны. Понятно, что народная помощь намного облегчила нам положение и с одеждой и с продуктами питания.

Товарищ Ворошилов внимательно слушал, делая время от времени пометки на листке бумаги.

В вопросах и замечаниях Климента Ефремовича чувствовалось большое уважение и любовь к белорусскому народу, вера в силу его духа, в его патриотическую доблесть.

Когда в своем рассказе я упоминал названия населенных пунктов и крупных предприятий, мне не нужно было делать особых пояснений. Климент Ефремович хорошо знает Белоруссию, не раз бывал в ней до войны, постоянно следит за ее хозяйственным и культурным развитием. Белорусский народ в 1937 году избрал выдающегося сталинского полководца, Маршала Советского Союза К. Е. Ворошилова своим депутатом в Верховный Совет СССР.

Выслушав нас, Климент Ефремович сказал, что белорусский народ всегда был закаленным и героическим народом. Сколько раз ему приходилось преодолевать тяжелые испытания с помощью великого русского народа и совместно с ним отражать нашествие врага! И никогда не поколебался белорусский народ, всегда он был в первых рядах, мужественно боролся за свободу и независимость своей родины.

В конце беседы Климент Ефремович сердечно поблагодарил нас за работу во вражеском тылу и сказал: — Партизаны — действительно несокрушимая сила. С помощью партизан Советская Армия и советский народ обязательно выйдут в этой войне победителями.

На следующий день в полдень, когда я собирался идти в штаб партизанского движения, зазвонил телефон. Я снял трубку. Мне сказали, что со мной будет разговаривать товарищ Пономаренко. Тотчас же я услышал голос Пантелеймона Кондратьевича. От него я узнал, что Климент Ефремович после нашей встречи говорил с товарищем Сталиным. Иосиф Виссарионович заинтересовался нашими делами, подробно расспрашивал о белорусских партизанах, а потом сказал, что примет меня в Кремле.

Трудно передать чувство, овладевшее мною. Во вражеском тылу, в тяжелые дни партизанских боев с превосходящими силами врага, в дни суровой подпольной работы имя товарища Сталина придавало нам силы и уверенность в победе. Мудрые, вдохновляющие речи вождя, с которыми он обращался к советскому народу, армии, к партизанам, давали нам ясную и четкую программу действий. Сколько раз, собравшись вместе, мы мечтали о том, каким счастьем было бы увидеть товарища Сталина, услышать его спокойный голос, мудрые слова, рассказать о нашей жизни и борьбе, о безграничной любви народа к нему — нашему отцу и учителю.

И вот я увижу Иосифа Виссарионовича, буду разговаривать с ним! Я чувствовал, что и Пантелеймон Кондратьевич, сообщая о предстоящем приеме в Кремле, был рад за меня.

Все следующие дни у меня было какое-то особенно бодрое и радостное настроение. Бесчисленное количество раз я пересматривал свои материалы для доклада. Старался представить себе, о чем будет говорить со мной Иосиф Виссарионович. Перед глазами вставали многие дни подполья. То, что на месте порой и не замечалось, теперь ярко всплывало в памяти, становилось значительным и интересным.

Через несколько дней после моего разговора по телефону с товарищем Пономаренко меня срочно вызвали в ЦК КП(б) Белоруссии. Пантелеймон Кондратьевич ждал меня.

— Василий Иванович, товарищ Сталин вызывает вас к себе, — сказал он.

Мы сразу же отправились в Кремль. Входим в приемную товарища Сталина. Пантелеймон Кондратьевич берет меня за руку и тихо спрашивает:

— Очень волнуетесь? — И тут же успокаивает: — Ничего, Василий Иванович, вот увидите товарища Сталина, услышите его и сразу почувствуете себя, как дома, у родного отца.

Через несколько минут, с трудом сдерживая волнение, вошел я в кабинет любимого вождя. Навстречу из-за стола поднялся товарищ Сталин. Я поздоровался по-военному. Иосиф Виссарионович протянул мне руку и пригласил сесть. Мы с товарищем Пономаренко сели. В кабинет вошли товарищи Молотов, Маленков, Ворошилов, Берия, Андреев, Каганович.

Иосиф Виссарионович представил меня членам Политбюро и попросил рассказать, как действуют в тылу врага партизаны, как живет и борется белорусский народ.

Я встал и начал рассказывать. Товарищ Сталин предложил мне говорить сидя. Мне неловко было сидеть, когда товарищ Сталин обращался ко мне. К тому же я так волновался, что не знал, с чего начать. Иосиф Виссарионович заметил это и с ласковой, отеческой улыбкой еще раз предложил сесть. Я продолжал свой рассказ. Иосиф Виссарионович слушал, посматривая на меня внимательным, немного задумчивым взглядом. Время от времени он задавал мне вопросы. Товарищ Сталин интересовался всеми деталями партизанского движения и жизни народа на оккупированной фашистскими захватчиками территории. Видно было, что товарищ Сталин хорошо знает о наших делах, что он ставит только такие вопросы, решение которых еще более усилит партизанскую борьбу.

Слушая товарища Сталина, мне хотелось запомнить, запечатлеть каждое слово, каждый жест вождя. Все, что он говорил, словно прожектором освещало дальнейший путь нашей борьбы.

Говоря о дальнейших задачах партизанского движения, Иосиф Виссарионович особо отметил важность воспитания в народе непоколебимой веры в победу. Если у людей будет глубокая вера в несокрушимое могущество нашего государства, в непоколебимость его политического строя, они не останутся ни перед какими трудностями, они будут творить чудеса.

Товарищ Сталин разъяснил нам, что наряду с боевой работой необходимо широко развернуть и вести среди населения непрерывную политическую работу, рассказывать людям правду о положении в Советском Союзе, о беспощадной борьбе Красной Армии и всего советского народа против фашистских захватчиков, о неизбежной гибели кроважанных оккупантов. Необходимо разоблачать на фактах лживую фашистскую пропаганду, воспитывать в народе ненависть к фашистским захватчикам.

«До чего же глубоко знает товарищ Сталин народ, — думал я, — до чего же глубоко он верит в народ! Неизмерима вера народа в Сталина, и неизмерима вера Сталина в народ!»

Я слушал товарища Сталина в Кремле! Сбылась моя самая заветная мечта: своими глазами увидеть нашего любимого вождя, побыть совсем близко-близко возле него, услышать его спокойный, уверенный голос, к которому прислушивается весь мир.

В моей памяти промелькнули картины недавнего прошлого: Минск, встревоженный вражеским нападением гитлеровской Германии на нашу землю... Центральный Комитет КП(б)Б, где собрались руководящие партийные и советские работники республики. Взволнованный голос секретаря ЦК КП(б) Белоруссии товарища Пономаренко: «Слушаю вас, товарищ Сталин!» Потом местечко Березино, где 3 июля 1941 года мы услышали суровые слова нашего вождя: «Товарищи! Наши силы неисчислимы. Зазнавшийся враг должен будет скоро убедиться в этом.

Все силы народа — на разгром врага! Вперед, за нашу победу!»

Через сотни километров, которые отделяли нас от линии фронта, в глубоком вражеском тылу слышали мы близкий и дорогой уверенный голос: «За полный разгром немецких захватчиков!.. Наше дело правое, — победа будет за нами!» Набатным призывом летят слова вождя по селам и городам Белоруссии. Новые тысячи и тысячи людей поднимаются на беспощадную борьбу с гитлеровскими захватчиками. Ненависть к врагу полнит грудь каждого советского патриота. Учительница-комсомолка Феня Кононова, теряя от истязаний последние силы, плюет врагам в лицо. Один за другим падают трупы эсесовцев вокруг бесстрашного Евстрата Горбачева.

Вот группа партизан-комсомольцев собралась в землянке перед отправкой на ответственное и рискованное задание. Непроглядная осенняя ночь, глухой шум дождя. Лица у народных мстителей серьезные, сосредоточенные. Молчаливо заканчивают они последние приготовления. Но вот один из парней вполголоса запекает песню о Сталине. Знакомая, родная мелодия, знакомые, родные слова. Чувствуешь, как поднимается из глубины души, нарастает могучая, неодолимая сила, сила всепоглощающей любви к родине, чувство великого братства всех советских людей. Мысли только о победе, о священном долге перед народом.

— Эх, и доброе дело затеяли мы! — говорит юноша, который первым запел песню о Сталине. — За такое ничего не жалко отдать!

— Счастливого пути, товарищи! Желаю удачи, друзья!

— За родину, за Сталина!

Выступаешь на собрании в полусожженном, разграбленном фашистскими оккупантами белорусском селе. В каждом доме свое горе, свои обиды и тревоги, и у всех одно большое общее горе, одна общая тревога за судьбу родины. Говоришь о положении на фронтах, об успехах партизанского движения.

— По призыву товарища Сталина...

Не овации, не рукоплескания, чувствуешь, как учащенно бьются сердца. Какой лаской, любовью загораются глаза при имени товарища Сталина, какая сила появляется в людях! Мы несли в народ слово Сталина, и оно было самым могучим нашим оружием. Мы обращались к народу от имени большевистской партии, от имени товарища Сталина, и в этом был «секрет» всех наших успехов.

Имя Сталина согревает сердце каждого советского человека, где бы он ни находился. Оно вело нас в первый партизанский рейд по оккупированной врагом территории, вдохновляло наших отважных подрывников, подпольщиков, связных, поднимало весь белорусский народ против вооруженных до зубов фашистских захватчиков.

Вот теперь я в одной комнате с товарищем Сталиным, близко слышу его голос, вижу его ласковую отцовскую улыбку. Все, чем жил я десятки лет, о чем думалось и мечталось бессонными ночами, что вынашивал и берег в сердце, нахлынуло на меня, взволновало. Требовалось большое усилие воли, чтобы спокойно излагать свои мысли, спокойно вспоминать нужные детали подпольной партизанской работы.

Вячеслав Михайлович Молотов спросил меня о втором фронте. Какие слухи ходят в народе и как народ относится ко второму фронту, ждет ли его, надеется ли на него?

— Белорусский народ, — ответил я, — действующий по указаниям великого Сталина, более всего надеется на силы нашего советского государства, нашей армии, на силы всего советского народа и отдаст все для победы над врагом. Он идет в партизанские отряды, вступает в священную войну с фашистскими ордами и твердо верит в полную победу нашего правого дела.

Секретарь ЦК ВКП(б) товарищ Маленков спросил, как у нас обстоит дело с оружием, где мы его раздобываем, каким образом, достаточно ли этого оружия и в чем мы ощущаем потребность? Я рассказал, что много различного вооружения мы отбиваем у врага, но этим не ограничиваемся. Некото-

рые виды оружия, например ручные гранаты, а порой и автоматы, партизаны делают частично сами в наших мастерских. И здесь я рассказал, как в отряде Плышевского научились делать ручные пулеметы, как в отряде Розова партизаны отремонтировали разбитую немецкую пушку, поставили ее на самодельные колеса и используют в боях; как партизан, родом из братской Грузии, инженер Шевгулидзе, конструирует у нас новые виды вооружения, пригодные в условиях партизанской войны.

Иосиф Виссарионович ходил возле стола, медленно и тихо. Он внимательно следил за говорящими и о чем-то думал.

Товарищ Берия поинтересовался деятельностью нашей разведки и контрразведки. Я рассказал о наших разведчиках. Они с успехом справляются со своими задачами. Работы у них хватает. Враг пытается засылать в партизанские отряды разного рода провокаторов, шпионов, диверсантов. Недавно они попытались отравить целый отряд. Однако партизаны не простали. У нас хорошо поставлена контрразведка, народ во всем помогает нам. Воспитанные в мирное время чекистские кадры отлично действуют в тылу врага. Лаврентий Павлович подчеркнул, что самая сильная разведка — это народная разведка и о ней нельзя забывать, ее нужно использовать как можно лучше в условиях партизанской борьбы.

Здесь снова обратился ко мне товарищ Сталин. Он посоветовал не ограничивать нашу деятельность только сельской местностью. Партизанские руководители должны больше уделять внимания городу. В городах — крупные немецкие гарнизоны, военные базы. В городах разместились гестапо и большая часть немецкого командования. Многие города в то же время являются крупными железнодорожными узлами, основными пунктами дислокации вражеских частей.

После приема, когда мы встали и простились с членами Политбюро, ко мне подошел товарищ Сталин и, пожимая руку, сказал, что главное для нас теперь — не терять связи с народом, всемерно укреплять эту связь, — вот в чем залог наших успехов.

Иосиф Виссарионович попросил передать белорусскому народу привет и благодарность за мужественную борьбу и сказать от имени ЦК ВКП(б) и советского правительства, что Красная Армия скоро придет в Белоруссию.

Эти уверенные слова великого вождя были сказаны в самые тяжелые дни войны, когда гитлеровцы бешено рвались к Сталинграду и, развертывая наступление на север, вдоль Волги, ставили себе целью обойти Москву с востока, отрезать ее от Волги и Урала и потом ударом с тыла завладеть нашей любимой столицей.

Прием в Кремле стал незабываемой школой для меня на всю жизнь. И во время боевой деятельности во вражеском тылу и теперь, в мирный период, на партийной и советской работе, я часто вспоминал и вспоминаю встречу с великим Сталиным. Это придает много сил, наполняет сердце радостью, помогает в жизни и работе.

Из Кремля поехали с Пантелеймоном Кондратьевичем в ЦК КП(б)Б, долго сидели там, обдумывали указания товарища Сталина. Было ясно, что партизанское движение в Белоруссии должно вступить в новую фазу и принять еще более широкий размах.

Приехал я домой далеко за полночь. Несмотря на поздний час, в моей комнате было много народу. Партизанские руководители Украинской ССР, Смоленской, Витебской, Могилевской и других областей, находившиеся в то время в Москве, ждали меня. Каждому хотелось услышать что-нибудь о товарище Сталине, узнать его мнение о состоянии и задачах партизанского движения и о боевой работе белорусских партизан в частности.

Я постарался в точности передать то, что говорил товарищ Сталин, все подробности приема. С исключительным энтузиазмом встретили мои слушатели слова Иосифа Виссарионовича о скором приходе Красной Армии в Белоруссию.

Товарищи подробно расспрашивали у меня: как выглядит товарищ Сталин, как его здоровье. Проговорили мы так почти до самого рассвета, а когда

все ушли, я долго еще не мог уснуть. Первый раз в своей жизни я так близко встретился с Иосифом Виссарионовичем. Я старался навсегда сохранить в памяти каждое его слово. Мне хотелось сейчас же вылететь в тыл врага, к своим друзьям, к партизанам, чтобы скорее рассказать трудящимся Белоруссии о встрече с Иосифом Виссарионовичем, о его мыслях и пожеланиях.

Еще как следует не рассвело, когда я начал нетерпеливо звонить товарищу Калинин — начальнику Белорусского штаба партизанского движения, чтобы попросить его ускорить мой отъезд в Белоруссию.

Но быстро вернуться в Белоруссию мне не пришлось. Нужно было остаться на некоторое время в Москве. По поручению ЦК ВКП(б) я начал навещать предприятия, учреждения и встречаться с рабочими и служащими. Побывал в райкомах, выступал перед партийным активом. Был у зенитчиков, охранявших Москву. Всюду я рассказывал о жизни и героической борьбе белорусских партизан, о своей встрече с товарищем Сталиным.

Так прошло несколько дней. И вот вскоре мне сообщили, что товарищ Андреев просит меня зайти к нему завтра, в два часа дня.

Я поехал в ЦК ВКП(б) точно в назначенный час. Товарищ Андреев сразу же принял меня. Он подробно расспрашивал, как мы проводим организационно-массовую работу в партийных организациях и политическую работу среди партизан и населения, как совершенствуем вооружение партизанских отрядов, как добываем взрывчатку. Андрей Андреевич просил меня передать товарищам, что ЦК ВКП(б) и советское правительство сделают все, чтобы помочь белорусским партизанам. Затем он высказал мысль о том, что полезно было бы мне поехать на восток страны, побывать в Казани, Иванове, Коврове и в других промышленных центрах, выступить там перед рабочими и рассказать им о партизанской борьбе в тылу вражеских армий.

Я поблагодарил за доверие и через день выехал из Москвы.

Казанские, ивановские и ковровские товарищи принимали меня тепло, с радостью. Им интересно было встретиться с человеком, который прилетел из вражеского тыла, узнать от него, как живут и борются советские люди в оккупированных областях, какие трудности и испытания они преодолевают. Собрания на фабриках и заводах, где я выступал, были исключительно многолюдными. Слушали меня с вниманием, с искренним увлечением. Аудитория — глазом не окинуть, а тишина всегда такая, что муха пролетит — услышишь.

Я не делал специальных докладов, не читал лекций, а просто вел с людьми теплую, задушевную беседу, передавал им то, что видел в тылу врага, что сам пережил. Немало было случаев, когда рабочие тут же, на собраниях, писали заявления с просьбой направить их в тыл врага. Многие рабочие брали на себя обязательства работать на Советскую Армию и партизан день и ночь до полного разгрома врага. Рабочие одного завода, при активном участии Героя Социалистического Труда Дегтярева, сделали для всех командиров и комиссаров партизанских отрядов нашей области во внеурочное время автоматы.

Мне довелось выступать перед славными представителями русского народа, героического русского рабочего класса; среди моих слушателей были также украинцы, грузины, татары, казахи. Достаточно было видеть лица старых и молодых рабочих, слезы на глазах у работниц, когда я рассказывал о фашистских зверствах в Белоруссии, чтобы понять живую силу, глубину и величие сталинской дружбы народов. С волнением и радостью узнавал я о самоотверженном труде советских рабочих и служащих в трудных условиях военного времени.

В Казани был организован радиомитинг. Я обратился на этом митинге с призывом к рабочим предприятий и ко всем трудящимся Татарской автономной республики активно поддержать благородный почин Ферапонта Головатого по сбору средств на вооружение Советской Армии. Дружно отозвались патриоты Тата-

рии на это мое обращение. Много миллионов рублей внесли они на вооружение.

Позднее, когда я был уже в своем партизанском соединении, казанские рабочие и партийные работники часто присылали нам письма и даже посылки. Вот что писал в одном из писем секретарь Казанского горкома партии:

«Мы рады были бы, если бы белорусские партизаны каждый месяц навещали нас. Ваши выступления на предприятиях очень много помогли нам. Рабочие каждый день вспоминают вас, становятся на стхановскую вахту в честь белорусских партизан, все горят желанием снова встретиться с вами после победы. Желаем вам успехов в вашей героической борьбе».

Работница Ольга Сидорова, местная поэтесса, посвятила белорусским партизанам несколько стихотворений. Некоторые стихи партизаны заучивали наизусть, подбирали к ним мелодии и пели.

В конце февраля 1943 года я вернулся в Москву. Доложил товарищам Андрееву и Пономаренко о встречах с рабочими и начал собираться в Минскую область. Намеревался вылететь немедленно, но некоторые очень важные мероприятия снова задержали меня. В Москве шла подготовка к Третьему Всеславянскому митингу. Я попросил разрешения выступить на этом митинге от имени партизан Минщины. Митинг был массовым и прошел с большой активностью. Кроме меня, выступали там многие представители белорусского народа, в том числе народный поэт Белоруссии Якуб Колас, народная артистка СССР и БССР Л. П. Александровская и другие.

Перед самым отъездом мы снова встретились с товарищем Пономаренко. Начальник Белорусского штаба партизанского движения товарищ Калинин принес ориентировочный план операций по разрушению основных коммуникаций на территории Белоруссии, план тех грандиозных операций, которые потом стали называться «рельсовой войной» и вошли в историю под этим названием.

— Вот одно из мероприятий, вытекающее из указания товарища Сталина, — сказал Пантелеймон Кондратьевич, показывая на этот план. — Обдумайте все на месте, взвесьте каждую деталь. Центральный Комитет КП(б)Б, штаб партизанского движения твердо полагаются на вас.

XXV

Все самолеты приземлились на нашем аэродроме. Какое радостное событие! Еще не так давно было мечтой хотя бы по радио получить весточку из Москвы. Теперь же на остров опустилась целая эскадрилья самолетов. И хорошие новости привезены из родной столицы, и необходимые грузы доставлены в партизанский край. А сколько здесь было крылатых гостей до прилета нашей эскадрильи! Сколько вывезено отсюда детей-сирот и раненых партизан! Сколько привезено сюда ценных грузов для наших отрядов! Почти каждую ночь опускался на аэродроме самолет. Специальная аэродромная команда дежурила здесь круглые сутки, как на большом, боевом аэродроме.

Мы прилетели на рассвете: вершины деревьев слегка обозначились на фоне чистого летнего неба, а нижние ветви и стволы были еще окутаны мраком. Была как раз соловьиная пора. Многоголосые песни разливались по лесу звонким мелодичным эхом. Могло показаться, что здесь не военный партизанский лагерь, не вражеский тыл, а самое обычное для Белоруссии живописное место отдыха.

Но достаточно было посмотреть в лицо хоть одному человеку, и сразу становилось ясно, что жизнь здесь нелегкая.

Группа людей спешила к самолету. Первым подошел ко мне Иосиф Александрович Бельский. Он заметно похудел, лицо вытянулось, щеки впали. Вместе с Мачульским Иосиф Александрович руководил все эти месяцы деятельностью обкома и соединения.

С ним подошли Варвашеня, Далидович, Боровик, Луферов, начальник оперативного отдела штаба

Сергей Жуков, Казимир Пущин, Александр Жуковский и несколько командиров отрядов. Вокруг стояли партизаны. В предрассветном тумане трудно было всех разглядеть. Я тосковал по этим людям, как по родной семье, и теперь мне хотелось броситься каждому в объятия.

После первых радостных приветствий меня попросили хотя бы коротко рассказать о Москве, о встрече с товарищем Сталиным. Времени у меня было мало, да и люди устали, поэтому я хотел вначале ограничиться коротким сообщением о поездке в Москву, а потом уже, в следующий раз, рассказать обо всем подробно. Но скоро выяснилось, что несколькими словами не отделаешься. Не удовлетвори партизан сейчас же, не расскажи обо всем, что знаешь, — обидятся. Да и какое я имею право не пойти навстречу страстному желанию своих боевых товарищей? Вместе воевали, они послали меня в Москву, от их имени говорил я с товарищем Сталиным. Было здесь немало людей и из дальних районов, так как наш аэродром обслуживал в это время уже несколько областей. Всем хотелось подробно узнать, что говорил Иосиф Виссарионович, какие задания есть от товарища Ворошилова, от ЦК КП(б)Б, как живут и работают москвичи.

Я сказал, что товарищ Сталин знает о героических делах белорусских партизан и шлет им свой отцовский привет. Партия и правительство высоко оценили славные боевые подвиги народных мстителей: многие командиры и партизаны, а также рабочие, колхозники, работники науки и культуры, которые активно помогали партизанам, награждены орденами и медалями, некоторым присвоено высокое звание Героя Советского Союза. Наказ вождя — бить врага еще сильнее, еще активнее помогать Советской Армии. Чем сильнее и согласованнее будут удары с фронта и с тыла, тем скорее наша родная советская земля будет освобождена от немецко-фашистских захватчиков. Когда я сказал, что товарищ Сталин просил меня передать партизанам и всему белорусскому народу, что Красная Армия скоро вернется к нам, могучее «ура» прокати-

лось по лесу. Послышались возгласы: «Слава великому Сталину!», «Да здравствует Красная Армия!», «Смерть фашистским оккупантам!»

Я начал рассказывать все подробно: и как мы прилетели, и как нас встретили в Москве, как принял меня товарищ Сталин, что говорил, о чем шла речь при встрече с Климентом Ефремовичем. Весь разговор с товарищем Сталиным запомнился мне очень хорошо, на всю жизнь, и я передал его почти слово в слово.

Пока я говорил, не прерывали, все слушали с огромным, напряженным вниманием, стараясь ничего не пропустить, а потом началось столько всяких вопросов, что я не успевал отвечать.

Партизаны подробно расспрашивали о здоровье товарища Сталина. Их интересовало все: и как выглядит Иосиф Виссарионович и как чувствует себя. Потом пошли подробные расспросы относительно указаний, которые были даны товарищем Сталиным на приеме. Пришлось мне еще раз, более подробно передать наказ товарища Сталина. Я особенно подчеркнул указания Иосифа Виссарионовича о формах и методах партизанской борьбы, о значении массовости в партизанском движении и в общих чертах рассказал о наших задачах на ближайшее время.

Партизаны с огромным подъемом встретили мудрый наказ вождя. Все повеселели, оживились. Выходило солнце и озаряло мужественные, бодрые лица людей, готовых в любую минуту идти в бой.

Уже совсем рассвело, а наша беседа все еще продолжалась. Редел и рассеивался туман, и я все яснее различал на площадке знакомых и близких мне партизан. Вот в десяти шагах от меня стоит и радостно улыбается наш радист Володя Февралев. Тот самый Февралев, который вначале спорил со мной, ко всему относился недоверчиво, а потом искренне, по-сыновнему привязался ко мне, и мы стали лучшими друзьями. Я вспомнил, что перед самым вылетом в Москву он передал мне самодельный конвертик и просил переслать письмецо по одному заветному адресу. Я кивнул ему головой: мне приятно было, что не забыл

выполнить его просьбу. Рядом с ним нерешительно переступает с ноги на ногу Антон Филиппушка. Вот он набирается смелости и торопливо идет ко мне, — видно, тоже хочет о чем-то спросить.

— Он у нас теперь начальник аэродрома, — говорит о нем Иосиф Александрович. — Целую неделю глаз с неба не сводил, все ждал вашего самолета.

После встречи на аэродроме я сел на коня и направился в штаб соединения, чтобы скорее войти в курс дела и начать выполнять свои обязанности. Со мной поехали все штабные работники и человек десять командиров и комиссаров отрядов, которые в это время были на аэродроме. Дорога в штаб лежала через деревни нашей зоны: Старосек, Калиновку, Загалье, совхозы «Сосны», «Жалы». До штаба было не очень далеко, несколько часов хорошей езды, но нам удалось приехать на место только под вечер. В каждой деревне нам приходилось надолго задерживаться. Как только мы появлялись на улице, вокруг нас сразу собирались люди. Они окружали нас плотной толпой и просили побыть с ними хоть одну минуту, рассказать о Москве, о товарище Сталине. Обычно такая «минута» тянулась два-три часа, но зато потом люди тепло провожали нас, благодарно жали руки, на лице у каждого светились счастье и уверенность в победе.

Хоть эти деревни были и в нашей зоне, но и сюда нередко проникала отравленная фашистская пропаганда. Какие только слухи не ходили в то время: что фашисты уже якобы окружают Москву, что в Ленинграде не осталось ни одного живого человека. Понятно поэтому, что встретиться с человеком, который только что прилетел из Москвы, который видел товарища Сталина и говорил с ним, было величайшей радостью для каждого патриота. Все, что я рассказывал о товарище Сталине, воспринималось людьми сердечно, с воодушевлением и глубокой верой. Все это быстро передавалось из уст в уста, и уже на другой день разнеслась весть по районам: «Красная Армия скоро вернется. Сам товарищ Сталин про это сказал».

В то время я почти каждый день встречался с партизанами и жителями городов и деревень. Иной раз эти встречи сильно затягивались. Людям хотелось больше узнать, а мне больше рассказать. Я считал своим долгом и своим счастьем выступать перед народом как участник исторического приема в Москве, передавать людям наказ товарища Сталина. Собрания каждый раз были очень многолюдными, интерес слушателей — огромный. Иной раз я чувствовал, что нелегко удовлетворить до конца эту необыкновенную жажду людей узнать как можно более подробно о жизни в советском тылу, в Москве, в Ленинграде, о здоровье Иосифа Виссарионовича и членов Политбюро. Иногда задавались такие вопросы, на которые трудно было ответить, высказывались такие просьбы, которые нельзя было выполнить.

Помню, в одной деревне подошел ко мне старый, седой дед. Подошел, постоял немного, посмотрел на меня доверчиво, а потом и говорит:

— Спасибо вам, товарищ командир. Послушали мы вас — и на душе легче стало. Ей-богу! А если б еще, кажется, поглядеть на товарища Сталина, тогда мне, старому, и помирать не страшно. Нет ли у вас, случайно, нового портрета?

Я смутился: нового портрета Иосифа Виссарионовича у меня не было. Хорошо еще, что я догадался захватить с собой несколько экземпляров брошюры с докладом товарища Сталина. В ней как раз было фото Иосифа Виссарионовича.

Просьба старика пришлось всем по душе: я видел, что и другие колхозники чего-то ждут от меня и с надеждой поглядывают в мою сторону. Дети высыпали вперед, им хотелось первым посмотреть на портрет товарища Сталина.

Я роздал людям брошюру и заверил их, что товарищ Сталин выглядит теперь так же, как и до войны, что он здоров, хоть и очень много работает.

Такие встречи оказали нам большую помощь. У нас появились дополнительные резервы, еще больше укрепились связь и боевое взаимодействие партизан с населением.

Как только стало известно, что я вернулся из Москвы, в штаб соединения стали собираться руководящие партийные работники, партизанские командиры, руководители подпольных групп. Первым явился секретарь ЦК ЛКСМБ Кирилл Трофимович Мазуров. Он прилетел из Москвы осенью 1942 года и уже несколько месяцев работал с Евгением Коноплиным в тылу врага по развертыванию комсомольского подполья. Долгое время в соединении находился и секретарь ЦК КП(б)Б Иван Петрович Ганенко, но я его не застал. Ганенко плодотворно поработал на Минщине. Вскоре после моего отъезда в Москву ЦК КП(б)Б направил его для помощи минским, полесским и пинским партизанам. Планы многих важнейших операций были составлены с помощью Ивана Петровича.

Я рассказал Мазурову, а также областным и районным работникам комсомола о встрече с Иосифом Виссарионовичем и с членами Политбюро, передал советы и директивы Климента Ефремовича и ЦК КП(б)Б, охарактеризовал очередные задачи партизан Минщины и всей Белоруссии на ближайшие месяцы.

С командирами и комиссарами бригад я встречался несколько раз подряд. Мне хотелось как можно глубже войти в их работу, присмотреться к тем людям, которых я еще мало знал. За время моего пребывания на Большой земле в соединении многое изменилось. Количество партизан увеличилось почти вдвое. Появились новые партизанские отряды, группы, некоторые отряды переросли в бригады. Правда, командование соединения было против излишнего разбухания отрядов. Отряды должны быть небольшие. Это повышает их маневренность и боеспособность. Из наиболее передовых и способных партизан, командиров взводов, рот выделались командиры отрядов, а старое командование отрядов возглавило бригады. Так получилось у Далидовича, у Меркуля, Гуляева, Павловского, Патрина, Розова, Покровского, Храпко, Пущина, Ливенцева. В Заславском районе успешно действовала бригада «Штурм», в Копыле —

бригада Жижика и Еременки, в районе Пухович особо выделялись подрывники Филиппских, в Гресском районе — отряды Зайца, Коляды, в Краснослободском — Тихомирова. В Червенском районе значительную часть территории контролировали партизаны во главе с Кузнецовым и Плоткиным.

Даже отряд Столярова вырос в бригаду. И вырос он как раз за счет тех людей, которых Столяров недооценивал в первые дни войны, — за счет местного населения. Проездом мне случилось побывать в лагере Столярова. Ничего похожего на то, что когда-то приходилось у него видеть, я теперь не заметил. В отрядах установилась образцовая дисциплина и порядок, партизаны были аккуратно одеты, подтянуты, во всем чувствовался боевой дух, деловитость. И самого Столярова трудно было узнать. Это был уже не тот упрямый и своевольный человек, каким все знали его в первый год войны; передо мной стоял рассудительный, опытный и умный командир. Партизаны любили и уважали его.

Несколько своеобразной, но очень приятной была моя встреча с Николаем Николаевичем Розовым. Он примчался в штаб сразу после моего возвращения, раскрасневшись от быстрой верховой езды. Вид у него был взволнованный и радостный.

— Я давно жду вас, — заговорил он. — Раза три ездил на аэродром, — думал, встречу. И вдруг сегодня слышу, партизаны говорят: «Василий Иванович прилетел». Еще ночью ничего не слышно было, а утром — такая хорошая новость. Ну, что там в Москве, товарищ командир?

Мы разговаривали долго. Николай Николаевич рассказывал о своей бригаде, об отдельных партизанах. Говорил он искренне и с увлечением. Мне приятно было чувствовать, что Розов стал близким человеком, настоящим боевым товарищем и другом.

Когда-то наши отношения были не очень приятные. Николай Николаевич одно время сторонился не только меня, но и обкома партии, избегал встреч и не всегда охотно принимал советы и указания обкома. Теперь было ясно, что период шатаний у Розова давно про-

шел, что человек правильно понял роль партизанского командира, окреп духом, развернул свои способности, и уже ничто не собьет его с дороги.

— Что у тебя было на душе, — спросил я, когда мы вспомнили прошлое, — что ты думал о подпольном обкоме при первой нашей встрече?

Розов опустил глаза, потом, прямо и открыто посмотрев на меня, сказал:

— Я верил вам, но почему-то мне казалось, что партизанским движением должны руководить только военные, а не гражданские работники. Мне все казалось, что меня хотят прибрать, как говорится, к рукам, прижать, а потом, может быть, и выбросить. Нелегко было перебороть себя. Уже все факты были против меня, а я все еще сомневался. Постепенно я понял и убедился, что люди искренне желают мне помочь и радуются каждому моему успеху. От прежних сомнений, товарищ командир, теперь уже ничего не осталось.

В числе других был награжден правительством и Николай Николаевич. Когда на другой день я, от имени Президиума Верховного Совета СССР, вручил ему орден Красного Знамени, он в присутствии членов бюро обкома, командиров, комиссаров и партизан торжественно поклялся, что отдаст все свои силы и способности, а если надо будет — и жизнь, делу великой всенародной борьбы за свободу и независимость родины.

Вскоре приехал в штаб Столяров. Он явился после довольно трудной и сложной операции, которая, помнится, не принесла ожидаемых результатов. Командир бригады был утомлен. Неудача сильно волновала его. Долго он ходил по тропинке, среди кустарника, погруженный в свои мысли. Раскрыв планшетку, он что-то старательно нанес на карту, а потом подошел ко мне.

— Василий Иванович, — тихо сказал он, — тут у меня есть один план, сегодня ночью опять иду в бой.

Столяров объяснил мне сущность своего плана по разгрому крупного фашистского гарнизона в населенном пункте Белый Переезд.

— Что ж, хорошо, — согласился я. — Только справишься ли своими силами? Может, нужна в чем-нибудь помощь? Говори, обком пойдет навстречу.

— Справлюсь, — уверенно ответил комбриг. — Только вот дело одно есть у меня к вам, Василий Иванович. Давно уже собираюсь спросить, да все как-то не решаюсь. В сорок первом году я хотел вступить в партию, да война помешала. Уже и рекомендации были. Как вы думаете, Василий Иванович, могу я теперь подать заявление о приеме меня в кандидаты партии?

— Думаю, что можешь, — ответил я.

Столяров оживился, благодарно посмотрел мне в глаза и спросил:

— А ваша поддержка будет?

Я твердо ответил:

— Будет.

Теплые, душевные встречи были у меня с командирами и комиссарами отрядов, дислоцированных неподалеку от аэродрома. Многим из них в торжественной, праздничной обстановке я вручил высокие правительственные награды.

Александр Иванович Далидович получил награду в своей бригаде. На лесной поляне были выстроены отряды. Новый начальник штаба соединения Григорий Гнусов читал Указ Президиума Верховного Совета СССР. Когда пришла очередь Далидовича, он твердым шагом подошел к столу, покрытому красным сукном. Я протянул ему орден. Александр Иванович взял его, потом крепко пожал мне руку и взволнованно поблагодарил партию, правительство и товарища Сталина за доверие и высокую оценку его заслуг перед родной. В его светлых глазах искрилась глубокая, неподдельная радость, но чуть заметная тревога делала взгляд непривычно-взволнованным.

— Я понимаю, — стараясь быть спокойным, говорил Далидович, — я понимаю, что у меня были ошибки. С помощью областного комитета партии я преодолел их, много раз думал и передумывал все. Понятно, что награда приходит не за ошибки и срывы. Что ж, скажу один раз, и слово мое будет твердое: больше

не допущу подобных ошибок как советский гражданин, член великой партии большевиков, партии Ленина—Сталина, никогда не отступлю от боевой партийной линии!

В такой же торжественной, праздничной обстановке я вручил ордена и медали партизанам других бригад. Это еще выше подняло боевой дух наших отрядов и увеличило их активность. К сожалению, несколько орденов и медалей остались у нас не врученными: часть награжденных партизан погибла в героической борьбе с фашистской нечистью.

Как только закончилось вручение орденов и медалей, в штаб начали поступать ходатайства комбригов о новых награждениях. Много героических дел совершили отряды Минщины за последнее время. Все наши планы, которые намечались перед моим вылетом в Москву, были выполнены. Взять хотя бы операцию по взрыву железнодорожного моста через Птичь. Немало усилий, инициативы, энергии пришлось приложить партизанам для того, чтобы подготовить операцию.

Мост охраняло около семисот гитлеровцев. Кроме того, большие гарнизоны стояли в Птичи, в Калинковичах, в Муляровке, Петрикове. В любую минуту эти гарнизоны могли выступить на помощь охраняемым отрядам. Через каждые четыреста-пятьсот метров вдоль магистрали торчали дзоты. С тех пор как гитлеровское командование начало широкое наступление на Сталинград, железная дорога Брест — Лунинец — Калинковичи — Гомель приобрела необычайно большое стратегическое значение. По ней непрерывно шли эшелоны на фронт, поэтому она усиленно охранялась.

А взорвать мост надо было во что бы то ни стало. Таково задание правительства, таково решение нашего штаба, таково непоколебимое желание всех партизан. Убей фашиста в Белоруссии, не появится он под Сталинградом! Белорусские партизаны хорошо знали, какую неоценимую помощь окажут они славным защитникам Сталинграда, если надолго остановят движение вражеских эшелонов на одной из важнейших магистралей.

Для операции надо было достать большое количество тола. Командир отряда Казимир Пушин и инструктор по подрывному делу при штабе соединения Владимир Шимшонок организовали выплавку тола из трофейных снарядов. Но это было очень опасно, да и не очень-то скоро можно собрать взрывчатку таким способом. Подпольный обком и штаб соединения решили обратиться за помощью в Центральный штаб партизанского движения, к товарищу Пономаренко. Пантелеймон Кондратьевич распорядился выслать минчанам тол, и вскоре около пятисот килограммов взрывчатки было доставлено на аэродром.

Параллельно решались и другие, не менее важные задачи. Обкому было ясно, что если оккупанты бросят на оборону моста все свои силы, размещенные в этом районе, то партизанам трудно будет достигнуть цели, операция может сорваться. Поэтому в плане операции предусматривался ряд мер, которые обеспечивали успех нашим отрядам. Прежде всего имелось в виду снять угрозу окружения наших штурмовых групп, иначе говоря — предотвратить удар противника из Петрикова и Муляровки. Со стороны Калинкович ничего не сделаешь, отсюда будут гитлеровцы наступать, здесь против них будут выставлены силы, а вот относительно петриковского, муляровского и соседних с ними гарнизонов в штабе соединения были свои особые намерения.

В этих местах стояли чешские и словацкие части. Еще в сентябре на совещании командиров и комиссаров отрядов, которое состоялось перед моим вылетом в Москву, мы решили принять все меры к тому, чтобы сблизиться с этими частями, попробовать развернуть пропагандистскую работу среди антифашистски настроенных солдат и офицеров. Подпольный обком партии и штаб соединения выполнили эту задачу. С чехами и словаками была установлена связь.

Сначала эта связь осуществлялась путем переписки, а позднее были организованы официальные встречи представителей штаба соединения с чехословацки-

ми офицерами. Роман Мачульский, Кирилл Мазуров, Скалабан и Михайловский несколько раз ходили к чехам. Оказалось, что значительное большинство личного состава словацких частей ненавидело гитлеровцев, было готово помогать партизанам всеми способами и средствами. Для начала было договорено, что чехословаки помогут партизанам взорвать железнодорожный мост через Птичь. Они обещали передать нам планы укреплений этого района, обещали не оказывать сопротивления со стороны Петрикова и Муляровки, а если их все же заставят выступить, они не будут стрелять в партизан. Командование чехословацких частей дало слово чести, что в назначенный час они откроют артиллерийский огонь по гитлеровскому гарнизону на станции Птичь, чтобы облегчить штурм партизанским отрядам на левом фланге.

Имея такую надежную поддержку, наши отряды двинулись в поход. На операцию вышло около десяти отрядов — Далидовича, Павловского, Макара Бумажкова, Болотникова, Патрина, Жигаря, Столярова, подрывная группа Пушина и Шимшонка, автоматчики Александра Жуковского. Для того чтобы подойти к мосту всем отрядам, надо было пройти немалое расстояние: большинство из них дислоцировалось в Любанском, Октябрьском и Глусском районах, а мост через Птичь находился на территории Петриковского района. Кроме своих районов, необходимо было пройти через весь Копаткевичский район и часть Петриковского Полесской области.

Первый сбор был назначен в деревне Комаровичи Копаткевичского района. Сюда приехали Мачульский, Мазуров, Бельский, штабные работники. На коротком совещании командиров и комиссаров Мачульский еще раз подробно объяснил задачу.

— Помните, товарищи, — сказал он в заключение, — что это правительственное задание. Мы должны пойти на любые жертвы, но выполнить его.

Двинулись дальше. Конная разведка двигалась впереди и по параллельным дорогам. Большими колоннами шли бойцы, между колонн — подводы со

станковыми пулеметами, боеприпасами, взрывчаткой. Сзади шло специально сформированное для этой операции артиллерийское подразделение.

Километров за пятнадцать от Птичи отряд Макара Бумажкова, в соответствии с планом операции, отделился и повернул направо. На нем лежала задача — взорвать железнодорожное полотно на запад от моста, чтобы не дать фашистам возможности подбросить подкрепления со станций Старушки и Житковичи. Отряд Патрина остался в засаде на скрещивании дорог Копаткевичи — Новоселки. Пройдя еще немного, отделился и двинулся влево отряд Павловского во главе с комиссаром отряда Махоньком. Его задачей было взорвать железнодорожную линию с восточной стороны моста, чтобы перерезать дорогу фашистским подкреплениям, которые наверняка были бы брошены из Калинкович и из Мышаки. Отряду Далидовича вместе с артиллерийским подразделением было приказано взять направление на станцию Птичь, чтобы отрезать от мостовых укреплений станционный гарнизон и подавить его. Отряд Жигаря со станковыми пулеметами, отряд Болотникова, группа автоматчиков под командой Александра Жуковского и подрывная группа Пушина и Шимшонка пошли прямо на мост.

Недалеко от реки был установлен командный пункт. Здесь же остался и отряд Столярова. Командование соединения оставило его в резерве. Хоть и длинна осенняя ночь, но надо было спешить: немало времени прошло, пока подошли к мосту, заняли боевые позиции. Мачульский достал из полевой сумки план операции. Подошли Бельский, Мазуров. При свете фонарика, накрытого плащ-палаткой, командиры еще раз проверили, все ли учтено, продумано, не упущена ли какая-нибудь деталь. Иногда самое незначительное упущение в бою приводит к пагубным последствиям. Как связь, сигнализация? Ото всех ли отрядов и подразделений есть связи?

Долго тянулись эти последние перед штурмом минуты. Вокруг тишина и темень. Белесым туманом по-

крыто болото и прибрежный лозняк: трудно что-нибудь разглядеть.

Мачульский прислушивался и время от времени поглядывал на часы. Время штурма приближалось, но ни Бумажкова, ни Махонько не было слышно. Штурм можно было начинать только тогда, когда будет взорвана железная дорога с запада и с востока от моста. Взрывы должны произойти одновременно. «А что, если с одной стороны взорвут линию, — подумал Мачульский, — а с другой нет? Гитлеровцы всполошатся, трудней тогда будет». Он взглянул на Бельского, Мазурова и почувствовал, что то же самое беспокоит и их. Втроем они решили: штурм не начинать, пока не будет взорвана линия с обеих сторон.

Было ясно, что отряды Бумажкова и Павловского запаздывают. «Может, что случилось с ними, может, не удалось им добраться до железной дороги?» Если через минуту-две взрывов не будет, придется послать верховых выяснить, в чем дело.

И только Роман Наумович встал, чтобы отдать связным приказ, как справа от моста взлетел вверх огромный клубок пламени и вслед за тем донесся взрыв. В ту же минуту послышался взрыв и с левой стороны.

— Красную ракету! — приказал Мачульский. Это был сигнал к штурму. Отряды двинулись к мосту, а Далидович всей силой огня ударил по станции. Сразу же поползли к мостовым фермам подрывники. Впереди — Пушин и Шимшонок.

— Не отставать, ребята, не отставать!..

Гитлеровцы всполошились, но в первые минуты огонь их носил беспорядочный характер, — их охватила паника. Скоро, однако, поняв, что главным объектом атаки партизан является мост, гитлеровцы сконцентрировали свой огонь на подступах к нему. Так как каждый метр здесь был пристрелян, подрывникам трудно было подползти к самому мосту.

Мачульский приказал Столярову выйти на помощь Далидовичу и во что бы то ни стало подавить огневые точки на станции. Бронебойки и станковые пулеметы Жигаря и Болотникова ударили по дзотам,

автоматчики Жуковского подошли к самой линии. Они вели непрерывный огонь по группам гитлеровцев, которые высыпали из казармы и залегли возле дороги.

— За работу! — отдал Мачульский приказ подрывникам.

В это время артиллерийский и пулеметный огонь открыли чехи, те, которые раньше стояли в Муляровке и Петрикове.

Роман Наумович в тревоге повернулся к Мазурову:

— Неужели подведут чехи?

— Не может быть, — ответил Мазуров. — Я уверен, что они выполнят обещание.

Мачульский послал связного на правый фланг, чтобы узнать, беспокоит ли отряды пулеметный огонь со стороны Муляровки. Через две-три минуты связной доложил, что пулеметы из Муляровки бьют в сторону партизан, но пули пролетают высоко над головами.

Мазуров проследил за артиллерийским огнем и убедился, что ни один снаряд и ни одна мина не упали на позиции партизан. Наоборот, часть из них разорвалась справа от станции Птичь, а в последнюю минуту пушки и минометы начали бить прямо по станции.

— Пристрелялись! — радостно объявил Мазуров. — Надо им передать, чтоб так и били. Белую ракету! — приказал он.

Огонь чехов помог отрядам Далидовича и Столярова сразу приглушить птичский гарнизон. Бешено сопротивлялись охранные отряды, но подрывники все-таки прорвались к мосту. Пушин, Шимшонок и Титов быстро и ловко минировали мост. Они привязывали толовые заряды к тавровым балкам, фермам, закладывали в них капсулы и детонирующим шнуром соединяли заряды друг с другом. Остальные подрывники подносили к мосту все новые и новые пакеты гола.

— Шнуров больше давайте, шнуров! — подгонял их Пушин.

Вокруг бушевала и пенилась от пуль и взрывов

вода. Подрывники были все мокрые, залеплены грязью. Осколки мин и пули угрожающе звенели под мостом, ударялись о железо и бетон. «Хоть бы в капсулу не попало, а то все тогда пропадет», — беспокоились подрывники.

Не о себе они думали в эти минуты. Своя жизнь, спасность отодвигались на задний план, не принимались во внимание. Одно было свято, нерушимо: выполнить задание, выполнить честно! Весь мост должен рухнуть, тогда можно будет вздохнуть свободно.

Пушин быстро соединяет шнурами последние заряды.

— Проверь еще раз! — кричит он Шимшонку. — Прикажи убрать раненых!

Шимшонок ловкими, умелыми руками ощупал все заряды, капсулы, шнуры. Уже близился рассвет; теперь можно было увидеть то, что раньше было скрыто от глаз.

— Порядок! — доложил Шимшонок. — Давай сигнал к отходу.

Две белые ракеты взвились в небо. Партизаны начали отходить. Гиглеровцы тоже прекратили огонь. Только чехословаки попрежнему глушили птичий гарнизон.

У моста установилась напряженная, своеобразная тишина. Партизаны поспешно отходили, забирая с собой раненых. Только Пушин все еще оставался на мосту. Прислонившись к балке, он нетерпеливо ожидал, пока все отойдут, следил, чтобы не остался кто-нибудь из раненых или контуженных. И когда отряды были на почтительном расстоянии, командир подрывников начал зажигать шнур. Чиркнул одной спичкой — нет огня. Чиркнул другой, третьей — нет! Отсырели спички в мокром кармане! Достал зажигалку. Шаркнул ладонью раз, другой — не горит... «Вот тебе и раз! — в отчаянии подумал Пушин. — Где теперь возьмешь огня? Все сделали, а спички сухими сберечь не смогли. Что теперь делать?» Сразу пришло решение: ударить по капсулу и взлететь в воздух вместе с мостом. Последний раз провел ладонью по шершавому колесу зажигалки... И вдруг — огонь!.. Какое

счастье! Пущин поджег шнур и со всех ног бросился под откос.

Огромный, осветивший все вокруг столб пламени взлетел в небо. Взрыв потряс землю. Мост обвалился в реку тяжелым грузом покореженного железа и разбитого бетона.

Операция была проведена в срок. Как только отряды отошли от железной дороги, Мачульский дал радиogramму в Москву, в Центральный штаб партизанского движения:

«Ваше задание выполнено. Мост через Птичь, длиной 135 метров, — взорван».

Эта операция имела не только большое военное значение. Она содействовала разложению чехословацких подразделений и втягиванию их в открытую борьбу с гитлеровцами. И в дальнейшем чехи, словаки, румыны, поляки много помогали минскому соединению. Кроме того, что они неоднократно содействовали нашим отрядам в проведении боевых операций, доставляли важные сведения, помогали выявлять провокаторов, шпионов, многие из них позднее перешли к партизанам и с оружием в руках боролись против гитлеровских захватчиков. Так было с чехами и словаками, стоявшими в Слуцке, со словаками и румынами, несшими охранную службу в окрестностях Минска, в частности в зоне действия партизанской бригады «Штурм».

Чтобы помочь героическим защитникам Сталинграда, был успешно проведен и ряд других важных операций.

Чудеса героизма и отваги проявляли минские партизаны, коммунисты и комсомольцы в боевых операциях. Трудно описать все бои, даже самое короткое упоминание о них заняло бы немало места. Вот некоторые из них.

Командование бригады «Штурм», действовавшей в Заславском районе, разослало все свои отряды и подразделения на различные операции под Минском и в самом Минске. На базах отрядов оставалось всего только человек пятьдесят бойцов, в том числе повара, оружейные мастера.

Комиссар бригады Федоров, секретарь партийной организации Одинцов и секретарь комсомольской организации Миша Шайбак временно находились при штабе бригады. Вдруг штабу донесли, что в зоне бригады появились два батальона гитлеровцев. Они начали сгонять население и сжигать деревни. Гитлеровцев было свыше шестисот человек. Вооружение — пушки, минометы, станковые пулеметы. Переправившись через реку Удра, гитлеровцы повели наступление на деревни Слобода, Слободка и Довбарово.

Комиссар бригады, посоветовавшись с секретарем партийной организации, принял смелое, довольно рискованное, но единственно правильное решение. Он поднял на ноги всех, кто оставался на базах отрядов, быстро сформировал две боевые группы и повел их навстречу гитлеровцам. Одну группу, во главе с Одинцовым, он послал в тыл противнику, а сам с другой группой засел на высоте, в кустах, недалеко от реки. Удар был таким внезапным и сильным, что вражеские подразделения не выдержали и стали отходить. С тыла их встретил Одинцов. Гитлеровцы, прижатые к реке, заметались, в панике начали бросать оружие. Загнанные на болотистый полуостров, они некоторое время бешено сопротивлялись, но партизаны бились отважно, с твердой решимостью победить. Федоров, умело и оперативно руководя боем, сам вел огонь из станкового пулемета. Гитлеровцы тяжело ранили партизана-коммуниста Ерастова.

— Отходи в тыл! — приказал ему Федоров. Но Ерастов остался в строю. Осколком мины перебило руку Мише Шайбаку, и он уже не мог больше стрелять из пулемета. Наспех перевязав рану, отважный комсомолец подполз почти вплотную к позициям врага и забросал гитлеровцев гранатами.

К вечеру исход боя был решен. Часть вражеских солдат переправилась через реку, некоторым удалось выскользнуть из окружения и добраться до гарнизонов Рогова, Казекова, Заславля. Только убитыми фашисты потеряли в этом бою около сотни солдат и офицеров. Был убит и командир вражеско-

го батальона. Партизаны захватили две сорокапяти-миллиметровые пушки, один батальонный миномет и три ротных, пять ручных пулеметов, много винтовок и три автомашины с боеприпасами.

В этом бою погиб смертью храбрых секретарь комсомольской организации Миша Шайбак.

Навсегда останутся в памяти белорусского народа беспримерные по своему героизму боевые операции, которые провели в эти дни случкие и копыльские партизаны. С середины лета 1942 года здесь находился секретарь Минского подпольного обкома Иван Денисович Варвашеня, а член бюро обкома Александра Игнатьевна Степанова, как известно, была командирована сюда еще раньше. Благодаря плодотворной работе местных партийных организаций партизанское движение на Случчине и Копыльщине достигло к концу 1942 года широкого размаха. В отрядах насчитывалось уже несколько тысяч человек. Партизаны имели сравнительно неплохое вооружение: восемь пушек, четыреста станковых и ручных пулеметов, много винтовок и автоматов. Такие командиры, как Дунаев, Еременко, Шестопалов, Межнавец пользовались теперь большим авторитетом и популярностью в Минском партизанском соединении. О их славных делах знала вся Беларусь.

Двадцать пятая годовщина Октября в Минском партизанском соединении, как и во всей Белоруссии, отмечалась сильными ударами по оккупантам. Обком прилагал все силы, чтобы ослабить вражеское наступление на Сталинград. Отряды Случчины и Копыльщины провели несколько довольно крупных операций по разгрому вражеских гарнизонов, а в ночь с 7 на 8 ноября намечалась операция по уничтожению копыльского гарнизона.

Встретить же великий праздник командование решило на своей основной базе, в Старицком лесу. Во всех отрядах приготовились слушать по радио Москву. Намечалось утром 7 ноября провести митинг, часть партизан была занята сооружением трибуны. В подпольных типографиях Слуцкого, Копыль-

ского и Гресского райкомов партии подготавливался выпуск специальных номеров газет, посвященных великой годовщине Октября. Командиры и комиссары готовили свои праздничные приказы.

Вечером и всю ночь было тихо, а перед рассветом разведка донесла, что из Минска в Копыльский район прибыла мотопехотная часть гитлеровцев, имеющая в своем составе пять танков и свыше десятка бронемашин. Она почти с ходу блокировала Старицкий лес. Как только рассвело, фашисты повели стремительное наступление на партизанские отряды. Вместо празднования партизанам пришлось вступить в жестокий бой. Общее руководство боем взял на себя Варвашеня.

Отрядам Дунаева, Межнавца, Шестопалова было приказано держать оборону в Старицком лесу. Некоторые отряды, в частности крупный отряд Еременки, находились в это время в Велешинском лесу. Противник об этом не знал, а Варвашеня умело использовал это важное обстоятельство. Он послал приказ Еременке и другим отрядам немедленно выступить и ударить по врагу с тыла. Неожиданный удар заставил противника откатиться, прекратить атаки на Старицкий лес и окопаться. Тяжелый бой тянулся целый день. Фашисты несколько раз поднимались в атаку, но каждый раз откатывались, устилая поле боя своими трупами. С наступлением темноты отряды решительной атакой прорвали блокаду и, так как боеприпасы кончались, отошли в Лавский лес.

Гитлеровская экспедиция потерпела позорный провал. Только убитыми фашисты потеряли в этом бою свыше четырехсот солдат и офицеров и более тысячи было ранено. Гитлеровцы с такой панической поспешностью удирали из Копыльского района, что даже не подобрали трупов своих солдат, а раненых повезли в давно уже переполненные минские госпитали.

Бессмертной славой покрыл себя в этом бою отряд Дунаева. Отважные дунаевцы уничтожили более двухсот фашистских оккупантов, подбили танк и несколько бронемашин. Они выдержали основной натиск вражеских сил и не отступили ни на шаг. На-

оборот, партизаны Дунаева сами неоднократно подымались в атаку и в рукопашных боях уничтожали врага.

В бою смертью героя погиб Иван Николаевич Дунаев. Партизаны и население Минщины навсегда сохранили добрую, светлую память об этом замечательном человеке, отважном воине, пламенном патриоте.

Отряд Шестопалова уничтожил три вражеских танка, одну бронемашину и свыше сотни оккупантов. Одним словом, довольно крупная гитлеровская часть, посланная для уничтожения случких и копыльских партизан, была почти полностью уничтожена. Партизанам не удалось провести праздничный митинг, но праздник у них был отмечен боевыми делами.

Группа червенских партизан, под командованием члена бюро Червенского райкома партии Плоткина, перед самым праздником устроила засаду на Могилевском шоссе недалеко от Червеня. Гранатами партизаны подорвали четыре автомашины с живой силой противника, несколько десятков гитлеровцев было уничтожено пулеметным огнем. Большая колонна оккупантов, двигавшаяся из Минска на Могилев, была задержана больше чем на сутки.

Немало диверсий было произведено в это время в Минске, Бобруйске, Борисове. Отряды Филиппских, Покровского, Титкова провели ряд успешных операций по взрыву мостов и железнодорожных путей. И когда в партизанский край пришло известие о полном разгроме оккупантов под Сталинградом, каждый из участников партизанских боев испытывал двойную радость: за нашу общую победу и за то, что хоть в какой-то мере и он помог героическим защитникам Сталинграда уничтожать гитлеровские полчища и добиться великой победы.

Разгром гитлеровцев под Сталинградом вызвал еще больший патриотический подъем среди партизан и всего населения временно оккупированной врагом территории. Историческая победа советского народа у Сталинграда вдохновляла на новые героические подвиги во имя любимой матери-родины. Создавались новые партизанские отряды, тысячи людей шли в леса, увеличивая армию народных мстителей.

В конце июня съехались в штаб Минского партизанского соединения командиры и комиссары бригад, отрядов, секретари подпольных райкомов партии и секретари райкомов комсомола, редакторы районных газет. Прибыли также секретарь ЦК ЛКСМБ Мазуров, Евгений Коноплин и редактор подпольной газеты «Звезда» Барашков. Необходимо было подробно обсудить исторические указания товарища Сталина, данные им на приеме в Кремле, планы новых крупных операций и решения о дальнейшем развертывании партизанского движения, принятые пленумом ЦК КП(б)Б, который незадолго до этого состоялся в Москве.

Осуществляя указания великого Сталина и выполняя решения V пленума ЦК КП(б)Б о том, что надо усилить удары по тылам фашистской армии, бить и уничтожать повсюду колонны противника, усеять засадами все магистрали и дороги, сделать так, чтобы не было ни одного места, где немцы могли бы безнаказанно и беспрепятственно пройти, — партизаны всюду встречали гитлеровцев неожиданными ударами, преследовали их на каждом шагу. Действия белорусских партизан с каждым днем принимали все более широкий размах, движение народных мстителей становилось массовым, выросло во все более грозную для врага силу.

Следуя указаниям Верховного Главнокомандующего и выполняя решения V пленума ЦК КП(б)Белоруссии, подпольные партийные организации, руководящие органы партизанского движения, командиры и комиссары партизанских отрядов наряду с боевой работой развернули и систематически вели среди населения политическую работу, рассказывали правду о Советском Союзе, о беспощадной борьбе Советской Армии и всего советского народа против фашистских захватчиков, о неминуемой гибели кровавых оккупантов. Всеми средствами пропагандисты и агитаторы-подпольщики разоблачали лживую фашистскую пропаганду, воспитывали гнев и ненависть к оккупантам.

И население временно оккупированных районов Белоруссии шло за коммунистами-подпольщиками, за партизанами, ибо оно видело в лице партизан своих верных заступников, преданных сынов народа, свою опору в борьбе против немецко-фашистских захватчиков.

Героическая Советская Армия своими активными боевыми действиями против фашистских полчищ с каждым днем все больше и больше разбивала бредовые планы Гитлера, который задумал покорить нашу страну, поработить народы Советского Союза. С каждым днем приближался час расплаты за все злодеяния, совершенные гитлеровцами на советской земле.

В предчувствии этого часа фашистские выродки все больше лютовали. Они жгли города и села, угоняли советских людей на каторжные работы, уничтожали мирное население.

Подпольные партийные организации в тылу врага, выполняя указания товарища Сталина и решения V пленума ЦК КП(б)Б, принимали все меры к тому, чтобы спасти белорусский народ от истребления и насильственного угона в рабство в Германию. Большевики-подпольщики, партизаны и партизанки отдали много сил для того, чтобы расстроить замыслы врага, не дать ему осуществить его черное дело. Крестьяне многих районов в ответ на приказ гитлеровцев об отправке в Германию пошли в леса, к партизанам. По инициативе подпольных райкомов и межрайкомов партии в городах и деревнях были созданы отряды самообороны. На вооруженную борьбу против гитлеровцев, против банд факельщиков поднялись десятки тысяч советских людей, поднялся весь белорусский народ. Партизаны громили волостные управы, отбивали эшелоны с населением, которое угонялось в Германию. Не немецко-фашистские оккупанты, а советские люди были хозяевами на временно оккупированной врагом территории.

Изо дня в день белорусские партизаны закалялись политически, накапливали боевой опыт, вооружались, овладевали военным мастерством, укрепляли связь с населением. Наступление советских войск на

всех фронтах белорусские партизаны и партизанки поддерживали новым повышением своей боевой активности. Они помогали Советской Армии громить и уничтожать врага в тылу, нарушали его коммуникации, наносили удары по подходящим к фронту гитлеровским частям, захватывали, контролировали и разрушали железнодорожные линии, скрещения шоссейных дорог, пускали под откос вражеские эшелоны, взрывали мосты.

Ни террор, ни провокации, ни лживая пропаганда врага не сломили высокого морального духа и стойкости белорусского народа. Он был непоколебим в своей железной решимости бороться до последней капли крови против фашистских угнетателей. Влияние белорусских большевиков-подпольщиков на широкие массы населения временно оккупированных районов не ослабевало ни на минуту. Центральный Комитет КП(б)Б во главе с товарищем Пономаренко через подпольные партийные центры, через подпольные партийные организации, через политических комиссаров партизанских отрядов спланировал их идейно, политически, организационно.

Наша борьба показала, что коммунистическая партия выросла и воспитала партийных и беспартийных большевиков, людей особого, сталинского склада, которые вместе, плечо к плечу, воевали и проливали кровь на фронтах и в тылу врага за свободу и независимость матери-родины.

«Белорусские партизаны, — говорил К. Е. Ворошилов в своей речи на предвыборном собрании избирателей Минского избирательного округа 7 февраля 1946 года, — сыграли огромную роль в борьбе с врагом в деле его разгрома... Белорусский народ представляет собой такой народ ленинско-сталинской эпохи, который ни при каких обстоятельствах, даже если бы они были в десять раз более трудными, чем те, которые мы пережили, не пойдет в услужение к врагу, не склонит своей гордой головы перед врагом и будет с ним биться до последней капли крови. Это ценит Советский Союз, это ценит наша партия, это ценит великий Сталин.

Товарищ Сталин неоднократно говорил о заслугах белорусского народа. Товарищ Сталин отмечал доблестное поведение партизан Белоруссии и их заслуги перед Родиной».

Белорусская партийная организация по праву гордится своими партизанами и партизанками. Борьба белорусских партизан вошла в историю Великой Отечественной войны, в историю беспримерной битвы за Беларусь, за советскую землю, как одна из ярких ее страниц, и память о ней будет жить в веках.

Вся боевая деятельность белорусских партизан имела огромный успех потому, что во всех районах, городах и селах республики, а также в отрядах неутомимо работали большевистские подпольные партийные комитеты и первичные парторганизации, тысячами нитей связанные с населением. Коммунисты и комсомольцы были душой партизанского движения, являясь примером для партизан и партизанок. Они всегда находились в первых рядах отважных борцов за дело народа.

Плодотворной была работа подпольных большевистских организаций Белоруссии и борьба белорусских партизан и партизанок потому, что ими непосредственно руководил Центральный Комитет Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков) во главе с великим Сталиным.

* * *

Приближалось лето 1943 года.

Партизанское движение в Белоруссии вступало в новый, еще более сложный и ответственный период.
